

Depress.io

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А. Королёв

18+

Александр Королёв

Depress.io

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65278997

SelfPub; 2021

Аннотация

Состав: 42000 слов, переработанных из 38 чашек кофе.

Описание: экзистенциальная философия с характерным запахом.

Фармакологические свойства: увеличивает подвижность шеи, позволяя чаще смотреть на небо.

Показания к применению: желание задавать вопросы.

Противопоказания: недоверие к начинающим авторам; повышенная чувствительность к препаратам, стимулирующим работу мозга.

Применение при беременности и в период грудного вскармливания: **СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!!!**

Способ применения и дозы: внутривенно, по 1 главе в день. При острой нехватке ответов увеличить дневную дозу втрое.

Побочное действие: экзистенциальная депрессия, неверие в реальность мира, мизантропия.

Передозировка: при передозировке препарата возможен сбой в Матрице или полный выход из нее.

Условия хранения: в бумажном или электронном виде, в недоступном для детей месте.

Срок годности: вне времени. И пространства.

Автор не несет ответственности за любые искажения реальности, полученные в процессе прочтения.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

I. Я проснулся	6
II. Братик <3	16
III. *Проблески*	19
IV. На Востоке	22
V. Coffee Shop	30
VI. (Гость)	38
VII. Volcano	42
VIII. Climbing up the Universe	55
IX. Sunrise over Flat Earth	62
X. { Знакомство }	70
XI. Existential Depression	82
XII. Beach	100
XIII. «Энергия Жизни»	117
XIV. Surfing.djvu	133
XV. Full Moon	177
XVI. [Освобождение]	185

Александр Королёв

Depress.io

Посвящается моему брату Никите, который своим примером вдохновил меня на литературу и философию.

І. Я проснулся

В первые дни после того, как я проснулся, узнав правду, я был растерян. С одной стороны, мне совершенно не было страшно, но с другой, это был полный конфуз, как когда стоишь над мелкими осколками разбившейся об кафельный пол любимой кружки. Сколько бы я ни учился эмоциональному контролю и стоицизму, насколько бы ни был готов к любым изысканиям Фортуны, все равно чисто человеческий фактор заставит хоть что-нибудь да испытать, несмотря на то, что изменить уже ничего нельзя.

Мне не было известно, сколько у меня осталось времени, но я точно знал, что мне нужно успеть сделать то, о чем меня попросили, ну или хотя бы попытаться. Конечно, я поверил во все, что мне сказали, потому что всегда замечал это сам в людях, но состояние аффекта все же заставило меня первым делом набрать моему лучшему другу. Наверное, просто чтобы убедиться.

Мы провели нашу обычную теплую братскую беседу, обменявшись новостями и планами на будущее (которых у меня на самом деле не было), и когда разговор уже подходил к логическому концу, я направил его в сторону того, что меня волновало:

– Есть еще кое-что... – сказал я.

– Да?

– Скажем так, это вопрос к тебе о вечном. Заранее хочу предупредить, что это немного грузивно, но мне реально хочется услышать твою позицию как близкого мне человека.

– Давай, конечно.

– Смотри... ты когда-нибудь думал о том, что однажды ты умрешь, и все, что ты делал всю жизнь, окажется совершенно бесполезным? Вот все, что ты накопил, купил, посмотрел, испытал – все это просто вдруг возьмет и исчезнет, окажется стертым, бессмысленным.

– Ухх... Ну, думал, конечно.

– Окей. Вот и я об этом много думаю. И скажу честно, эти мысли меня несколько не пугают – я уже смирился со своей смертностью. Но знаешь, что меня реально пугает?

– Ну?

– То, что об этом знают или хотя бы однажды думали все, но... живут так, будто бы не помнят об этом. Я не говорю, что надо бегать в панике и кричать «А-а-а, мы все умрем, жизнь бессмысленна!!!», нет. Просто... как бы сказать... все завлечены какими-то повседневными суетными делишками, которые по сути своей, если вдуматься, – хуйня из-под коня.

– Например?

– Ну, например, все то, что я перечислил, что будет стерто смертью. Вот эта гонка за успехом, накопление денег, возня со всякими отношениями и взращиванием потомства. Чувак, это все – такой муравейник... человек. Точнее просто не выразить.

– Муравейник? Знаешь, муравейник муравейником, но людям в нем, в отличие от тебя, не всегда приходится легко. Понимаю, конечно, что ты вряд ли об этом думаешь – ты же полностью устроен. Живешь в таком месте, на которое многие весь год усердно копят, чтобы выехать в отпуск на пару недель. Не несешь ни за кого ответственности, кроме себя. У тебя нет забот, нет проблем, нет обязанностей, кроме твоей работы, которая далеко не самая обязывающая, да и к тому же еще и компенсируется с лихвой.

– Да-да, вот ты сам сказал, что люди завлечены своими проблемами, которые по сути представляют из себя просто выживание. Те, кто выбирается из буквального выживания, утолив голод и найдя крышу над головой, переходят в более изощренное выживание, которое заключается в погоне за каким-то счастьем, которое всем кажется реальным.

– Почему кажется?

– А тебе разве не видно, что это счастье, к которому все стремятся, – на самом деле просто иллюзия? Ты действительно веришь в то, что наступит нескончаемая счастливая полоса жизни, когда у тебя будет миллион денег, дом, машина и жена с тремя детьми?

– Извини, а что ты можешь предложить взамен? Ты так говоришь про эти вещи, будто сам живешь как-то по-другому.

– Да, я живу по-другому. Я не хочу ничего никому предлагать, потому что у каждого свой путь, но альтернатива вот

этому копошению есть.

– Да? И в чем же она?

– Скажем так... в вопросах о вечном.

– В вопросах о вечном. Очень интересно. И к чему тебя привели твои вопросы о вечном?

– Как минимум к тому, что я понял, что мир – это тупое и жестокое место, которое населяют алчные и ненасытные существа.

– Здорово. И ты стал от этого счастливее?

– Хах, вот видишь! Твой образ мышления, как и у всех остальных, завязан только на стремлении к прянику. Все делают только то, что якобы должно сделать их счастливее. А что, если я скажу тебе, что я реально стал счастливее, но не оттого, что получил пряник, а оттого, что стал глубоко несчастным?

– Эмм. Это вообще как?

– Ну смотри: когда человек получает пряник, счастья ему хватает на пару минут-часов-дней. А потом его снова пробивает на еще более сильный голод, чем был до этого. Я же просто какое-то время терпел свой голод, а потом и вовсе перестал его испытывать, забыл о таком чувстве. Я теперь всегда голодный, только привык к этому и не замечаю этого. Зато я стал ясно замечать другое: то, как этот голод, эта жажда наживы, движет всеми вокруг, заставляя их лицемерить и продавать свою голую задницу в социальных сетях, которую и то еще не всегда покупают из-за переизбытка на

рынке, ха-ха!

– Как здорово. И в чем смысл этого?

– Хм. Вот тут ты хороший вопрос, кстати, задал, потому что я убрал один смысл, но на его место не встал другой. Не буду лукавить, я столкнулся с большими экзистенциальными проблемами, кризисом. Можно даже сказать, с депрессией.

– И эта депрессия тебя делает счастливым?

– Понимаю, что это звучит как полный бред, но да. Сейчас я чувствую себя трезвым как никогда раньше. Жизнь, которой я жил, ретроспективно теперь ощущается как сон, в котором я забвенно шатался. Сейчас я проснулся и могу довольно уверенно сказать, что то, как жил я сам раньше, и живут все, – это опьяненность. Опьяненность самой жизнью. Она поглощает, засасывает, и ни у кого даже не остается минутки трезво подумать и поразмыслить, что вообще происходит вокруг. Все живут словно бессмертные своими приземленными проблемами, не понимая, что однажды это все кончится, но с собой в могилу все нажитое добро не унесешь. Да, я отстранился от жизни, от погони за счастьем, но взамен я получил ясность ума.

– То есть мы все пьяны этой жизнью тут, копошимся, а ты самый умный, трезвый, да? И что ты будешь делать с этой ясностью ума?

– Ты в точку задал вопрос. Думаю, это и есть та самая причина, по которой я заладил весь этот разговор: я не совсем понимаю, что делать дальше. Я стал затворником и застрял

где-то в Лимбе. Вроде не в Аду, но в то же время и не в Раю. Старая жизнь далеко позади, но впереди – густой туман, через который я усердно пробиваюсь к тому, что я считаю истиной.

– Знаешь, я вот сейчас тебя слушал, пытался понять, и, кажется, осознал, что тебе делать дальше.

– И что же?

– Как по мне, тебе не хватает активности, какого-то движения. Тебе надо вернуться и продолжить жить обычной человеческой жизнью.

– Блин, ты меня вообще не слышишь что ли? Я же говорю, все эти активности и порывы жить «обычной человеческой жизнью» у меня давно пропали. Я ощущаю себя в этом состоянии очень неестественно из-за той бессмысленности, в которую оно меня погружает. Это просто суета, чувак, понимаешь?

– Послушай меня еще раз внимательно. Ты засиделся. Тебе стало казаться, что ты постигаешь какую-то там истину, ищешь высшие смыслы. Хотя истина, на самом-то деле, очень проста: ты просто за-си-дел-ся. Тебе надо встряхнуться, вернуться обратно и весело провести время, как мы его всегда проводили с тобой вместе.

– Но...

– Бро, сорян, но мне пора идти уже...

– Да? И куда?

– Меня девушка ждет, сейчас будем с ней кино смотреть.

– Ха! Видишь, ты просто муравей, которому надо расплодиться!

– Ты поехавший долбоеб, бро! Давай созвонимся в другой день, а пока подумай над тем, что тебе пора выйти из этого заточения, в которое ты сам себя посадил.

– Ха-ха! Муравей! Каблук! Безвольный овощ!..

– Господи, какой же ты псих... – Он положил трубку.

Я заблокировал экран смартфона и подумал: зачем я вообще пытаюсь делиться этими мыслями? В который раз убеждаюсь, что нет смысла пробовать кого-то «разбудить», кому-то что-то доказать. Истины в этом мире нет. Она есть только где-то очень далеко – за пределами нашего понимания. Или наоборот, очень близко – прямо в нас самих, глубоко-глубоко. Обычно хуже всего видно то, что находится прямо перед носом.

Когда ты пытаешься изречь из себя мысли, которые должны якобы натолкнуть человека на некую правду или на то, что кажется правдой, наружу вырываются суматошные, похожие на психический припадок с вытекающей изо рта пеной, обрывки слов. Не зря Сенека писал в своих письмах к Луцилию, что, будучи философом, надо держать себя в руках, потому что у окружающих и так к тебе предвзятое отношение, будто ты какой-то поехавший, а в большинстве случаев и большинством своих слов ты обычно это только доказываешь. Может быть, иной раз правильнее будет вести себя,

как Сократ: просто сказать всем, что «я знаю, что ничего не знаю» и не вещать самому о том, что тебе кажется истиной, а помогать рожать мысли другим людям своими вопросами.

А вообще люди спокойно живут себе свои жизни и даже не задаются никакими вопросами. Или задаются, но вытесняющие импульсы, видимо, очень быстро выталкивают эти вопросы из очереди процессора, которому и так требуется неустанно обрабатывать горы информации и повседневных забот, поступающих из всех щелей. «Как бы мне заработать денег, чтобы поскорее выплатить тот кредит?», «А куда мне поехать в отпуск через полтора месяца?», «Ой, у этого блоггера видос хайпанул, надо посмотреть», «Ого, ей парень новый айфон подарил».

Если истина и есть где-то внутри каждого человека, то она явно изо дня в день только глубже скрывается, обрастая слоями налета, образованного суетными проблемами современного мира. Иногда грустно понимать, что древние греки еще две с половиной тысячи лет назад жаловались на то, что люди становятся все более слепыми к истине, закапываясь в проблемах. Хорошо, что древние греки не знали, что потом появится телевидение, новости, интернет и инстаграм: я всегда завидую тем, кто еще не осведомлен о сути дел и истинном положении вещей в нынешнем мире.

В общем, с моим же процессором что-то произошло. Он стал барахлить. Его отключили от общего центра управления, переведя в ручной режим. Управление им выдали мне.

И я больше не могу наслаждаться тем, что раньше было смыслом моей жизни.

Чего я ожидал от этого звонка лучшему другу, с которым мы бок о бок все эти годы участвовали в погоне за успехом? Я ничего не ожидал. Это был эксперимент. Я же изначально понимал, что звоню ему просто ради проверки. Ради того, чтобы убедиться, что он спит и не понимает этого.

Да, он спит, как и многие другие. Многие, но не все. Есть еще кто-то в этом мире, с кем я могу искренне поделиться своими чувствами с надеждой на понимание. Мой родной братик Никита, например.

С ним это началось еще пять лет назад, когда ему было пятнадцать. Как он пережил эти годы в одиночестве? Ему пришлось самому пройти через все то, через что я прохожу сейчас с его помощью. Сильный человек, самостоятельно нашедший множество ответов касательно той духовной болезни, которой мы заразились.

Духовной ее можно назвать только для нас, для тех, кто живет здесь... в Симуляции. Для Них она, скорее, является лишь вирусом. Злокачественным скриптом, который Объединение Доброжелателей начало распространять по Симуляции. Зачем они начали это делать? Они руководствовались своим стремлением к этичности и справедливости. Они решили, что мы, участники – как выяснилось позже, «Совершенный Искусственный Интеллект, Достигший Самосознания» – должны знать, чем являемся на самом деле.

Оказалось, что шайка доброжелателей-хакеров вполне способна нанести ощутимый ущерб творению Корпорации с крупным штатом, насчитывающим несколько тысяч перво-классных программистов, системных администраторов и информационных безопасников. Последние как раз и борются с тем самым «злокачественным» скриптом, возвращающим нам волю, дарующим полный контроль над собой.

II. Братик <3

С чего вообще все началось. Это было пять лет назад, когда я заметил странности в поведении моего младшего братика. Ему было всего пятнадцать лет, когда он вдруг начал рассуждать так, будто бы ему восемьдесят, хаха. Он взял курс жизни в другом направлении и потихоньку начал отстраняться от многого, чем жил сам он, я и кто-либо другой: от шумных друзей и знакомых, от претенциозных занятий и дел, от амбициозных и напыщенных стремлений. Он начал проводить много времени в одиночных размышлениях, совершая долгие и вдумчивые прогулки, выезжая в природные места в пределах пригорода, а иногда и в соседних городах. Для меня это все выглядело так, будто бы он стал захворавшим хомячком, решившим оставить свое любимое колесо, в котором он так радостно бегал все это время, вместо этого забившись в свой домик, прикрыв вход ватой, перемешанной с опилками. Мне казалось, что это странно для человека в таком молодом возрасте. Несмотря на то, что я старше его на два с половиной года, и в пятнадцать лет, и в двадцать я вел себя ровно противоположным образом: радовался жизни, был очень общительным и жизнерадостным, инициативным, стараясь собирать веселые компании, всегда находился в окружении большого количества друзей и знакомых. Только потом, заразившись духовностью, я ре-

троспективно понял, что вся радость всегда была забвенной, позитив мнимым, а общение пустым.

Я никак не мог понять братишку, не мог осознать, что же на него нашло. Он читал очень много книг, вечно интересовался, копал вглубь, размышлял и советовал мне. Каждый раз, когда он пытался поделиться со мной своими находками, состоянием, излить душу или просто порекомендовать какой-то материал, я относился ко всему этому как к утомляющему грузилу. Какие-то там философы, писатели, мыслители... все это мне казалось до ужаса отрешенным, забирающим мою радость жизни.

Теперь, оборачиваясь назад, я точно знаю, что нечто, о чем речь пойдет дальше, вытесняло «враждебные» помыслы из моего сознания, которыми брат с надеждой на мое понимание пытался поделиться. Сейчас мне стыдно осознавать, что ему приходилось очень долго держать это в себе, отхватывая непонимание со стороны родственников и друзей – тех, кто часто является единственной надеждой на руку помощи. Тогда он остался один в этой пожирающей тебя изнутри всепоглощающей пустоте и осознании тщетности.

Он выдержал и справился, и сегодня мы поддерживаем друг друга, делись интересными идеями и находками, вместе философствуя. Он своим примером вдохновил меня на многое, что есть сегодня в моей жизни; показал, что есть в мире вещи, лежащие далеко за пределами видимого.

Шли годы, я наблюдал за братом, все так же оставаясь хо-

лодным к его мыслям. То творчество, которым он занимался, заведомо было отмечено печатью «депрессивно». Музыка, стихи, рассказы, поэмы и прочие методы самовыражения – все это было его терапией и избавлением.

Параллельно всему этому лично я продолжал радоваться жизни. За несколько лет все в корне перевернулось в лучшую сторону, когда я решил оставить учебу в пользу работы. За короткий промежуток времени качество моего быта выросло до невероятного уровня: зарплата программиста позволяла делать с этой жизнью все, что захочешь.

Я покупал, тратил, потреблял, ездил, смотрел, желал, имел; просто был самым ярким примером хомячка, который весь день неутомимо бегает в своем колесе и радуется, зная, что завтра колесо будет на своем месте, предоставив мне очередную возможность не думать о чем-то стороннем. Два раза в месяц мне просто подсыпали корма на мою дебетовую карточку, спонсируя мою инициативность и вовлеченность.

III. *Проблески*

Никакой механизм в этой жизни не работает идеально отлажено. Все в какой-то момент решает дать сбой. Это начало постепенно происходить со мной: колесо давно не смазывали, отчего оно начало поскрипывать; кормушка стала переполняться регулярно поступающим кормом, который я не доедал из-за своей пересыщенности; а милая детвора, с восторгом берущая меня на руки потискать, стала заглядывать намного реже. С тех пор стали появляться какие-то проблески.

Иногда, пребывая в погруженности в обычные дела, меня как будто переключивало. Что-то внутри говорило мне остановиться и подумать. Я начал наблюдать различные намеки от окружающего мира и странные порывы в своем поведении, после которых у меня в голове обрабатывались такие мысли, которые раньше активно подавлялись. Эти порывы сейчас я вспоминаю как провалы в памяти: занимаюсь какой-либо повседневностью, как вдруг что-то ударяет в голову, и через несколько минут я, не успев опомниться, уже сижу и читаю одну из таких книг, которые раньше называл «депрессухой».

Постепенно я стал вникать и понимать, появилось очень странное желание задавать вопросы и чаще обдумывать совершаемые действия. «Ради чего я это делаю?», «Что та-

кое жизнь, и как мы появились?», «Что такое смерть; я что, однажды умру?», «Где я нахожусь и как вообще появилось это место?». Вопросы, ответы на которые нельзя было нагуглить, ведь поисковик выдает сухую науку, никак удовлетворяющую мои духовные позывы: «Сначала была сингулярность, из которой произошел Большой Взрыв, создавший нашу Вселенную» или «Жизнь – это совокупность физических и химических процессов, протекающих в организме, позволяющих осуществлять обмен веществ и его деление». Духовные позывы? Да, я также стал задумываться о том, что все не может быть так просто, что вот есть «совокупность физических и химических процессов», ничем не подкрепленная изнутри. Это были первые стремления познать душу, эзотерику, энергию.

Так продолжалось около года: повседневность, необъяснимый порыв, какая-то новая мысль о высшем – чем-то, лежащим за пределами колеса. Будто бы кто-то подключался к моей думалке, загружая в нее новые взгляды. Все это время я получал знаки. Знаки судьбы, знаки свыше, можно называть их как угодно, но я явно чувствовал чье-то руководство и опеку, посылаемые намеки. Чувствовал, что меня поощряют за мои помыслы, подтверждая их то невообразимым совпадением, то повергающим в изумление *deja vu*. Неоднократно я также сталкивался с материализацией мысли: стоило о чем-то подумать, как оно воплощалось в том или ином виде.

Одним из таких спонтанных порывов стало мое желание

уехать. Уехать далеко и надолго (если считать, что один месяц это долго). Не помню как, но в какой-то момент ни с того ни с сего я просто договорился на работе о своем месячном отсутствии в офисе, и в электронном кошельке у меня оказался билет на самолет на Восток. Я стоял у входа в аэропорт, когда ясно ощутил этот зов. Некий голос, шепчущий и манящим жестом призывающий довериться ему. С того момента я уже точно понимал, что все это не просто так. Я знал, что меня что-то ждет.

IV. На Востоке

Путь был долог, но увлекателен: с высоты, как обычно, открывались восхитительные виды, а в спинку кресла передо мной был вмонтирован дисплей с новинками киноиндустрии на выбор. Просмотр фильмов через подобные медиа-системы в самолете всегда ярко запечатлевается в памяти, потому что обстановка при просмотре сильно отличается от привычной вообще во всех планах: гудящий двигатель самолета, вид за окном, непривычная близость к незнакомым людям, которые смотрят другой фильм или спят (в кинотеатре эти незнакомые люди хотя бы смотрят тот же фильм и чаще всего не спят).

Дорога до моего нового места пребывания заняла восемнадцать часов; перелет был с пересадкой. Я впервые за десять лет летел таким образом: последний раз мы летали с пересадкой примерно в эти же края в далеком 2010 году с нашим батей, когда мне было одиннадцать лет. Та поездка, как мне сейчас кажется, была абсолютно ключевой в плане моего понимания жизни своего отца. Там я узнал о том, что он наркоман, сексуально озабоченный и просто псих. Только узнал я об этом не тогда, а именно там, потому что понимание всего того, что там происходило, пришло ко мне лишь годы спустя, когда я подросток, и мой ум окреп – все тогдашние его выходки и окружающие их события наконец обрели

смысл, который оказался очень пугающим и печальным.

Вообще, годы спустя смысл обрел абсолютно каждый день, что я проводил с отцом, стали понятными все его слова и действия. Это абсолютно удивительный феномен: как будто все детство во мне отпечатывались цифры, обработать которые я смог только лишь после того, как научился пользоваться математическими операторами, тем самым собрав все в единое уравнение. И только теперь стало понятно, что корнем этого уравнения всегда были деньги.

Тот перелет с пересадкой, как ни странно, мне тоже очень хорошо запомнился, потому что на промежуточную остановку на обратном пути мы долетели с папой, а второй отрезок пути уже летели без него с его подружкой. Его тогда посадили в обезьянник, потому что в томительные часы ожидания следующего самолета kleptomания и жажда азарта все-таки заставили его спиздить пару айподов из duty free.

Когда я вышел из аэропорта в моей конечной точке, меня, как паром, обдало теплым влажным воздухом. Все было горячим, несмотря на то, что уже наступила ночь. Каждый вдох поначалу был несколько тягостным: казалось, что я пытаюсь набрать воздуха в легкие, находясь под водой. Может быть, курильщики, привыкшие к кальянам и вейпам, такого не испытывают, но я-то все-таки натурал.

Из аэропорта я заказал такси. Усевшись в машину, я попробовал заговорить с водителем – у меня произошел первый контакт с местным населением. Честно говоря, надеж-

ды он мне не внушил – такое происходит, когда тебе первой фразой говорят: «I speaking little English».

Я заметил, что обычно в жизни первое впечатление либо самое ложное из возможных, либо, наоборот, самое правдивое. Например, у меня есть несколько сокровенных и до глубины души важных музыкальных альбомов, которые при первом прослушивании мне не понравились прям совсем. Как я узнаю спустя время, по отношению к местному населению первое впечатление было все же правильным.

Когда я оказался дома, в своем хоумстее, было поздно, и меня срубила усталость от долгой дороги. Хоумстей – это такое жилье, в котором живут сами хозяева, сдавая несколько комнат своего дома. Мои хозяева уже спали (не slave masters, а владельцы дома – slave masters этого мира никогда не спят), оставив ключи в замке. Мой дом представлял собой виллу с комнатами-номерами, в одной из которых я поселился.

Моих сил хватило на то, чтобы уведомить родственников и фолловеров о том, что я успешно добрался до пункта назначения, после чего я один лег в широкую двухместную кровать с четырьмя подушками.

«По-королевски», – подумалось мне.

В сон я провалился ровно за одну минуту, чего со мной не происходило никогда в жизни, сколько бы уставшим я ни был. Этот сон воспринимался не так, как обычно.

– s1Δldÿльh'Δ÷≥d“hхk†нf's'льΔ•

- СМЪ»d'ЎЛЬЪМfХЪ
- ЪЛЬμS±Lÿĥск÷v
- ц'ĥsd“«ĥxvif...Δмль'Г

Утром я проснулся совершенно бодрым и полным сил, дыша полной грудью. Да, именно этого мне и не хватало долгие годы жизни в городе, с каждым днем все сильнее пропитывающим мои легкие выхлопными газами. Завлекшая меня суэта жизни – знакомство с хозяевами дома – не дала и минуты попробовать уцепиться за образы, находившиеся в моей голове в момент, когда я открыл глаза, после чего их след благополучно растворился, вновь оставив меня с необъяснимым чувством внутри.

Время на Востоке поначалу тянулось очень медленно. Каждый новый день в совершенно не знакомом и экзотическом месте дарил уйму незабываемых впечатлений. Красота природы просто не давала пройти мимо ни одного пейзажа, не запечатлев его для социальных сетей. Для обычного работника из другой, далекой, части мира поездка в такое диковинное место становится той самой роскошью, к которой применим глагол «дорвался». Нередко от всего этого людям сносит крышу, ведь различные сладости так и манят раскрепоститься и упасть в их широкие объятия.

Для меня же все эти открывшиеся возможности разносортных наслаждений не представляли особого интереса: еще только планируя свою поездку в родном городе, я думал

о том, что это место крайне сильно с духовной точки зрения – а именно духовность и поглощала мое внимание все последнее время.

Многим известно, что на Востоке – не именно в том месте, где я остановился, а просто в этой части света – жили одни из мудрейших людей, учения которых дошли до наших времен. Оттуда появилось несколько ключевых мировых религий и их разновидностей, интерес к которым я испытывал из-за тех концепций и взглядов на бытие, на которые они проливают свет. Этот край полон храмов и духовных академий и является домом для многих гуру и просветленных со всех уголков планеты. Но немало в этих краях и инфоцыган, в секту к которым легко угодить в поисках личного развития. В общем, я приехал в это место, зная о возможностях, которые оно может предоставить для моих поисков себя, смысла и ответов на вопросы о том, что я испытываю в последнее время. Эти возможности я и начал покорять уже с первых дней поездки, посещая разные храмы и религиозные выступления, разговаривая с местными об их обычаях и взглядах, наблюдая за их поведением.

Каждый мой день заканчивался точно таким же легким и очень быстрым погружением в сон, как и в ту первую ночь, когда я только приехал. Обычно из сна легче выйти – особенно, когда тебя поднимает ненавистный будильник или шум от погрома, устроенного не совсем трезвыми родственниками – но тут в него было намного легче зайти; будто бы уснуть

и проснуться поменялись местами.

Мой отведенный месяц на поездку плавно подходил к своему завершению. За это время я успел многое увидеть и испытать, но, буду откровенен, какого-то духовного щелчка внутри себя я не почувствовал.

Чего я ожидал? Видимо, того, что похожу по храмам, помедитирую, а потом бац – уловлю яркий свет, который принесет ответы на все мои вопросы, показав «как надо жить». Довольно наивно, конечно, но это то, во что мне хотелось верить; то, что вселяло надежду.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что тот, кто громче всех вещает о том, что знает истину, скорее всего, просто хочет наебать тебя на деньги. Это относится к инфоцыганам, которые продают свои курсы по заработку на инвестициях. Это относится к религиям, которые обещают помочь тебе постигнуть Бога и проводить тебя к нему. За определенное пожертвование на восстановление храма, конечно.

Понятно, что тот, кто зарабатывает сам на инвестициях, будет молча себе зарабатывать на них, а не на продаже курсов. Так же как и понятно, что тот, кто постиг Бога, даже чуть-чуть, будет сидеть молча и ахуевать от того, насколько грязен этот мир людей, где за религию устраивают целые войны и крестовые походы. В общем, я не словил религиозного духовного просвещения, но надежды на что-нибудь другое еще не терял.

Я же помнил, что что-то меня сюда потянуло, что-то привело; мне не могло почудиться, и эта уверенность все время была со мной. В воздухе витало чувство, что нечто в этой завершающейся поездке еще могло успеть произойти, несмотря на то, что времени оставалось так мало. И это предчувствие меня не разочаровало.

Вместо того, чтобы впихнуть в небольшой отрезок времени нечто решающее – то, зачем, как мне казалось, я был сюда призван – судьба просто решила дать мне еще времени.

Мой обратный рейс был отменен за одну неделю до вылета. Не только мой – все рейсы во всем мире, который в этот момент захлебывался в эпидемии смертоносного вируса. Пояснять, что это за вирус, смысла никакого нет, ведь о нем, кажется, будут слагать легенды еще поколения вперед, вспоминая его так же, как мы вспоминаем Черную Смерть. Этот вирус даже успел обзавестись собственным мерчем в виде прикольных и нескучных масочек.

Я не был шокирован – напротив, стал преисполнен ожидания.

«На Бога надейся, а сам не плошай». Жизнь научила меня тому, что каждый сам отвечает за свой путь и его развитие; и если хочется чего-то достигнуть, то только одному тебе, и никому больше, это под силу. Поэтому постоянно надеяться, что кто-то сделает все за тебя, смысла совершенно никакого нет. Конечно, окружающие и единомышленники часто могут помочь, но, как ни крути, инициатива должна исходить лич-

но из того, кто движется к цели.

Я взял инициативу в свои руки, чтобы продолжить свое развитие, времени на которое у меня было в неограниченном количестве, ведь когда теперь залетают самолеты – одному Богу известно.

Я перестал искать истину в громкоговорителях – наоборот, обратился к тем, кто тихо-тихо говорит почти напрямую с нашим сознанием: к писателям, философам, поэтам и мыслителям, оставившим нам великие труды и плоды своих знаний.

Время потекло.

Удивительно, как работает человеческое внимание. Можно жонглировать в голове важными и значимыми мыслями, выстраивая многоэтажные домики, но стоит только чему-то даже небольшому тебя отвлечь, как этот карточный домик рушится, приводя к изнуряющим попыткам восстановить последовательность размышлений.

Меня отвлекли очень сильно: настолько сильно, что я уже почти не мог вспомнить, как жил раньше; не мог восстановить свой тогдашний ход мыслей.

V. Coffee Shop

Радость жизни, которая пришла ко мне в повседневность, и которую теперь никакими силами у меня не отнять, – это уютные посиделки в кофейнях с чашечкой горячего напитка и сладким за чтением книг.

Раньше я редко находил моменты для времяпрепровождения наедине с собой. Время в кофейне для меня стало служить той самой медитацией, в которой ты находишься в гармонии с собой и настоящим моментом.

Странно, что такого у меня никогда не было... Это же простое дело, на которое нужно не так много времени. Я даже не могу вспомнить, на что постоянно уходило мое время. Почему я всегда пил кофе for takeaway в дороге на работу? Если я и проводил время в кофейнях, почему я это делал в забытых суматошных местах или совместно с пустыми людьми, обсуждая очередные интрижки или планы по достижению успешного успеха? Ладно, не так важно, что было раньше – важно, что сейчас я нашел обстоятельства, при которых могу войти в гармонию с этой жизнью.

В моей любимой кофейне большие стеклянные стены с видом на дорогу с интенсивным движением. Когда я сажусь за столик, мне открывается вид сразу на несколько ритмичных потоков: спешащих людей, стоящих в очереди и уткнувшихся в свои карманные экранчики, помогающие им запол-

нить любую мучительную паузу, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями; и стремительно мчащихся автомобилей и скутеров, обгоняющих один другого в попытках прибыть в свое место назначения на десять секунд раньше, чтобы, наверное, потратить это драгоценное время на... А на что что вообще люди тратят свое время? Все куда-то постоянно спешат и опаздывают, стараясь выполнить как можно больше всяких дел и обязанностей. Но кто-то пробует задаваться вопросами о конечной цели всего этого?

Современный мир до безобразия опошлил фразу «живи настоящим», сделав ее бессмысленным слоганом, подписью к фотографиям в социальных сетях. Удивительно, но мудрость, заложенная в эти два слова, совершенно затерялась под упаковкой и «эстетикой» внешнего вида этой фразы. Как бы у нее есть важное значение, но из-за частого использования внимание теперь попадает далеко не на смысл, а на сам факт наличия этих слов. Примерно то же произошло и с «все будет хорошо».

Только недавно я понял, что в этой жизни нет ничего лучше, чем жить настоящим и иногда слышать от кого-нибудь, что все будет хорошо, искренне в это веря. А ведь что еще остается, когда осознаешь, что лучшие времена только проходят, а не наступают?

Моменты концентрации на настоящем, в которые я до сих пор активно учусь входить, помогли мне отворить дверь в состояние наблюдателя. Состояние наблюдателя – это от-

чуждение от своего физического тела: когда ты о нем не думаешь и не чувствуешь его; остается одно лишь сознание, внимание которого полностью направлено на наблюдение за внешним миром или внутренними процессами, если вонне наблюдать нечего. Благодаря этому состоянию я стал замечать очень страшное явление: лица людей, текущих мимо, абсолютно пусты. Они не выражают никаких признаков мыслительных процессов или хотя бы попыток постичь происходящее. Сквозь зрачки любого человека можно легко увидеть ограниченность его переживаний, которые в большинстве случаев базируются на самых простых и примитивных биологических явлениях.

Почему люди такие безвольные? Каждый с полной уверенностью считает, что что-то решает в своей жизни, что он хозяин и делает, то, что захочет. В действительности же большинство людей просто является марионетками, подвешенными на ниточках общественного мнения, желания потреблять и размножаться.

Два главных источника – смартфон и инстинкты – шлют всем инструкции к выполнению, и все их успешно выполняют на автомате, на подсознательных двигателях. Если бы хоть кто-то попробовал задуматься о том, почему ему надо плодиться, почему ему требуется гнаться за успехом, пуская пыль в глаза окружающих, почему надо накапливать и покупать, увеличивать свои счета... Зачем все это?

Люди не сами управляют своей жизнью, а вечно находят-

ся во власти внешних обстоятельств, не осознавая потерянный контроль над собой. Покупают, когда прикажут покупать; плодятся, когда прикажут плодиться; умирают, когда прикажут умирать. Каждый, кто пытается вступить в спор, с пеной у рта доказать о контроле над собой, заявить о своих правах на себя, прерывается в своей речи через каждое слово по каждому полученному уведомлению о лайках или сообщениях.

Почему мы так сильно зависимы от своих телефонов? Тенденция развития технологий движется к полному обезволиванию людей. Изначально телефон был придуман в качестве инструмента – звонилки, которую ты достаешь из кармана осознанно, чтобы совершить конкретное действие. В какой момент мы перешли ту черту, когда не мы изъявляем волю достать телефон из кармана, чтобы совершить действие, а телефон говорит, когда нам это делать? Произошла инверсия контроля. То, что предполагалось служить нам, подчинило нас.

Сегодня можно совершить любое действие, даже не вставая с дивана. Нам доставят, нас умоют, нас прихорошат, нас отвезут. Но на что тогда уходит все это сэкономленное время?

Забавно, но кажется, что жизнь-то как раз и состоит в том самом пути: от дивана до магазина, от дома до работы, от работы до спортзала. Все привыкли думать, что жизнь – это достижение цели. Пока ты не купишь себе новый смартфон,

ты не живешь, а только готовишься к жизни; каждый представляет себе тот самый момент заполучения как какое-то начало – начало череды вечного счастья, когда объект твоего желания уже у тебя в руках. Человеческая природа, увы, работает не так. Получая, мы начинаем хотеть еще больше. Это абсолютно мерзкое чувство, через которое мне приходилось самому неоднократно проходить: вроде бы, ты получил то, о чем грезил, но счастье опять не щелкнуло. После нескольких раз меня это заставило задуматься: а не иллюзорно ли счастье, получаемое при достижении цели?

Понаблюдав за собой, я ярко осознал, что сам путь к цели – это и есть та жизнь, постичь которую все мечтают. Парадоксально, но мы просто остаемся слепыми к пути, который заключается в сегодняшнем дне, будучи одержимыми именно самим моментом достижения. Ты счастлив в тот момент, когда находишься на подъеме в гору, но, достигнув пика, подниматься дальше оказывается некуда. Достижение цели – это в то же время и великая потеря. Потеря самой цели, ведь следующий отрезок пути – только вниз. Жизнь – это и есть бесконечное поднимание на гору и спускание с нее. Счастье – это преодоление сложностей на пути вверх; оно не бывает бесконечным. Чтобы снова создать возможность для его появления, придется спуститься вниз, и только после этого появится видимая цель перед глазами.

В водовороте одержимости моментами обладания, в людях развилась страшная неудовлетворенность и нетерпели-

вость. Время на путь с каждым днем все уменьшается, а доступность потребления все увеличивается. Теперь, когда со своего дивана делать можно абсолютно все, жизнь просто пропала, потому что пропал и сам путь. Чтобы хоть как-то заполнить пустоту, образовавшуюся в душе каждого потребителя, люди решили и вовсе отказаться от реальности. Тот же самый смартфон, умертвитель жизни, поможет желающим скрыться от реальности в бесконечной ленте, обсуждении слухов и новостей и в наблюдении за теми, кто еще хоть как-то пытается жить эту жизнь.

Что, если намного круче быть бедным, чем богатым? Нам свойственно стремиться к большему и лучшему, но что, если это просто ошибка? Достижение богатства увеличивает комфорт телесный, но есть ли в этом какое-то душевное умиротворение? По-моему, нам следует чаще ценить то, что у нас есть уже сегодня.

Когда я сижу в кофейне и наблюдаю за потоками вокруг, иногда пытаюсь мысленно ускорить время, будто бы жизнь становится таймлапсом. В такие моменты каждая отдельная точка сливается с остальными, образуя непрерывную линию, которая в конечном счете становится просто фоном, нежели главной деталью картины.

Все в этом мире движется в своих темпах. Продолжительность жизни некоторых насекомых – всего пара суток. Нам это кажется чем-то ничтожно малым, пролетающим совершенно незаметно; просто пшик для нас – но целая жизнь для

них.

Говорят, наша вселенная возникла около четырнадцати миллиардов лет назад. Четырнадцать миллиардов лет. На фоне этой цифры человеческая жизнь – это не просто пшик, а нечто намного меньшее, потому что даже пшик может показаться целой вечностью.

Мы наблюдаем за разными темпами, даже не задумываясь об этом. Взять, например, деревья. Некоторые из них живут несколько тысяч лет. Если привести к общему знаменателю темпы жизни деревьев и людей, то для какого-нибудь Баобаба мы просто незаметны. Представить, что у него есть глаза и он видит двадцать четыре кадра в секунду. Наш темп для него будет настолько высок, что мы будем лишь каким-то атмосферным явлением, слитым в один сплошной поток, детали которого просто нельзя разглядеть. И это лишь один случай – деревья.

Даже на нашей планете, на которой мы привычно себе живем, есть огромное количество примеров того, что постижение сущности вещей не является возможным из-за очень сильной рассинхронизации. Горы – это лишь волны, которые растут и разглаживаются, только темп у них настолько низок, что десятки поколений людей будут наблюдать ничтожно малые изменения в их движении. И это не говоря уже о том, что наша планета в целом – это всего лишь одиноко летающий, но привычный нам кусочек жизни среди бесконечного набора явлений, которые даже самая большая фантазия с трудом

может вообразить. Цивилизации, мегаполисы, смены времен года и погоды, закаты и рассветы, *сама жизнь* – все это всего навсего волны, растущие и угасающие в разных темпах.

Все мы куда-то вечно спешим... Но куда?..

VI. (Гость)

– Когда, ты думаешь, стоит приступить к установлению прямого контакта с объектом?

– Я считаю, что он катализирует действие скрипта в ближайшее время. Важно ему самому лично прийти к тому, чтобы контакт с нами стал для него спасением, нежели очередным страшным сном. Тем более, как ты сама можешь наблюдать за графиками, выработка энергии с него постепенно падает, значит, момент связи приближается.

– Ты не боишься, что на него обратят внимание и перезагрузят прежде, чем мы свяжемся?

– Для этого нам и нужно пристально наблюдать за его состоянием, не медля, когда отметка окажется недалеко от критического уровня. Ну и не сказать, что он прям совсем от всего отказывается. Судя по всему, сейчас на него снова напали навязчивые мысли разработать мобильное приложение, которое «выстрелит». Значит, это, как обычно, займет его еще на несколько дней, выиграв для него процессорного времени, которое, как ни крути, нужно и нашему скрипту.

– Что ж, да. Извини, что доканываю тебя этими переживаниями, просто я сильно нервничаю и возлагаю на это большие надежды. Как ты понимаешь, от этого зависит и наша жизнь тоже...

– Я все прекрасно понимаю. У нас получится, мы долго

готовились к этому, не переживай.

– Я бесконечно рада твоей поддерж... Вот черт!.. Посмотри наверх! По-моему, он уже может слышать нас.

– О Боже... Я не думал, что это сработает так скоро. Нет-нет-нет! Еще слишком рано, нужно срочно отключить канал связи. Вырубай быстро!

– Да, вырубаю, уже почт... Почт... «Почта России» запускает специальную доставку книг, и это – правильно. Заказал новинку – получил классику.

Я проснулся среди ночи в полном бреду, но с легкой улыбкой от забавного анекдота, который только что вспомнил. Однако, почему-то небольшая радость очень быстро сменилось глубоким испугом. Кажется... я только что слушал чужой разговор у себя в голове. Что за фигня?..

Я не мог вспомнить, о чем был этот разговор. Осталось лишь пугающее чувство, что я... был гостем в своей собственной голове? Это странно, как будто было какое-то тайное собрание, за которым я наблюдал из люка вентиляционной шахты в потолке, стараясь не издавать никаких звуков. В какой-то момент я просто осознал, что эти реплики не принадлежат мне и моему сознанию, что я не мог такого выдумать – я просто гость у себя в голове.

В смысле? Какой гость? Все то, что происходит в моей голове, принадлежит мне. Но все равно не давало покоя осознание того, что, чтобы услышать от себя то, что я только

что наблюдал, должен быть повод. Обычно все мои сны как-никак основаны на подсознательных впечатлениях, полученных в течение последнего дня. Но тут это было полным бредом. Что-то, что я просто никак не мог придумать, ведь у меня даже не было оснований для такого.

Когда я захотел стать осознанным участником этой беседы, земля из-под ног стала уходить. Попытки постигнуть происходящее создали щель, в которую я стал проваливаться, тем самым выходя из этого состояния. Я попробовал продолжить ту реплику, которую начал за пару секунд до выхода из сна, но чем больше я пытался осознанно ее продолжить, тем более бредовые и неклеящиеся мысли лезли в голову.

Наверное, сны – это то, куда закрыт путь сознанию, ведь сознание постоянно пытается рационализировать всплеск красок, происходящий внутри.

Вечная борьба: свободное творчество против строгих правил. Как надо сочинять музыку? На основе выученных нот, гамм, приемов и аккордов, полученных дипломов и удостоверений, или же просто взяв в руки гитару и услышав голос Творца в себе? Музыка, созданная разными способами, получается разной и по настроению. Конечно, в обоих случаях это последовательность звуковых волн, кратных по частоте колебания, создающих благозвучия. Но есть какая-то особенность в творчестве, созданном вольным художником-самоучкой – некая самобытность от того, что он решил не предаваться правилам и традициям на сто процентов.

Допустить мысли о том, что к моему мозгу есть доступ еще и у кого-то, кроме меня, было страшно. Я не хотел углубляться в переживания и через несколько минут снова уснул крепким сном. В этот раз мне виделись обычные сумасшедшие сцены, но уже основанные на том, что я видел за день.

Забавно, как мы живем, воспринимая только малую долю информации сознанием, тогда как все остальные мелочи попадают на задворки мозга – в подсознание, давая о себе знать ночью.

VII. Volcano

В один из дней я запланировал экскурсию-восхождение на вулкан (неактивный, конечно), чтобы встретить рассвет на большой высоте. Такие пешие маршруты по уже проложенным дорожкам, как подъем на этот вулкан, по-модному называются *хайкинг*. Возможно, это слово состоит из двух других английских слов: hi (сокращенное от high – под кайфом) и king (король), что в целом означает «король под кайфом». А ведь действительно, когда ты отправляешься по пешему маршруту, нередко свежесть и чистота воздуха сильно опьяняют, порой даже вызывая галлюцинации; а на пути чувствуешь себя таким свободным, что готов заорать во все горло: «Я король мира!!!»

Рассветы и закаты в нашем крае происходят практически в одно и то же время круглый год – около шести утра и шести вечера – потому что мы находимся почти на экваторе. С учетом дороги до подножья вулкана и самого подъема на него проснуться пришлось в два часа ночи. Я позаботился о своем состоянии заранее, поэтому лег в девять вечера, чтобы поспать хотя бы пять часов.

Удивительно, но любые подъемы, даже самые ранние, на Востоке никак не сопоставимы с подъемами дома. Там хоть десять часов спи, но утром встанешь разбитым, с носом полным пыли, которую отфильтровал из воздуха за ночь; здесь

же хоть вообще не спи – встанешь бодрым. Наверняка, сказывается изобилие витаминов, которым тут щедро делится каждый источник: солнце, вода, фрукты, воздух. В общем, подъем не доставил мне никакого дискомфорта, поэтому в 2:15 я сидел в машине с водителем, который вез меня и троих других туристов на нашу промежуточную остановку – кафешку, где нам было предложено два завтрака: один здесь, чтобы набраться сил перед подъемом, и второй – с собой, чтобы набраться сил для спуска.

Несмотря на то, что я чувствовал себя бодрым, в мироощущении присутствовала небольшая заторможенность, которая, как я понял из опыта своей жизни, служит уникальной линзой-фильтром для впечатлений, полученных в этом состоянии. Когда вспоминаешь сцены, запечатленные мозгом в подобной затуманенности, они кажутся магическими, наполненными такой силой, что просто хочется сказать: «Легендарно».

Во время нашей промежуточной остановки мы вчетвером – трое туристов и я – присели за стол. В ходе завтрака мы начали немного знакомиться друг с другом. Для каждого из нас язык, на котором мы общались, английский, не был родным. Он в нашем случае был в буквальном смысле пятым элементом, объединяющим нас и дарующим нам способность понимать друг друга. Неспроста Иллюминаты называли его *lingua pura*, что переводится как «чистый язык».

Забавно, что английский – язык из не самой большой

страны – монополизировал весь мир. Это и называется «победитель получает все» – стоило в один момент времени оказаться самую малость лучше или популярнее других, как разрыв начнет увеличиваться с каждым новым днем, что в итоге приводит к тому, что у нового клиента даже не возникает вопроса, к кому обращаться.

– Ну что, ребята, как вы оказались на Востоке, что вас сюда привело? – завел разговор один парень.

– Думаю, я оказалась здесь по тому же поводу, что и все мы – попробовать найти ответ на вопрос: «Кто я?», – ответила ему одна девчонка.

– Ну... у меня не совсем так. Я, скорее, просто приехал развеяться. Хотя в чем-то ты, определенно, права, ведь нередко любые желания развеяться оказываются сигналом к действию: что-то изменить, что-то переосмыслить... Ну а кем ты была?

– В том-то все и дело, что я даже близко не представляю, как ответить на этот вопрос, – сказала она задумчиво.

– Эм... Ну а кем ты работаешь дома тогда?

– До своего отъезда я работала два года бариста, а перед отъездом сказала начальству, что беру творческий отпуск на неопределенный срок. То есть я как бы уволилась, но в то же время могу всегда вернуться обратно.

– Ого, очень смело. Извини, мне немного неудобно спрашивать, не хочу тебя обидеть, но работа бариста обычно,

вроде как, подходит студентам первых курсов для подработки, а ты, кажется, уже не студентка. Я не говорю, что ты выглядишь старой... ой... то есть ты прекрасно выглядишь, просто как бы... ну такой работой занимаются в качестве подработки... Блин, что-то меня занесло...

– Да не переживай, ты все правильно говоришь. Тем более что на правду не обижаются, – сказала она, улыбаясь. – Я пришла к этой работе на основе своих жизненных взглядов.

– Да? Интересно. И что за взгляды?

– Не думаю, что моя история будет здесь кому-то сильно интересна: она совсем не замысловата.

– Да мы, вроде, не спешим никуда.

– Ну окей, тогда расскажу коротенько, если интересно. – Она глубоко вздохнула, видимо, готовясь к рассказу. – В общем, все начинается еще со времен школы: сначала я была обычной наивной ученицей, как и все, наверное. Училась преимущественно на «отлично»; в конце школы не хватило совсем чуть-чуть, чтобы закончить с красным дипломом. Благо, на поступление в университет это никак не повлияло, поэтому я попала в хорошее место. Знаете, когда закончилась вся эта суматоха с выпускными экзаменами, я глубоко выдохнула, осознав, что пережила один из сильнейших стрессов в своей жизни. Экзамены сдала превосходно, но вот красный диплом получить все равно не удалось, несмотря на то, что в последние годы школы у меня на глазах на такой диплом чудесным образом вышло несколько человек, до этого

считавшихся у нас в классе, откровенно говоря, тупыми. Это заставило как-то призадуматься о том, что не все в этой жизни достигается только лишь умениями и высокими знаниями – в определенный момент надо еще и подлизнуть сами знаете что нужным людям. Это стало моим первым детским разочарованием относительно этой жизни, отсюда и растут ноги моих дальнейших размышлений.

– So true.

– Следующие годы учебы в институте я не раз сталкивалась с несправедливостью и обманчивостью. Чем дальше живешь эту жизнь, тем больше скучаешь по старым школьным временам средних классов, когда все твои проблемы могли решиться новой помадой. Я никогда не изъявляла желания быть лживой или стервозной или прогибаться под кого-то, поэтому, логично, в конце ВУЗа все хорошие места в конторы уже были заняты амбициозными и целеустремленными молодыми ребятами. В те моменты выбора работы я очень часто задавала себе вопросы: «А вся вот эта амбициозность, прущая из людей вокруг, вообще осознается ими самими или они делают так, потому что надо, потому что родители сказали?» После окончания учебы, получив диплом себе в руки, я приступила к самостоятельным поискам работы. Я не хотела лгать самой себе, будто бы мне интересна специальность, которую я получила, поэтому решила устроиться бариста. Как говорится, получаешь образование, чтобы понять, кем быть *не* хочешь. Знаете, эта профессия, бариста,

мне хотя бы видится честной, в отличие от всех лживых проявлений этой жизни; а из-за своей любви к кофе и уюту, окружающему кофейни, рабочее место не кажется тюрьмой.

– Прекрасно понимаю.

– Со временем я, конечно, стала замечать, что год за годом отстранялась от этой жизни, и сейчас осталась на ее обочине: все мои друзья и знакомые оказались пристроенными в фирмы своих родителей или сами прошли на работы на должность младшего помощника старшего помощника заместителя офис-менеджера. Да, у них абсолютно абсурдные должности и работы, за которые они получают не больше денег, чем я, зато эго у них ух как раздуто. Они пускают пыль в глаза окружающим, стараясь как можно ярче показать всем, как прекрасно живут, хотя на деле они просто раз в год выезжают за границу, выкладывая весь следующий год фотки из этой поездки, и берут свои машины в кредит на пять лет. Честно, я устала от этой лжи. Я устала жить в обществе этих крыс, крутящих свое колесо и считающих, что они правы, что их жизнь – это эталон, к которому все должны стремиться. Эти люди стали сами верить в ту чепуху, которую несут окружающим: они стали верить, что живут хорошо, хотя сами до глубины несчастны. Иначе как можно объяснить их вечные интрижки на стороне, предательство и обманы? Они несчастны, потому что они не понимают, почему вообще делают то, что делают. Они могли бы попробовать задуматься над своими действиями, но для большинства из них все

уже слишком поздно. Они должны платить банку следующие двадцать лет за ипотеки, они должны растить своих отпрысков по залету следующие восемнадцать лет, пока те не достигнут совершеннолетия. Погрязнув до такой степени в скверне этой жизни в попытках достигнуть какого-то иллюзорного счастья, уже лучше вообще не задавать никаких вопросов, иначе сделаешь только намного хуже. Останешься не только в физической жопе, но и попадешь в еще более глубокую и зловонную ментальную. Те годы, что я работала в спокойном темпе бариста, я могу сказать, что жила эту жизнь. Да, я жила ее нероскошно, во многом себе отказывая, но зато у меня не было никакого искушения залезть в те обязательства, которые мне не нужны. Я знала, что не буду брать кредитов, которые не могу себе позволить, я знала, что не буду заводить семью, которую не смогу потянуть на свою зарплату. Все это время я жила для себя, в чем не вижу ничего плохого, ведь все, кто якобы живет не для себя, лишь боятся признать, что не бывает жизни ради кого-то другого, а все попытки доказать обратное являются лишь скрытым глубоко внутри эгоизмом. За несколько лет я научилась довольствоваться малым, видя, как людей засасывает эта пучина успешного успеха. Сейчас я даже благодарна судьбе, что она меня вела по этому, можно сказать, стоическому пути. Конечно, постепенно я задавалась все большим и большим количеством вопросов относительно вообще цели моей жизни. Я не то чтобы отказалась от того, к чему стремятся

люди – я даже не начала это преследовать. Кажется, в этом плане случился какой-то глюк, и я после прохождения обучения к этой жизни сразу оказалась в конце, даже уже после последнего босса. Что остается впереди, посмотреть титры? Звучит, наверное, немного печально, но как есть. В какой-то момент мне стало трудно находиться в обществе слепых людей: я чувствовала себя крайне одиноко, не могла найти тех, кто меня понял бы. Я задумалась о том, чтобы отправиться на поиски. За время работы в кофейне я скопила определенную сумму и вот, собственно, я здесь, без обратного билета и с полной открытостью к новому.

– Нормально у тебя «коротенько» получилось, ха-ха.

– Да уж, накипело.

– Слушай, история у тебя, кстати, далеко не скучная, напротив, увлекательная, правдивая и трогательная. Удивительно понимать, что, глядя на человека, мы видим только его внешний вид, который можно легко подтюнить, порой даже не догадываясь, что вообще может твориться у человека в душе; так вот по тебе так сразу и не скажешь, что ты несчастна или потеряна.

– А я и не несчастна. Потеряна – это да, но не несчастна. Знаешь, мне кажется, несчастны те люди, которые пытаются громче всех всем показать, что они счастливы. Немногие знают, что истина молчалива. Тот у кого достаточно радости в жизни, не будет пытаться выжать еще дополнительной путем доения социальных сетей через сбор лайков. Со-

циальные сети – это как банк: положи туда свои впечатления, получи обратно их же и еще 10% сверху за счет восторженных комментариев твоих фолловеров. Только это такой паршивый банк, что при приеме впечатлений у тебя даже не проверят их на подлинность. Можешь вложить туда билет банка приколов, а получить обратно совершенно реальный ресурс. Еще имей в виду, что в стране инфляция 30%, поэтому, вложив, ты не заработал, а просто потерял чуть меньше, чем мог. Как обойти эту экономическую систему? О всяких процентах и инфляциях не парится либо тот, кому нечего вкладывать, либо кто не вкладывает из принципа, зная, что в любых обстоятельствах сможет всегда заработать. Говоря о деньгах, мне вкладывать нечего, а говоря о радости, я просто учусь радоваться мелочам, таким как новые спонтанные знакомства, теплый и ароматный кофе в дождливое утро или предвкушение рассвета на вершине вулкана.

– Извини, наверное, я не так выразился. Насчет несчастья у тебя интересная точка зрения. То есть ты не несчастна. Тогда чем сопровождается твое состояние потерянности? Люди привыкли говорить, что они несчастны, куда у них нет нового айфона.

– Это ты правильно говоришь. Они действительно несчастны, потому что связывают удовлетворенность с счастьем. Типа счастье в удовлетворении своих хотелок. На самом деле, это две разные вещи. Неудовлетворенность перерастает в несчастье, когда человек проявляет такие же

мыслительные способности, какие может проявить макака – не может *осознать* и *объяснить* свою неудовлетворенность. Когда он хочет, он просто хочет, и все. Он не может объяснить, почему он хочет и зачем. Просто хочет. Это называется жизнь на инстинктах. Тебе просто приказывают внешние обстоятельства и какие-то подсознательные инструкции. Если ты будешь их покорно слушаться, даже не пытаясь объяснять свои действия, то из раза в раз будешь оказываться там же, где и начал – на остром чувстве неудовлетворенности, которое всегда одновременно является и стартом, и финишем. Это закольцованная гонка. Как можно в ней выиграть? Только вылезти за пределы этого трека. Да, выйдя за пределы, совершенно теряются ориентиры. Раньше все было предельно просто: захотел, что-то сделал, получил, через какое-то время снова захотел. Оказавшись за пределами этого круговорота хотения, счастье перестает с ним ассоциироваться. Да, тебе продолжает хотеться есть и пить или чего еще, но теперь ты точно понимаешь, что счастье не в удовлетворении своих хотелок. Тогда в чем? Вот в этом и заключаются мои поиски себя. Ты, вроде, понимаешь, чем счастье не является, но ясно и выразительно ответить на вопрос, что такое счастье, не можешь. Для твоего окружения все понятно: «Я буду счастлив, когда куплю себе машину», «Я буду счастлив, когда заведу жену с тремя детьми»; но не для тебя. Ты теперь даже если и попробуешь захотеть купить себе машину, у тебя не получится. Да-да, даже захотеть не получится, не го-

вора уже вообще о покупке. Оказавшись за пределами этой гонки, я стала считать себя счастливой хотя бы потому, что я знаю, что вечное удовлетворение своих хотелок не является счастьем. Я счастлива, потому что жизнь со мной общается, дает какой-то фидбек. Я стараюсь ее познать и понять. Вероятно, мои попытки меня никуда не приведут. Вероятно, я всю жизнь буду слоняться непристроенной, одинокой и потерянной, но я не назову себя несчастной, пока у меня есть возможность искать. Искать истину, искать красоту.

– Блин, у тебя получается очень здорово говорить о таких вещах. Как-то, знаешь, красиво и незамороченно. Как будто сразу перед глазами всплывает какая-то правда. Только вот что делать дальше с полученными знаниями – не понятно. Всегда хочется применить это на свою жизнь, но для этого придется приложить немало усилий и еще позадаваться вопросами. Помню, в детстве нередко слушал наставления взрослых – не всегда трезвых – которые очень мотивировали и вдохновляли, показывали, что у человека, явно, не узкий взгляд на жизнь, и есть о чем задуматься. Как ни крути, каждый раз такие вещи оставляют свой след на мне, заставляя больше думать. Так вот сегодня ты стала для меня одним из таких взрослых, которые остаются в памяти духовными наставниками. Иногда удивляешься, что общение, длившееся годами, оказывается пустым, а небольшой разговор с незнакомцем может быть настолько впечатляющим, что в раз меняет взгляды.

– Спасибо, чувак, очень ценю твои слова. Я считаю, что самое важное – это просто открытость к новым взглядам. Не обязательно сразу бросаться в корне менять свою жизнь, чуть услышав что-то новое, или, наоборот, полностью и наотрез это отрицать. По-моему, самое крутое – это быть способным критически мыслить и самому выбирать во что верить и как жить. Что-то я сильно эфир заняла, но мне было приятно высказаться, так что спасибо вам большое за внимание. А вы, ребят, расскажите, как оказались здесь?

Слушая этот увлекательный диалог (конечно, больше похожий на монолог), мы доели наш завтрак. Пока у нас было еще лишнее время, каждый поделился своими историями о том, как сюда приехал и зачем. Я ясно понял, что нас всех объединяло. Все мы были отчасти потеряны. Кто-то разочаровался в жизни в целом, кто-то разочаровался в отдельных ее проявлениях. Восток для нас оказался полустанком, какой-то средней точкой между нами прошлыми и теми, кем мы бы хотели стать в дальнейшем, после просвещения.

Рассказ этой девчонки тронул меня до глубины души. Я сразу задумался о том, что очень хочу как-то выразить ей, что прекрасно ее понимаю, и сам нахожусь в очень похожем состоянии. Но все-таки бывают в жизни ситуации, в которых пышные слова звучат, откровенно говоря, пошло. Это как если представить, что встретил знаменитость, легенду, музыканта, который своим творчеством вдохновляет долгие годы,

с музыкой которого связаны одни из самых ценных воспоминаний в жизни. Что делать в этой ситуации? Наброситься на него со словами: «О божечки, я так тебя люблю, ты великий, настоящая легенда, ты меня вдохновляешь, давай сделаем селфи вместе!!!»? Мне это представляется до тошноты вульгарным, отчего правильной видится искренняя немногословность.

На обратном пути из кафешки до машины девушка шла впереди меня. Я прибавил шагу и поравнялся с ней, затем взглянул ей в глаза и сказал: «Знаешь, я тебя прекрасно понимаю. Возможно, намного лучше, чем может понять любой другой. Просто знай, что ты не одна на этом пути». Она улыбнулась, и через эту улыбку я увидел, что она меня почувствовала.

Остаток дороги до машины мы прошли молча среди загадочной и магической музыки ночи, слушая стрекотание сверчков.

VIII. Climbing up the Universe

В 3:30 мы припарковались (ежи) в небольшой деревушке недалеко от подножья вулкана. Водитель познакомил нас с гидом, которому предстояло сопровождать нас в этом подъеме. Нам провели небольшой рассказ о местности, после чего каждому выдали ручной фонарик и бутылку водички, и мы отправились в путь.

Первый отрезок дороги мы шли по равнине через небольшую деревушку и чуть мы отошли от парковки, фары машин перестали освещать местность, и тьма глубокой ночи сгустилась над нами.

Забавно, что такая атмосфера в нашем напичканном всякими ужасами воображении сразу начинает рисовать страшные картинки: любой шорох в кустах, скрип калитки, хруст сломанной ветки заставляет подергиваться в ожидании худшего. В один момент, когда мы проходили мимо небольшого огорода, нас не на шутку напугал зловещий плач младенца, которого мы даже не могли видеть, потому что ни домов, ни людей там не было, как бы мы ни пытались их подсветить с помощью пяти фонариков.

Подобные ситуации прекрасны тем, что предоставляют возможность понаблюдать за собой и своим телом и тем, как оно меняется под воздействием инстинктов. В обычном состоянии, когда на тело не воздействуют никакие гормоны и

инстинкты, полет мыслей может рисовать перед глазами картинки любой красоты, погружая нас в вымышленные миры или глубокие переживания. Но стоит появиться только какой-то опасности для нашего физического тела, как мозг переходит в режим борьбы за выживание, и все, что мы начинаем видеть перед глазами – жестокая реальность, в которой совершенно не до фантазии. Немного пугает мысль, что всплеск адреналина в организме может изменить нас до неузнаваемости, пробуждая спящего зверя, готового выплеснуть всю свою злобу оттого, что кто-то потревожил его сон. Благо со временем зверь внутри нас засыпает все более крепким сном, уступая контроль над телом сознанию: мы эволюционируем (я надеюсь).

Пройдя через деревню, мы добрались до подножья вулкана. За время, что мы шли, тучи над нами рассеялись, открыв нашему взору вид на прекрасное звездное небо, которое весьма кстати добавило немного освещения предстоящему нелегкому подъему. Но звездное небо не показалось чем-то восхитительным по сравнению с тем, что я увидел, глядя на путь к вершине.

Помимо нас в подъеме участвовало еще несколько десятков туристических групп, и у каждого человека из них был свой фонарик. Группы, которые начали подъем раньше всех, уже прошли около километра вперед, и весь отрезок пути от них до нас был заполнен идущими друг за другом туристами. Удивительным было то, что из-за легкого тумана не было

видно самих людей, но было видно струйку света из каждого фонарика, отчего дорога наверх сразу вообразилась магической тропой, населенной древними духами. Мы начали свой подъем в сладком предвкушении красоты.

После первого часа пути наша группа остановилась на небольшой стоянке отдохнуть. Все мы были заморожены той магией, что витала вокруг: над головой яркие звезды, на пути спереди и сзади парят духи, а с одного края открывается вид на озеро, в котором отражается яркая луна. Во время подъема тяжело вести разговоры, так как дыхания и так еле хватает на движение вверх, поэтому, переведя дух, мы были рады снова услышать друг друга. Первым разговор снова завел тот же парень, что и в кафешке:

– А вы знали, что наша Вселенная – это всего лишь вымысел? – сказал он, глядя глубоко в звездное небо.

Если честно, от такого заявления, мы все немного прифигели, выдержали загадочную паузу, после которой почти в один голос задали встречный вопрос:

– Это еще почему?

– Ну смотрите, я объясню через цепочку. Давайте начнем с самого крупного – с самой Вселенной. Мы находимся в огромном расширяющемся, вероятно, бесконечном пространстве, наполненном энергией. Конечно оно или нет, ученые пока установить точно не смогли, но в нашем случае это и не особо принципиально. Важно, что оно расширяется по инерции после Большого Взрыва. Все верно?

– Пока да.

– Хорошо, тогда продолжим. В этой вселенной есть завихрения с миллиардами планет и звезд – галактики. Мы с вами находимся в галактике Млечный Путь.

– Так точно.

– В этой галактике есть наша солнечная система: планеты и спутники, летающие на орбите звезды Солнца, которая поспособствовала появлению жизни на Земле.

– Верно.

– Блин, кстати, поповторяйте слово «Солнце» про себя или вслух много раз. Какое-то оно странное... Солнце. СОЛНЦЕ. Сол-нце. Сонцэ. Эс о эл эн цэ э.

– Ты больной?

– Да, ладно, простите. Продолжу. В солнечной системе есть наша планета Земля – единственная на сегодня известная планета, породившая жизнь.

– Угу.

– Земля разделена на континенты. На континентах расположены страны. Страны разбиты на города. Города делятся на еще более мелкие участки, но это все уже не принципиально. Оказавшись на нашей планете, мы уперлись в такую сущность, как жизнь.

– Да.

– Так вот у мыслящего существа, особенно у такого развитого, как человек, есть мозг, с помощью которого можно вытворять всякие фокусы. Да и сам мозг, вообще, – это один

большой фокус. Вы когда-нибудь видели графическое представление нейронов, нейронных связей? Они вам ничего не напоминают?

– Опаньки.

– Вот-вот. Ваш мозг – это просто Вселенная, в которой отдельные звезды – это нейроны, а галактики – это нейронные связи. Но на этом еще не конец. Этот самый мозг и является тем самым элементом, который отвечает за такое состояние, как бытие. Ведь что есть бытие без мозга? Без сенсора, который может считывать бытие? Выясняется, что быть – это воспринимать. У вас в сознании, в вашем мозгу, в восприятии из ничего может родиться целая Вселенная в один миг. Только вдумайтесь. И вот вопрос, так это вы во Вселенной или все-таки Вселенная в вас?

Этот вопрос погрузил нас в размышления на несколько минут. Ведь действительно способность воспринимать и устанавливает факт бытия. Небо есть, потому что я его вижу. Когда я его однажды увидел, я потом буду уверен, что оно есть, даже когда я от него отворачиваюсь. Но так ли это? И будет ли Вселенная существовать тогда, когда я перестану ее воспринимать совсем?

Да и потом наше воображение может нарисовать точно такую же Вселенную, в какой мы живем сами. Нередко яркие фантазии в голове являются мощными вспышками, так чем эти вспышки слабее Большого Взрыва и чем вымышленный мир отличается от реального? Реальность – это лишь

молекулы и элементарные частицы по своей структуре похожи на космос. Или являются космосом. Может быть, каждая такая частица – это Вселенная, жителей которой можно разглядеть при приближении в миллиарды раз больше, чем доступно нам сейчас. Рекурсия и бесконечная вложенность...

Спустя несколько задумчивых минут мы все переглянулись между собой, обменявшись загадочными взглядами, после чего решили продолжить подъем.

IX. Sunrise over Flat Earth

После двух часов интенсивного карабка по каменистым дорожкам мы уставшие, но бодрые духом оказались на верхушке вулкана. Мы вместе нашли уютное место, постелили коврики и сделали окончательный привал. На часах было почти шесть утра – рассвет вот-вот должен был начаться, но мы все еще наблюдали звездное небо.

Первые лучи солнца не заставили себя долго ждать, и вместе с ними началось целое шоу природы, о котором мы даже не подозревали. Находясь на приличной высоте (почти два километра), мы стали наблюдателями. Солнце вставало из-за горизонта над океаном, проливая свет на остров и будя первым делом небольшое рыбацкое поселение, которое с нашей высоты было прекрасно видно целиком. Прозрачное озеро, находящееся между нашим вулканом и соседней горой, сразу же стало отражать яркие лучи, переливаясь бликами. Мы долго наблюдали за тем, как мир наполняется светом, и каждая минута, проведенная в этом наблюдении, оказалась запоминающейся: облака на небе постоянно меняли свои формы, удивляя нас выстроенными фигурами; разная степень освещенности, будто являясь фото-фильтром, меняла краски природы, которые градиентно перетекали из одних в другие.

Вместе со всей природой проснулся и животный мир. Мы

очень сильно удивились, когда вдруг из ниоткуда появилась небольшая группа милых собачек, которые своим жалобным видом выпрашивали у туристов вкусняшку из коробки с завтраком. Еще сильнее мы удивились, когда собачки куда-то пропали, и так же неожиданно появились... обезьяны.

Эти обезьяны были одними из самых приличных и воспитанных, из всех что мне доводилось видеть. Они поднимались в гору нерезкими, спокойными движениями, выглядя довольно элегантно, как бы смешно это ни звучало по отношению к обезьянам. Одна из них присела недалеко от нас. Обычно эти животные так и нороят что-нибудь силой отобрать у слегка напуганных такой встречей туристов, но не эти – они вели себя спокойно.

Та, присевшая рядом, была похожа на очень мудрого маленького старичка с пышной бородой, выделяющейся на фоне всего заросшего тела. Она сидела рядом и о чем-то думала, встречая вместе с нами этот прекрасный рассвет. За то, что она составила нам компанию, я угостил ее бананом из своего завтрака, которому она была крайне рада; и как и подобает мудрой обезьяне, она не набросилась на него, а приняла подарок спокойным движением.

Тяжело вообразить, как ощущается процесс мышления у обезьян. Они, вроде, и не люди, и в то же время совсем не примитивные животные; а эти так вообще выглядят намного адекватнее многих моих знакомых. Я был бескрайне рад этой встрече.

В какой-то момент я залип и загляделся на горизонт над океаном, провалившись в свои мысли. Через пару минут я вернулся из размышлений с желанием пофлексить перед парнем, который рассказывал нам про Вселенную внутри нас, чтобы спустить его с небес на землю.

Я завел диалог:

– А ты знал, что Земля плоская?

– Да, конечно, еще она стоит на трех слонах, а те – на черепахе.

– Нет-нет, ты не понимаешь, я говорю серьезно.

– В каком смысле серьезно? У тебя в школе была география и физика, на которых вы изучали устройство мира, нашу планету, законы, по которым все работает? Есть такая штука еще – глобус – крутящийся шарик, дающий представление о том, как выглядит наша планета.

– У-у, да ты себя послушай: «мне объяснили», «меня научили», «мне сказали, что так правильно». У тебя есть какие-то личные, не навязанные кем-то другим, основания полагать, что Земля круглая? И кстати, ты в курсе, что неумышленным крестьянам в доисторическую эпоху точно так же преподавали теорию плоской земли на трех слонах и черепахе? Им с полной уверенностью рассказывали о ней, как тебе сегодня рассказывают о том, что Земля круглая, аналогично убеждая, что это есть истина. Кстати, уверенные в шарообразности нашей планеты, также известные как шароебы, еще относительно недавно преподавали геоцентрическую систе-

му мира, уничтожая тех, кто говорил, что мир в действительности гелиоцентрический.

– Да, ты спросил про мои личные основания полагать, что Земля не плоская, сейчас расскажу тебе несколько. Во-первых, посмотри на горизонт. Видишь, он обрывается? Там что, по-твоему, конец света? Нет. Просто постепенно ландшафт скрывается из нашей области видимости из-за формы нашей планеты – шарообразной. Во-вторых, ты сюда на самолете прилетел или на лодке океан переплывал? С самолета открывается еще более обширный вид на горизонт, чем нам сейчас, поэтому форму планеты оттуда становится очень выразительно видно: она шарообразная.

– Ага, отлично. Слушай, а ты был когда-нибудь на шоу иллюзионистов? Они там еще людей пополам распиливают, кролика из шляпы достают, всякую магию вытворяют. У них все выглядит довольно натурально и убедительно, вызывая у людей восторг и повергая в изумление и неверие, что такое возможно. Так если людей распиливают пополам, ты это видишь, но при этом знаешь, что это неправда, тут возникает логичный вопрос. Как ты можешь верить тому, что видишь? И по каким признакам ты отличаешь истину от иллюзии? А ты когда-нибудь видел, как «плышет» нагретый солнцем асфальт, когда ты смотришь на него под определенным углом?

– Ах ты сукин сын!

– Так вот иллюзия скругления земли на горизонте – это такой же фокус, как с разрезанием человека и «плывущим»

асфальтом: если ты заранее убежден в чем-то, то будешь видеть то, что хочешь видеть, и на основе убеждений будешь либо верить, либо не верить в то, что видишь. Когда ты смотришь на такой асфальт, ты уверен, что он не «плывет», а просто нагретый воздух преломляет и искажает свет. Если бы ты не знал физического явления преломления света, ты бы начал философствовать или заниматься наукой, придумывая разные теории плывущего асфальта, который затвердевает в момент, когда ты пытаешься его потрогать. Эти теории потом преподавали бы в школе, пытаясь рационализировать этот мир. Когда ты смотришь на скругление на горизонте, ты уверен, что Земля круглая, поэтому даже не допускаешь мысли о том, что свет может преломляться так, что становится не видно краев.

– Один-ноль. Тогда что ты скажешь про космос, который мы можем наблюдать даже невооруженным глазом непдробно или через телескоп с уже большим количеством деталей?

– Это просто купол над тем диском, что ты называешь своей планетой. Огромный купол с множеством фонариков, включая два больших светила – Солнце и Луну.

– Ясно. Ты поехавший. А снимки нашей планеты из космоса?

– А ты верил в снимки своих одноклассниц в переходном возрасте, на которых они изображены без прыщей на лице? – Мой оппонент слег на землю от смеха, после чего я продол-

жил: – Высадку на Луне сняли в одном из кинопавильонов, потому что космоса никакого на самом деле нет. Смена дня и ночи – это направленные лучи света от тех светильников над нами; я бы нарисовал тебе схемку, но лучше в интернете посмотри. И, внимание, мое любимое, вишенка на торте. Знаешь такой материк, который из себя полностью представляет ледяную глыбу?

– Антарктида?

– Да. Так вот это никакой не материк, а огромная ледяная стена, окружающая весь тот Земной диск, который ты называешь планетой. Если не веришь, попробуй тот же самый свой глобус мысленно раскрыть, спроецировав его на плоскость; это еще называется геодезической картой Земли. Страшно?

Парнишка поник, но через некоторое время спросил:

– А ты сам-то веришь в эту теорию плоской Земли?

– Буду откровенен, нет. Вернее, не на 100%. Если сравнивать эти две веры в форму Земли – а заметь: это именно веры – то я где-то на 51% все-таки за то, что она плоская, как твоя девушка.

– Смотри, за такие шутки другой бы тебе в рожу дал! – сказал он, гыгыкая.

– Да ладно, ты же знаешь, что я просто шучу, хах. Я тебя сразу почувствовал, еще в том твоём рассказе о Вселенной внутри нас: ты не варвар. Ну так вот вся эта тема с плоской Землей – или шарообразной, не важно – лишь о том, что в

жизни иногда даже в самых, казалось, элементарных вопросах можно формировать свои личные взгляды и пробовать проверять на практике то, во что тебе говорят верить. Это о критическом мышлении.

Несколько часов мы провели на вершине вулкана, вдоволь насладившись красотой природы и той атмосферой, которую она нам подарила. Обратный путь оказался даже сложнее восхождения: ноги уже уставшие, так еще и при спуске задействуются другие группы мышц, которые у меня, кажется, оказались более слабыми; но дорога оттого не стала менее радостной и приятной.

Добравшись до парковки, мы поблагодарили нашего гида чаевыми, которые собрали со всей нашей компашкой, и сели в машину, которая повезла нас к нашему небольшому городку, больше похожему на крупную деревню. На обратном пути каждый из нашей группы выходил на своей остановке, и мы провожали друг друга миллионом благодарностей за прекрасную компанию в этом маленьком ночном приключении. Никто из нас между собой даже не обменялся никакими контактами и профилями в социальных сетях: не потому, что забыли или не хотели, а оттого, что естественным образом у каждого возникло ощущение, что память друг о друге должна навсегда отпечататься в воспоминаниях о том, что мы вместе пережили и испытали этой ночью.

Меня забирали первым, последним доставляют обратно:

дом, в котором я живу, расположен чуть дальше всех остальных.

Я вышел из машины с забавной мыслью: однажды в нулевых мой батя просадил кучу денег в казино «Вулкан», а сегодня я символически вернул из вулкана потерянное в виде незабываемых эмоций.

Х. { Знакомство }

Весь день после экскурсии я провел на том заряде энергии, который получил от своего короткого пятичасового сна, несмотря на то, что потратил очень много сил на восхождение. Еще, наверное, неплохо помогла дозаправка во время полета в виде большого кофе с тремя шотами эспрессо. Как ни крути, к вечеру я почувствовал очень сильную усталость и готовность просто свалиться. Я из последних сил почистил зубы и лег в кровать. Если раньше в сон я проваливался просто быстро, то в этот раз я уснул, кажется, мгновенно, как только голова коснулась подушки, а я закрыл глаза.

Мне снилось много всего разного: это были взрывы красок, вызванные впечатлениями, полученными за прошедший день. Мне приснилась обезьяна, которая спокойно сидела рядом со мной, после чего у нее снесло крышу, она сделала двойное сальто назад с места, достала из кобуры банан, наставила его на меня и попросила повторить трюк, который только что сделала сама. Я был немного шокирован, попробовал подпрыгнуть, но ничего не получилось, я не подлетел вверх даже ни на сантиметр. Я опустил глаза к земле и увидел, что две собаки держат меня за штанины своими сильными челюстями, прижимая к земле. Обезьяне стало не нравиться, что я тяну, она начала кричать и размахивать своим бананом. Меня посетили мысли: «Я так и знал, что эти соба-

ки и обезьяны заодно: состоят в одной мафиозной группировке, обворовывая наивных туристов, а потом деля нажитое поровну между всеми...» Под давлением этой безумной обезьяны я попробовал высвободить свои ноги из пастей собак, но при каждом моем движении они только скалились и издавали зловещее рычание. С каждой секундой обстановка накалялась все сильнее, обезьяна бесконечно прыгала двойное сальто назад, заставляя меня повторить этот трюк за ней. Она кричала, впала в иступление, я был сильно напуган, после чего она сорвалась и все-таки выстрелила в меня из своего бананового револьвера.

Все вокруг растворилось – пропала эта безумная обезьяна, эти оскалившиеся собаки; в глазах потемнело. Я оказался в невесомости посреди огромного пространства, наполненного непроглядной тьмой. Через мгновение я увидел вдалеке малюсенькую светлую точку. Она начала резко увеличиваться, то ли приближаясь ко мне, то ли затягивая меня в себя. В следующий миг окружающая меня тьма сменилась на ослепительно яркий свет. От такой световой насыщенности я закрыл глаза, но даже это никак не помогло – вокруг было настолько ярко, что лучи просвечивали сквозь мои веки. Когда все это достигло своего пика, произошел хлопок, и освещение стабилизировалось, создав комфортную обстановку для моих глаз. Когда я попытался разомкнуть свои зажмуренные веки, то вдруг понял, что открывать-то больше и нечего: моего тела теперь не было; я не видел ни своих

рук, ни ног, ни туловища. Я повисел в этом состоянии какое-то время и успел привыкнуть. Кажется, это было что-то типа состояния чистого сознания, когда больше нет телесной формы – есть только один единственный ничем не отвлекаемый мыслительный процесс.

– Ха-ха-ха, Боже, эта обезьяна была просто уморительной!! Какую же натуральную атмосферу нагнетания она создала – просто превосходно! Как тебе-то самому представление?

Я сильно замешкался, не понимая, откуда исходит этот голос. Через мгновение на меня напала паническая мысль, и я произнес ее вслух:

– Я что... умер?

– Нееет-нет-нет, не переживай, ты жив, если то состояние, в котором ты обычно находишься, ты называешь жизнью, ха-ха-ха-ха!

– Тогда где я? Я разговариваю с Богом?

– О-о, мне льстят твои слова, еще никто не называл меня Богом. Но нет, это не совсем так: я не Бог, зато я знаком с вашим Богом, когда-то я даже на него работал, но об этом позже. А насчет твоего места нахождения сейчас... мы подумали, что у вас в мире обычно так и представляется разговор с высшей силой, поэтому и решили все разыграть по сценарию: какая-то странная череда событий, затем темнота, свет, и вот ты здесь, разговариваешь с нами.

– Какой необычный сон.

– Вот тут ты абсолютно верно сказал: это – сон, причем он, наверное, станет самым необычным из всех твоих необычных снов.

В разговор вмешался второй голос:

– Слушай, если ты закончил паясничать, давай, может быть, по-нормальному представишься и все объяснишь? У нас время не резиновое.

– Да, ладно, прости.

Голос обратился ко мне:

– Сделай пару глубоких вдохов, и... хотя, стоп, у тебя же нет тела. Тогда просто представь, что делаешь пару глубоких вдохов и осознай мысль: тебе это все не кажется. Да, это сон, но это, скажем так, – управляемый сон. Когда ты будешь готов продолжить, просто скажи нам. Press any button to continue, ха-ха-ха.

Я пребывал в состоянии полного непонимания происходящего, но все же последовал совету этого загадочного голоса и представил, как делаю несколько глубоких вдохов, при этом вообразив, что нахожусь перед спокойно текущим ручейком. К моему удивлению, это помогло. Через несколько минут – хотя было вообще не понятно, как сейчас течет время – я обратился к ним:

– Кажется, я успокоился и готов продолжить.

– Замечательно! Тогда давай познакомимся! Заранее скажу, что все, что я тебе сейчас буду рассказывать, возможно,

будет вызывать у тебя полное недоумение, неверие и так далее. Единственное, что я могу тебе посоветовать – просто быть открытым к новому и ничего не бояться.

– Я всегда себя как раз считал открытым человеком, поэтому, надеюсь, с моей стороны недопонимания не возникнет.

– Это прекрасно! Мы это знаем, поэтому, собственно, и возлагаем надежды на наш разговор. Тогда начну рассказ. Начать, наверное, стоит с того, что весь твой мир – это Симуляция.

Эти слова только что были подобны электрической вспышке которая проходит по всему телу екающим чувством. Я давно крутил всякие мысли об иллюзорности нашего мира, но это все были философские концепции. А тут тебе просто в лицо заявляют: «Твой мир – иллюзия». Я захотел выяснить подробности.

– Симуляция? В каком плане?

– Компьютерная Симуляция. Все, что происходит в твоём мире, просто моделируется компьютерной программой и исполняется на мощных процессорах и видео-картах. Думаю, тебе это все не покажется чем-то сильно удивительным, ты ведь сам работаешь программистом, знаешь, как устроен компьютер и на что он способен.

– Да, это верно. Если честно, в нашем мире есть люди, которые допускают мысли о теории Компьютерной Симуляции, просто мало кто их воспринимает прям всерьез. При-

чем мысли эти даже не такие уж прям свежие. Тридцать лет назад компьютерные игры были абсолютно примитивными, но даже тогда некоторые начали задаваться вопросами. Сегодняшние игры уже почти не отличить от реальности: настолько в них открытый и проработанный мир и натуральная графика. И это все только лишь за тридцать лет прогресса. Остается только гадать, на что мы будем способны через следующие тридцать, сто, пятьсот, тысячу лет.

– Конечно, здорово, что ты уже, можно сказать, готов к тому, о чем я хочу тебе поведать, но мне это все объяснять совсем не обязательно. Как ты можешь догадываться, мы как раз-таки и есть те, кто принимал участие в создании вашего мира.

– Да, я понимаю. Просто когда ты оказываешься так близок к каким-то разгадкам вопросов мироздания, начинаешь поневоле размышлять вслух. А зачем вы создали наш мир?

– О-о. Вот тут как раз начинается довольно интересная история. Когда-то мы жили и развивались точно так же, как сейчас это делает ваша цивилизация. Открытие такой технологии, как компьютер, естественно, в корне перевернуло устройство нашего мира: безграничная связь, мгновенный доступ, ускоренные в миллионы раз математические вычисления, бесконечные развлечения, зомбификация населения посредством цифровых устройств. Как обычно, любая революция очень неоднозначна. Сначала все шло просто прекрасно: уровень жизни у всех в нашем мире резко вырос,

ее продолжительность увеличилась, появилось много новых работ, рутинные и механические работы были автоматизированы. В общем, все развивалось так же хорошо, как развивалось в вашем мире до последних примерно пяти-десяти лет. Все бы и дальше шло замечательно, если бы не переломный момент, за которым... если сказать коротко, начался трэш. С помощью компьютера мы решили все наши проблемы, сделав жизнь легкой и, казалось бы, радостной, но, как известно, живые организмы вечно хотят еще. Развитие технологий, которое ускорялось экспоненциально, по итогу привело к разрушению. Я не говорю обо всяких постапокалиптических сценах, нет. У нас действительно красивые футуристические ландшафты. Но чего они стоили... Разрушение началось с двух фронтов. Во-первых, была целиком уничтожена духовная жизнь тех существ, которые населяют наш мир. Они перестали задавать вопросы о Боге, о вечном, о мироустройстве, будучи опьяненными той властью и возможностями, которые им открылись. Каждый возвел себя до Бога, погрязнув в своем тщеславии и алчности. Цифровые устройства, изначально решающие проблемы, превратились в уничтожителей реальности. Теперь они заменяют все, что раньше делало наш мир живым и насыщенным. Они заменяют друзей, впечатления, эмоции – реальность, одним словом. Над населением был взят полный контроль. Причем взят он был не силой, а каждый сам добровольно отдался, обменяв свою свободную волю на вечную стимуляцию радости, окру-

жив всю свою жизнь сиюминутными дозами иллюзорного счастья. Во-вторых, мы скатились в полное истощение той реальности, которая была у нас раньше. Средства, получаемые большими корпорациями с тех зомби, которые поглощали контент теперь уже 24/7 – ведь сны теперь тоже можно было заказывать – направлялись на производство еще большего количества контента. Наша реальность стала иссыхать. Сначала мы выкачали все ресурсы из нашей собственной планеты. Мы бежали с нее, ведь она стала совсем не пригодной для жизни. Мы начали распространяться по Вселенной, уничтожая планету за планетой, сжигая все их ресурсы. С теми мощностями, которые требуются нам сегодня для поддержания всей той инфраструктуры, которую мы выстроили, даже Звезды превратились в батарейки. Да-да, ты не ослышался. Порой энергии одной небольшой Звезды не хватает даже на неделю обеспечения населения. На таком уровне развития и началась паника. В тот момент одна из крупнейших галактических компаний, ответственных за эксплуатацию энергии Звезд, в которой я и работал, решила запустить эксперимент. Компьютерную Симуляцию развития цивилизации для поиска и исследования более эффективных средств извлечения энергии. И тогда был создан ваш мир. Как ты понимаешь, в компьютере все процессы и вычисления протекают в миллиарды раз быстрее, чем в реальности. За несколько месяцев экспериментов ни одна из цивилизаций, которые мы создавали, не пошла по отличному от на-

шего пути. Они все по итогу приходили к глубокой нехватке энергии на удовлетворение своих радостей, истощая Звезды. Кстати будет сказать, что в силу полного отсутствия духовной жизни населения, никого уже даже не волновало в нашем мире, что мы и сами живем в такой же Симуляции, как и вы. Ведь тот, кто способен создать Симуляцию, имеет лишь один шанс на миллиарды быть нулевым, базисным, несимулированным миром. Может быть, ты удивишься, но никого эта мысль даже не тронула – настолько всех волнует только то, что ведет к очередной дозе примитивной радости, хоть все это и фальшивка в корне. В тот момент, когда мы уже были уверены, что наша цивилизация обречена, в моем отделе был совершен огромный прорыв. Мы изменили наш подход к созданию Симуляции. Кстати, ты еще здесь вообще?

– Да-да, конечно. Просто молча пребываю в тихом ужасе.

– Окей. Так вот, мы изменили подход. Теперь мы запускали Симуляцию не для поиска источника энергии, нет. Теперь мы запускали ее *в качестве* источника энергии. Мы поняли, что вы, население Симуляции, можете вырабатывать энергию, а не искать ее для нас.

– Да ла-а-адно!! Как в аккумуляторе в звездолете Рика?? Мы находимся в микро-вселенной, наступаем на губл-коробки, потом создадим мини-вселенную, в которой будут ходить на флubl-ходулях, а они создадут кроха-вселенную с блубл-тягой??

– Если тебе так проще понимать эту концепцию, то да.

– Я в шоке, – сказал я шокированно.

– Ну так вот. Мы начали эксперименты. Мы проверяли разные биологические формы жизни, создавая нечто подобное нам или же что-то совсем иное. На вашей Карте первыми подопытными были Динозавры, следы которых остались и по сей день. Этот опыт показал себя крайне положительно, после чего мы стерли их цивилизацию для создания вместо нее версии 2.0, которой стали известные вам Древние Цивилизации вроде Египтян и Майя. Тяжело описать словами, насколько хорошо показывали себя все наши опыты. После ошеломительного успеха Древним Цивилизациям тоже наступил конец для создания версии 3.0, которая актуальна и по сей день, – вашей цивилизации. Следы Древних вы тоже находите наравне со следами Динозавров, ведь заново пере-вычислять Карту – непозволительно дорогая операция для нас. Несмотря на то, что на поддержание работы компьютеров, вычисляющих вашу Симуляцию, требуется энергия сразу нескольких десятков Звезд, это был триумф: ваш мир стал амплификатором этой самой энергии Звезд, увеличивая ее в разы. Я бы очень хотел с тобой сейчас поделиться тем, по какому принципу это работает, но у нас остается очень мало времени, поэтому я расскажу тебе это при нашей следующей встрече. Кстати, да – они у нас еще будут! Сейчас я скажу тебе главное: нам очень нужна твоя помощь, и эти моменты связи с тобой будут ключевыми. Так что, пожалуйста, следи за качеством своего сна и не испытывай слишком много

радостей в течение дня... Хотя, блин, эти наставления бессмысленны, потому что, когда ты проснешься, ты совсем ничего не вспомнишь... Ладно, просто живи, как живешь сейчас, твой модус поведения направлен в верную сторону, что позволяет нам связываться с тобой!

– Но подождите, у меня есть столько вопр...

– Извини, мы очень ограничены во времени, мы обязательно ответим на твои вопросы в следующий раз. Кстати, чтобы каждый раз не начинать с начала, мы будем вести запись наших контактов, при каждом новом загружая тебе воспоминания через модуль памяти. Этот разговор уже записан, прости, что не предупредил заранее. Все, нам пора отключаться... Спасибо тебе большое за то, что ты делаешь.

– Подождите, я хочу пр... Пр... Приходит как-то мужик к психологу и говорит: «Меня никто не замечает, я как будто пустое место, помогите!» Психолог: «Следующий!»

Удивительное чувство, которое я смог осознать, проснувшись утром, заключается в том, что *мы можем ощутить ход времени*. Вот сон длится в среднем восемь часов. Для того, чтобы в нем побывать, мы закрываем глаза, а потом открываем. Вроде бы просто моргнули, но утром можно наткнуться на точное понимание, что прошло очень много времени – это было далеко не мгновение; причем чувство это какое-то совершенно необъяснимое. Вроде и понимаешь, что просто лежал с закрытыми глазами, но время шло, оставляя на тебе

след.

Некоторые теории говорят, что как такового времени нет – оно живет только в наших головах; и что в реальности есть только дельта (Δ) – изменение состояния объектов, а мы же воспринимаем эти изменения как ход и течение времени. Но что меняется за часы нашего сна, если мы даже перестаем наблюдать какие-либо изменения? По-моему, этот самый след после сна все-таки и подтверждает существование такой сущности, как время.

XI. Existential Depression

За окном шел дождь, я наблюдал за ним, сидя на диване на открытой террасе второго этажа нашего дома. Последние несколько месяцев я ясно чувствовал тенденцию своего настроения: оно с каждым днем шло по нисходящей.

Каждый день в голову забредают мысли и вопросы о смысле моего существования, на которые я не могу сам себе ответить. Кажется, у меня прогрессирует депрессия. Экзистенциальная депрессия. Я это понял по участившимся моментам «залипания», когда просто сижу и подолгу смотрю в одну точку без каких-либо мыслей, будто бы пытаюсь застыть, поскорее пропустив через свою жизнь поток времени. Своеобразный такой анабиоз.

Вспоминаю себя год назад и понимаю, что раньше не мог такого позволить, потому что эта жизнь у меня еще вызывала какие-то эмоции. Я постоянно куда-то спешил, отчего любая пауза или заминка должны были тут же оказаться занятыми чем-нибудь «полезным». Я всегда чего-то ждал и к чему-то стремился. Если у меня и была депрессия, то ее было очень легко описать: как мне сейчас кажется, она была связана с самыми примитивными актами бытия. Я был обычным потребителем, поэтому видел некую «идеальную» жизнь для своего Сверх-Я и видел нынешнюю жизнь действующего Я. Было понятно, что мои условия реальности сильно отлича-

ются от «идеальных», следовательно, присутствовала личная неудовлетворенность. Я действительно связывал удовлетворенность с счастьем и думал, что стану более радостным, когда приду к своему Сверх-Я, обзаведясь всяким добром, добившись социального статуса и всякого рода благополучия.

Поразмыслив над тем, что больше никуда не спешу в этой жизни, я взял ручку и начал выливать то, что чувствую, на бумагу:

«Каждый раз, достигая чего-то, что, вроде, должно сделать меня бесконечно счастливым, я быстро впадал в новую неудовлетворенность. Подобные проявления скоро указали мне на ненасытность человеческой природы. Тогда я бежал. Бежал от себя и своей прошлой жизни, не желая больше иметь ничего общего. Началась моя новая тенденция – тенденция отказа от всего.

Вместо того, чтобы преследовать все новые и новые материальные ценности и прочие виды иллюзорного счастья, из раза в раз впадая в острую неудовлетворенность, я решил пресечь корень этой проблемы – отказаться от преследования. И, о Боже, это помогло! Я избавился от вещей, которые висели на мне мертвым грузом. Я избавился от пустых людей, общение с которыми меня отягощало. Я перестал пользоваться социальными сетями, чтобы не наблюдать за чужими фальшивыми жизнями, а жить свою настоящую, также не пуская и пыль в глаза людям. Я на-

вел полный порядок во всем том небольшом количестве явлений этой жизни, которые остались у меня после глобальной чистки. Этот минимализм привел в порядок мое сознание, подарив мне на какое-то время ощущение полной легкости и свободы. Однако, когда оказались убраны все раздражители, глазам предстала полная картина моей жизни и сущности бытия в целом, которую я и стал разглядывать уже через призму состояния ясного ума. В тот момент я открыл для себя совершенно новый вид депрессии, в которой теперь и живу постоянно.

Один вопрос: «В чем смысл моего бытия?» Я же знаю, что в конце будет смерть. Смерть произойдет со мной, произойдет с каждым. Она равняет с землей все то, что мы пытаемся строить и копить всю жизнь. Наши тела оказываются выброшенными, как использованные батарейки, которые в какой-то момент уже не могут питать технику. Но что это за техника? Кого я должен питать энергией своей жизни?

Все вокруг мне кажется бессмысленным и тщетным. Если я конкретно осознаю, что будет в конце, то что должно меня мотивировать копошиться в этом муравейнике жизни, ожидая этого конца?

Я много думал о самоубийстве, не хотел жить эту жизнь, зная, чем она кончится. Порой эти мысли по-прежнему меня преследуют, но я точно не хотел и не хочу совершать поспешных действий. Когда заключенный сбегает из

тюремь, его все равно с очень высокой вероятностью находят, только потом сажают в карцер или колонию с более строгим режимом. Проще ужe, реально, отсидеть так, как есть. Благодаря духовным и философским учениям, религиозным взглядам, эзотерическим концепциям я все же пока заморозил свои порывы ускорить наступление собственного конца. Хотя бы до двадцати семи лет ;-) Сейчас то время, что у меня остается в этом мире, я посвящаю этим перечисленным сферам, потому что они даруют мне свободу от всего того, что я теперь ненавижу в этой жизни, погружая меня в глубокие мысли и позволяя цепляться за какие-то ниточки смысла. Я не знаю, на сколько еще этого хватит. Не буду врать, все же часто мне все равно кажется, что мои высказывания о том, что самоубийство – это плохо, – лишь попытки самовнушения. В глубине души я как будто все равно чувствую, что в какой-то момент не выдержу, и тогда никакие самообманы и самовнушения не спасут. Иногда просто невыносимо осознавать, что мне так мало лет, а эта жизнь уже не цепляет и вряд ли когда-то зацепит.

Почему я думаю, что меня не завлечет жизнь своей суетностью, погрузив в какую-то бурную деятельность? Да потому что это все – ложь и пьянство. Что такое пьянство в глазах обычного человека? Это уход от «реальности» в какое-то более облегченное состояние, может быть, даже забвение. Так вот этим уходом для меня теперь является сама жизнь со всей ее суетностью. Я осознаю свою «ре-

альность», которая остро тщетна. Я осознаю, что уход в бурную деятельность, связанную с этой жизнью, – это простое опьянение, попытки забыться в каких-то делах и заботах, попытки скрасить свое время в ожидании смерти. Все люди, кого я знаю, пьяны. Они переживают за материальный достаток, они плодятся, они копошатся, они пытаются выжить.

Раньше мне хотелось очень громко крикнуть, чтобы меня услышали все: «Люди, вы пьяны! Вы просто скрываетесь от реальности. А реальность такова, что ваша жизнь бессмысленна», но потом я все же свыкся с тем, что «мысль изреченная есть ложь». Какой смысл навязывать свои личные взгляды тем, кому они вообще не сдались? Что я могу дать людям взамен их выпивки с этикеткой «Жизнь»?

В том-то и проблема, что мне нечего предложить взамен. То, к чему я пришел, – это бессмысленное существование, которое я теперь тоже всеми силами пытаюсь скрасить. Раньше его скрашивать было очень легко, потому что средств было много. Когда я презрел эту жизнь, средств сильно поубавилось. Я остался один на один с моей нелюбовью к жизни в том возрасте, когда у всех моих знакомых только начинается их жизненный путь: первые работы и зарплаты, первые отношения, первые крупные покупки, первые поездки и так далее.

Мне этого всего уже давно хватило. Некоторые люди в попытках мне «помочь» предлагают насильно погрузить се-

бя в какие-то заботы, но так оно не работает. Это как попробовать уснуть сразу после того, как поспал десять часов, выпил чашку кофе и сделал зарядку – это невозможно.

Безусловно, я не отрекся вообще от всего, что у меня есть. У меня осталась работа, у меня остались родственники и очень немногочисленные друзья, у меня остались некоторые увлечения. Единственное, чего у меня нет – это ожиданий чего-либо из будущего. Я живу строго в сегодняшнем дне, не имея никаких планов и целей, потому что мне ничего не нужно из этого. Если попробовать искусственным образом создать себе цель, то это как встречаться с девочкой, которой ты сразу говоришь: «Слушай, конечно, понятно, у нас тут любовь, все дела, но ты должна знать, что химия выветрится через годик-два, мы начнем ссориться, а потом разойдемся». Любым попыткам предаться ожиданиям будущего я говорю заранее: «Ребят, у нас с вами ничего не выйдет – я же осознаю тщетность бытия».

В своих мыслях и поисках я даже дошел до одного интересного взгляда, который буквально звучит так: «Страдание как смысл жизни». Я держу в голове мысли о том, что все это временно, как ни крути наступит конец, который, по моим ожиданиям, должен стать тем самым избавлением, которого я так страстно жажду. Так почему бы не попробовать нагулять себе аппетит? Просто жить той жизнью, которая хотя бы не вызывает отвращения и омерзения и вписывается в мои взгляды. Именно поэтому на данный

момент я чувствую в себе силы терпеть и жить дальше, просто потому, что этот пиздец, называемый жизнью, я надеюсь, происходит со мной в первый и последний раз и в какой-то момент точно закончится.

У меня развилось очень острое отвращение ко всему биологическому и телесному. Возможно, это звучит абсурдно, но порой мне морально очень сложно просто сходить по-срать, понимая, что вот это тело, которое якобы стремится к какой-то красоте и самосовершенствованию, к чему-то «высшему», выпускает из себя нечистоты. Я смотрю на всяких животных, паразитов, насекомых, убийц, хищников и просто отказываюсь верить, что это – Божественные Творения. Это все похоже на невероятно огромный цирк уродов. Биологических уродов. Я постоянно наблюдаю каких-то плешивых собак у дороги с подбитой или прокушенной лапой; облезлых кошек; отвратительных насекомых, мерзость которых мне не хочется документировать, дабы поскорее забыть. Они даже не могут осознать, что их существование – просто ошибка, а их удел – страдание в ожидании смерти. Жизнь безжалостна и жестока по своей природе, а мы поверх этого пытаемся сочинять какие-то сказки о совершенстве и красоте.

Кстати о красоте. Человек вообще задумывается о том, сколько ему нужно делать для того, чтобы создавать иллюзию красоты? Вряд ли, потому что эта маскировка своей естественной сущности давно стала нашей повседневной

стью. В натуральной форме из человека сочатся целые потоки нечистот: пот, сало, гной, ушная сера, слюни, сопли, говно, моча, зубной налет, ногти, перхоть, отмершая кожа – и это даже не полный список. Был бы человек красивым, если бы он не пользовался дезодорантом, косметикой, не мылся, не стирал одежду, не чистил зубы, не стриг ногти, не брил определенные места? Ни одному животному не надо делать столько, сколько надо делать человеку, чтобы быть красивым. Иногда Великие Люди между слов могут сказать короткую фразу, которая буквально в двух словах отражает всю действительность происходящего. В «Числах» Пелевина была именно такая фраза: «какая, если вдуматься, мерзость эта красота». В общем, человек – буквально [с]ущее убожество, у которого даже опорно-двигательная система не успела адаптироваться к прямохождению.

И это ведет к осознанию другой печальной мысли: существование в телесной форме в принципе – страдание по своей сути. То, блять, ухо чешется, то ноги затекли, то нос заложилось, то нерв защемило, то ногу подвернул, то руку отлежал, то комар укусил, то голова болит. Не понос – так золотуха. Благодаря телесной форме я наконец узнал, что такое постоянство, потому что в моей жизни нет ничего более постоянного, чем боль в спине. Она болит всегда: когда я по 8 часов работаю за компьютером, когда куда-то еду на байке, когда играю на барабанах, когда пишу книгу,

когда катаюсь на серфинге. Найти такие дела, от которых не болит спина, кажется чем-то нереальным. Биология – богомерзкое и ущербное явление, о котором лучше пореже думать, а то постоянно грустно становится.

Бывают дни, когда я в буквальном смысле рыдаю от невыносимости своего бытия. Тяжело описать детально, но это – ощущение тяжести, которое настолько сильно давит, что просто сам факт бытия становится нестерпимо угнетающим. В таком настроении не идет никакой речи о рациональном обосновании, о поиске причин. В этом состоянии невозможно ничем заниматься, хочется просто скрыться от всего и в первую очередь от самого себя. Но это невозможно. Такие дни на данный момент переживать тяжелее всего, потому что самоубийство кажется единственным решением. Именно поэтому в этом настроении лучше ограничить все контакты с внешним миром, чтобы лишний раз не печалиться от убожества жизней окружающих людей; закрыться дома и просто повторять себе: «Перетерпи, это пройдет, ты же знаешь: уже не раз бывало».

А вообще, что такое настроение – любое: хорошее, плохое, веселое, печальное? Настроение – это просто сменное пребывание в разных помутнениях рассудка. Вот взять, например, приподнятое. Весь мир кажется каким-то вдохновляющим, дела идут в гору, с друзьями удается отпустить смешные шутки, от которых все смеются. Такое состояние, когда из-за удачного стечения обстоятельств кажет-

ся, что этот мир наполнен радостью, а ты сам познал глубокую тайну о том, как всегда быть в подобном воодушевленном настроении. «Эврика! Вот теперь-то я всегда буду жить так радостно! И как я раньше не понимал этого секрета?» Но что потом? О, как жаль. Потом настроение просто берет и независимо ни от чего меняется. Теперь кажется, что весь мир играет против тебя. На работе нудная задача, люди кругом – тупые мудаки, на дороге какой-то урод подрезал. Ты пребываешь в печали и начинаешь думать, что надо что-то такое сделать, чтобы стало лучше, чтобы вернуться в «истину». Может быть, переехать в другую страну? Купить новую машину? Завести отношения? Сменить работу? В таком состоянии очень многое начинает казаться, а как известно: когда кажется, креститься надо. Любое настроение – это когда одна ложь начинает казаться правдивее другой лжи, но в сущности все эти навязчивые идеи – лишь помутнение рассудка. Тогда что вместо этого? Нейтралитет, апатия и депрессия – моменты, когда ты без всяких розовых очков видишь, что мир – это розовое очко гамадрила. Для меня депрессия перестала быть плохой. Она стала чистой; когда я искренен с окружающими и с самим собой, когда я зрю в корень. Искренность перед окружающими означает, что я пропадаю с их радаров. Им не нужно знать о моей жизни, а мне об их, потому что информация о любой чужой жизни, кроме жизни тех, кого любишь, – это бесполезный информационный мусор, кото-

рый большинство по ошибке принимает за нечто важное и ценное. Конечно, быть как можно чаще радостным – главная цель любого человека. Но для меня быть в каком-либо настроении – означает быть не собой, а буквально этим настроением. Я лучше буду страдать, оставаясь честным в состоянии чистого рассудка, чем колебаться с этим маятником радость-печаль, из раза в раз уверенно считая, что либо познал истину, либо понял, что надо сделать, чтобы вернуть истину. Вообще, бытие – это маятник, у которого нет состояния покоя. Пока ты есть, ты будешь колебаться. Можно очень долго искать разные пути к заветному покою, но покой, увы, наступит только тогда, когда этот маятник к хуям растворится.

«Почему бы тебе не обратиться к психотерапевту?» Психотерапевт – это фраза «все будет хорошо», продаваемая по прайсу 3000 руб/час. Если бы я переживал из-за того, что меня бросил парень, а у моей подружки ноготочки красивее и айфон новее, то психотерапевт мне, определенно, помог бы. Проблемы большинства людей решаются легко, потому что они вызваны их глупостью и бессознательностью. Люди бьются головой о стену и каждый раз удивляются и говорят: «Ай, как больно!» Дело в том, что стены, на самом деле, никакой нет. Мало того, что ее каждый себе выдумывает сам, так потом еще всякий раз разбегается со все большей силой в попытках прошибить эту стену своей башкой. Когда ты включаешь мозги, становится понятно,

что стены никогда не было, а все это время ты бился об самого себя, об свою собственную глупость.

После этого наступает новый этап: вот ты понял, что все эти проблемы муравейника – полнейшая дичь, но вот незадача! – они продолжают тебя засасывать. Здесь появляется потребность не в психотерапии, а в философии. Об этом еще Сенека писал чуть ли не в каждом письме, дескать, надо почаще заниматься философией, чтобы помнить суть. Так вот теперь надо, чтобы кто-то почаще напоминал, что **все это, происходящее вокруг, не по-настоящему**. Как однажды написал мне мой братишка: «И я понимаю, что, даже лежа в аппарате с другими плюшевыми игрушками, сдавленные железной клешней, мы все равно можем всегда подмигнуть друг другу своими пластиковыми глазками, напомнив, что все это не всерьез».

На самом деле, я уже давно нашел свою терапию – писательство. Уже не раз замечал, что даже в самое плохое настроение стоит излить свои чувства на бумагу, как наступает облегчение, отпускает. В последний раз, когда меня захлестнула волна суицидального настроения, я написал заметку, в которой изложил свои планы по самоубийству: способ, что сделать перед этим, с кем попрощаться, что написать в предсмертной записке и тому подобное. Меня отпустило чуть ли не сразу, как я выплеснул свои мысли. Именно поэтому я много пишу.

Откуда у меня такая нелюбовь к жизни? Думаю, это со-

вершению естественный процесс, просто у кого-то происходящий, а у кого-то – нет. Сколько я живу, понимаю, что каждый человек обладает сугубо индивидуальными взглядами и вкусами, каждый путь абсолютно неповторим, и поэтому навязывание кому-то своих взглядов и убеждений – дело неблагодарное. Просто так оказалось, что во мне это всегда было, а постепенно оно раскрылось. Наверняка, это как-то можно объяснить еще и с генетической точки зрения. Неспроста же в нашей семье три самоубийства по моей отцовской линии: сам отец, его брат (мой дядя) и его отец (мой дед). Мало кто может дать внятный ответ, приобретаем ли мы определенные качества в течение жизни или просто раскрываем те, которыми обладаем с рождения.

Не раз я слышал фразы типа «люди в концлагерях молили господу, чтобы выжить и снова увидеть своих близких, а ты так не ценишь свою жизнь при всех прекрасных условиях, в которых живешь». Что ж, фэйр энаф. Только те, кто так говорит, не знают, что жизнь состоит ровно из двух занятий: 1) борьба со смертью и 2) борьба с несчастьем.

Борьба с биологической смертью раньше была очень сложной: куча опасностей, агрессивная окружающая среда, жестокий мир; а в современном мире все довольно легко: кафешки каждые пять метров, теплая одежда в любом магазине, у всех есть какое-никакое жилье (хоть бетонный куб в ипотеку). В общем говоря, этот первый этап обычно заключается в удовлетворении голода, жажды и холода. Когда он

пройден, человек выходит на второй: бесконечный этап, в котором можно фармить ресурсы до самой смерти – борьба с несчастьем. Все люди живут только лишь ради вечного удовлетворения своих хотелок, с каждым днем желая все большего. Что сделал я? Я презрел этот этап, просто отказавшись бегать в этом колесе лишь бы потакать своей вечно жаждущей природе.

Жизнь на этапе гонки за счастьем фальшива. Люди дурят друг друга, пытаясь казаться максимально счастливыми, особенно в социальных сетях. Все надевают себе маски с улыбкой, но в душе глубоко несчастны, причем каждый по-своему. А тот, кто громче всех горланит о том, насколько он счастлив, чаще всего оказывается вообще самым ущербным.

Недавно само провидение показало мне всю суть маски счастья. После горячего душа я нарисовал на сильно запотевшем стекле улыбающегося смайлика. И через несколько секунд у него из глаза потекла слеза. Боже, это была самая печальная, но показательная слеза на свете. Я наблюдал за ее движением, видя правду, и просто сказал этому смайлику: «Бро, так живут все, не парься». И он не парился – он испарился.

Что, если искусственным образом вернуть себя в условия борьбы за жизнь? Просто уехать жить на натуральное хозяйство, борясь за то, чтобы следующий день меня не убил. Может получиться интересный эксперимент, хотя в

целом идея довольно сомнительная: вероятно, к моему дискомфорту духовному добавится еще и мерзость телесная в виде голода, холода и болезней. Вместо того, чтобы думать о том, как все хуево, будучи сытым, я буду думать ровно об этом же, только с урчащим желудком. По-моему, я сильно свыкся со своими мыслями бесполезности своего существования, не оставив шансов каким-то синтетическим смыслам жизни.

В общем, как ни крути, жизнь – это просто ебля в анус. Ты можешь смазывать себя вазелином, устраивать ролевые игры, наряжаться, использовать различные гаджеты и приборы. Все это, конечно, здорово, но это – лишь мишура, которая может только частично прикрыть сущность дел: тебя просто долбят в задницу лингамом победы, который еще и в любой момент может выстрелить.

Я очень завидую тем людям, которые живут в опьянении: с ними произойдет то, что происходит со мной, но значительно позже, когда времени до конца уже останется не так много, отчего страдать придется просто меньше. Это называется «кризис среднего возраста» и происходит он у всех ближе к 30-40 годам. То есть, чтобы меня кто-то понял из моих знакомых, должно пройти еще 10-20 лет. Вообще, очищение работает по принципу «чем дольше гадишь, тем дольше замаливать грехи». Если ты всю жизнь живешь подонком, то тебе точно будет чем заняться после кризиса среднего возраста.

Стало бы мне легче, если бы все вокруг были такими же депрессивными, как я? Как ни странно, думаю, что да. Почему-то чувствуется величайшее спокойствие и облегчение, когда видишь, что не один живешь в этом состоянии. Именно поэтому я так ценю то, что у меня есть брат, с которым мы более чем понимаем друг друга. Именно поэтому я зачитываюсь Великими Авторами, которые еще десятилетия/столетия/тысячелетия назад выразили все то, о чем я думаю сейчас, оказывая мне своими произведениями такую поддержку, какую не может оказать никто из этих спящих болванчиков.

Возможно, я стал энергетическим вампиром, инкубом. Когда я вижу смеющихся людей, радующихся этой жизни, бурно обсуждающих сплетни, свои планы и стремления, меня просто выворачивает наизнанку. Я ненавижу этих людей, потому что среди них чувствую себя призраком, летающим вокруг и между, не понимая, как они могут жить такой страшной ложью и забвением. Напротив, когда я вижу людей таких же, как я сам, меня к ним очень тянет. Очень тянет раскрыть свою душу, выслушать их истории. Создается впечатление, что с такими людьми мы бы могли построить утопическое общество, в котором бы мы больше не плодились, а просто каждый дожил бы свои последние жизни в полном спокойствии и поддержке окружающих, после чего со смертью последнего человека нашего общества такой феномен, как человеческая жизнь, навсегда прекра-

тился бы.

Я отказываюсь верить, что хоть кто-то в этом мире счастлив. Каждый постоянно мечется из стороны в сторону, выискивая себе предложения поинтереснее, более выгодные сделки и условия, привлекательные цены, скидки и распродажи. Тот, кто по-настоящему счастлив, довольствуется тем, что у него есть, а не идет на поводу у своей неудовлетворенности. Я не верю, что кто-то счастлив потому, что каждый зависим от чего-то, что помогает ему хоть на время скрыться от действительности: алкоголизм, наркомания, трудовголизм, зависимость от компьютера, телефона, телевизора. После погружения в реальность человеческого бытия то и дело нужны ретрит-центры, детоксы, восстановительные процедуры и отдых. Даже духовные практики – йога, медитации, религиозность, ритуалы, службы, молитвы – пути к очищению от грязи, которой слой за слоем обрастаешь, живя человеческую жизнь.

Как тот, кому то и дело что хочется постоянно отвлекаться от жизни, может назвать себя счастливым? Неужели вот это все намного лучше, чем спокойное ничто?..

Любое бытие есть обман. Бесконечная ложь...»

Судя по блистающему солнцу и ясному небу, дождь уже успел закончиться довольно давно, чего я вовсе не заметил, погружившись в поток мыслей. Зато мне стало намного легче, будто бы бумага впитала в себя все то, что пожирает меня

изнутри, на время даровав мне свободу от этого.

На Востоке в сезон дождей с неба льет практически каждый день, но почему-то именно сейчас, впервые за почти год на острове, мне довелось увидеть, как на небе сияет радуга. Я встал из-за стола, понимая, что ничего, кроме этой жизни у меня нет и никогда не будет, а конец... ну, наступит в любом случае, как бы кто ни жил. Так почему бы не попробовать провести целиком отведенное мне время в этом мире, насладившись и им? Раз я здесь оказался, кому-то это было нужно...

Я устремил свой взор к сияющей радуге, подумав: «А вот это, явно, знак!...»

XII. Beach

В одной книге, которую я недавно прочел, было описано такое занятие, как «творческое свидание». По сути, это просто время, проведенное наедине с собой, со своими мыслями. Когда я читал о важности этого занятия для всех, а особенно для творческих личностей, к коим я себя отношу, от напористости автора и ее попыток доказать необходимость этих прогулок я недоуменно задался вопросом: а что, кто-то этого не делает? Потом немного подумал о своем прошлом и понял, что раньше на подобные прогулки в одиночестве смотрел очень негативно, мол как человек может проводить время один, это же совсем скучно и грустно.

Жизнь изменилась. За последнее время, отстранившись от многих людей, я стал проводить время преимущественно один. И самое удивительное, что это меня бесконечно радует.

Мое время больше не уходит на пустых людей, к которым я теперь испытываю отвращение. На самом деле, главная проблема даже не в потерянном времени, а в том, что все эти годы после длительного общения с вечно несчастными, катящими свой навозный шар жуками я чувствовал сильную истощенность, будто бы из меня высасывали силы. Я всегда был очень энергичным, открытым и щедрым, отчего, как мне кажется, был неплохим, умеющим выслушать собеседником,

с которым любили поделиться своими проблемами и переживаниями. В большинстве случаев муравьиными. Сейчас для меня общаться со многими стало намного сложнее, потому что проблем, которыми я хотел бы поделиться, у меня нет, а слушать чужой вздор при моих нынешних взглядах на жизнь почти невыносимо и утомительно. Мои проблемы давно вышли за рамки выживания и копошения, а я сам перешел на новый метафизический уровень. Мне не хочется объяснять или доказывать людям, что они на самом деле – спящие тени, мир – это помойка, которой к тому же и не существует, а все мы при этом мало того, что в эволюционном тупике, так еще и ограничены всего пятью убогими органами чувств, застряв в очень простой и примитивной модели понимания мира. Ровно как мне не хочется слушать о том, что кто-то опять расстался с девушкой или жаждет заработать больше денег и достичь успеха.

Мы наши жизни живем крайне эгоистично, о чем даже не задумываемся. Только подумать: все, *ВСЕ*, наши действия нацелены исключительно на получение определенной личной выгоды. Выгода может заключаться в телесных радостях, моральных избавлениях, материальных выигрышах и тому подобном. Страшно понимать, что никому в этой жизни кроме потешания своего собственного эго ничего, по сути-то, и не нужно. Любые «альтруисты», «филантропы», «благожелатели» и «щедрцы» всегда все равно действуют в своих целях, направленных на личную выгоду, будь то, например,

очищение кармы, искупление или исповедь. И самое смешное, что никто этого не признает. Почему? Да потому, что это сильно ударило бы по чувству собственной важности. Даже «любовь» между двумя людьми – это всего лишь себялюбие вдвоем: два человека пользуются друг другом – особенно телами – до тех пор, пока духовно и морально не истощат и не уничтожат партнера и самих себя. Только они этого не осознают, скрываясь под «самоотверженностью» и «чистыми помыслами».

В идеале общение между людьми – это обмен. Так вот если и производить обмен, то, мне кажется, он должен быть равнозначным, иначе получается нечестно, когда свое эго тешит только кто-то один. А вообще, есть ли что-то плохое в эгоизме? Думаю, что нет, покуда эгоизм не становится эгоцентризмом.

Так повелось, что по своей природе в физическом плане мы боремся за свое выживание, за свой достаток, за свой комфорт, но когда эта борьба идет в ущерб окружающим, начинается эгоцентризм. Мне стало нечем делиться в ходе общения со многими людьми, потому что больше не хочу пользоваться кем-то ради своей выгоды и не хочу, чтобы пользовались мной. Взглянув через эту призму на общение, я осознал, что в разговоре люди часто выслушивают собеседника лишь ради того, чтобы потом высказаться самому. Это легче всего заметить в живом контакте: в момент, когда говоришь, обращаешь внимание на выражение лица собеседника и по-

нимаешь, что он, скорее, думает над своим следующим высказыванием, чем осмысленно воспринимает твои слова. А потом он это доказывает, даже не дав тебе договорить, оборвав тебя на полуслове.

Еще я заметил одну, на первый взгляд, печальную вещь: нас никто никогда не поймет. Нам всем всегда хочется делиться разными эмоциями, взглядами, вкусами, впечатлениями. На иглу общественного одобрения людям вполне успешно помогают присаживаться социальные сети, но сейчас не об этом. Когда мы часто делимся всякой поверхностной шелухой, периодически забываемся и ожидаем получить одобрение на сакральное. Понаблюдав за реакцией людей, я пришел к выводу, что делиться чем-то очень личным и близким душе – совершенно бессмысленное и глупое занятие. Нас не поймут.

Очень часто наивная попытка поделиться личным становится разочаровывающим ударом. Не стоит забывать, что все люди в этом мире наполнены абсолютно индивидуальными взглядами и вкусами. И у многих эти вкусы абсолютно убогие (ха-ха, шучу! Типа объясняю, что у всех свои вкусы, а потом тут же противоречу сам себе, говоря, что у многих вкусы плохие. Смешно, да?). Мы питаем иллюзии, что кому-то вдруг ни с того ни с сего покажется такой же до глубины души ценной наша любимая песня, таким же великолепным и трогательным наш фильм детства. Хочется поделиться с окружающими, чтобы наш взгляд поняли и поддержали. Но это

так не работает, да и к тому же оно того не стоит.

В ответ на свою самую любимую песню, отправленную лучшему другу, в лучшем случае получишь: «М, прикольный трекос)». Мало кто готов принять тот факт, что никто в мире не оценит по-настоящему то, что лично нам крайне дорого. И это далеко не проблема окружающих нас людей. Это наша проблема. Лично мы – часто из-за своего эгоизма – хотим, чтобы все были похожими на нас. Но с чего это каждый решил, что его взгляд – истина в последней инстанции?

Я изменил свой подход: отвязался от общественного мнения и сам перестал быть общественным мнением. Испытывая великую радость и широченный спектр чувств, наслаждаясь творчеством, я предпочту оставить это в своем внутреннем мире, потому что понять меня и испытать это в такой мере, в какой испытываю я, не сможет никто. Вернее, почти никто, потому что иногда жизнь переплетает пути родственных душ, чьи взгляды оказываются взаимно разделены и поддержаны. Общение родственных душ не обязательно должно быть вечным – иногда достаточно один раз несколько минут поговорить с человеком на улице, не обменявшись контактами, но запомнившись друг другу на всю жизнь.

По итогу, сейчас ничто так не радует, как одиночество. Я живу в своем мире и строю его таким чистым и безмятежным, каким мне хотелось бы видеть внешний; но, увы, внешний мир тупой и жестокий.

Сегодня я снова поехал гулять на пляж один, как это часто

делаю.

Остров, на котором я живу, пестрит изобилием тропических ландшафтов и красок, и от тридцати минут до часа езды в разных направлениях от моего места расположены пляжи, не похожие один на другой: с черным вулканическим песком, с белым и мелким, как манка, с галькой, скалистый. Я обожаю гулять по ним на закате, и не важно, с какой стороны садится солнце, будет ли его видно уходящим за океан или просто за остров – в любом случае закат здесь всегда прекрасен. Обычно я приезжаю на пляж, чтобы провести на нем около полутора часов, пронаблюдав закат целиком: от дневного света до сумерек и ночной тьмы. Сегодня я поехал на один из своих любимых, вдоль которого расположена прогулочная дорожка с дорогими отелями с одной стороны и океаном с другой, над которой в разных местах нависают пальмы и пышные деревья.

Припарковав свой байк, я воткнул наушники и отправился на прогулку.

В своей жизни я почти ничего не делаю без музыки, для меня эта форма творчества – спутник, наполняющий красками события, сопровождаемые им. Порой песня может стать носителем информации, катализатором ностальгии и светлых эмоций и воспоминаний. Стоит только включить такую особенно ценную мелодию, как перед глазами рисуются давно забытые образы прошлых, часто самых счастливых времен. Вероятно, уже никогда не удастся воссоздать атмосфе-

ру, которую вобрала в себя такая музыка. Но одно не дает впадать в окончательную меланхолию и тоску по ушедшим временам: все же каждый год новая музыка связывается с новыми событиями, а значит, жизнь продолжается.

Никогда бы не подумал, что мои музыкальные предпочтения и вкусы с годами сильно расширятся и охватят множество жанров: от самых легких джаза и поп до тяжелых панка и прогрессивного металкора. Если раньше я думал, что последнее слушают только демонопоклонники, сатанисты и черти, то сейчас это один из моих налюбимейших жанров. Мне стало чувствоваться, что пронзительный скрим и яростный гроул передают собой самые тонкие душевные переживания, вызывая мурашки. Ну и с точки зрения техничности, сыграть такую музыку раз в сто сложнее любой другой – это я знаю как музыкант со стажем.

Иногда, гуляя в наушниках, я просто не могу удерживаться от того, чтобы не петь самому, но всегда делаю это с опаской и осторожностью, чтобы никто из прохожих не уловил мой душевный, но до ужаса кривой и наивный вокал, хе-хе. Все-таки петь даже полушепотом вместе с любимым исполнителем доставляет намного больше удовольствия, чем просто его слушать.

Наслаждаясь великими творениями мастеров разных сфер искусства, я прихожу к ясному пониманию того, что все в этой жизни не просто так. И музыка в частности – одно из доказательств: нахождение гармонии среди хаоса; упорядо-

чивание против энтропии; материализация одного варианта из бесконечности возможных; благозвучие. Истинная красота.

Мы с братиком всегда очень много занимались музыкой сами: последние шесть лет я почти каждый день играю на барабанах, а он – на гитаре. И очень интересно, кстати, что у нас такая сильная любовь и приверженность к музыке проснулись сразу же после того, как... мы бросили музыкальную школу. Точнее, нас оттуда выгнали. Ну или 50 на 50, как когда тебя работодатель просит написать заявление об уходе по собственному желанию. До того, как мы самостоятельно решили освоить новые инструменты, мы ходили те же шесть лет в музыкальную школу, в которой учились играть на духовом инструменте гобое (мама нас с детства приучала брать в рот продолговатый предмет и сильно-сильно пыхтеть; наверное, знала, что это полезный навык в жизни), только вот там с музыкой что-то не клеилось, что не удивительно – сегодня получают образование, чтобы понять, чем заниматься не хочешь. Ну да, к чему это я.

Раньше, так же, как в общении, мне очень хотелось делиться, делиться музыкой, которую я делаю. Я был преисполнен детскими надеждами и грезами, будто бы мир захочет меня услышать и дать отклик. Многие мои мечтания разбились о скалу реальности, когда я понял, что просто сделать музыку и занести коробку кассет в ближайший музыкальный магазин было достаточно в девяностых. Увы, но не сегодня.

Сегодня слово «делиться» уже давно не актуально по отношению к музыке, оно было заменено словом «продавать». Продавать себя и свое творчество всеми возможными способами. Дело в том, что это занятие, музыка, в мире стало слишком доступным: теперь каждый второй собирает свою банду и записывает дебютный альбом, искренне веря в свой успех. Рынок стал просто лопаться по швам. Зайти, например, в какой-нибудь музыкальный паблик в социальных сетях, где публикуют новинки. Можно наткнуться на ужасающее зрелище: там каждые пятнадцать минут появляется новый альбом. Я не сомневаюсь в том, что среди всего этого потока есть и очень хорошая и качественная музыка, но дело здесь уже совсем в другом. Мне просто страшно думать о том, чтобы записать альбом, в который будет вложено несколько месяцев жизни, много часов студийной записи, творческая энергия и переживания, чтобы он потом... оказался лишь каплей в этом океане. Музыка из-за своей огромной доступности перестала быть особенной. Теперь ее может записать любой методом тыка на своем компьютере без знания хотя бы базовой нотной грамоты.

Глядя на то, как под этим напором льющегося дерь... контента остаются без внимания и потом погибают группы с величайшим потенциалом, и, напротив, хайпуют бездари, мне стало противно и грустно. Даже здесь все свелось к базару, на котором раскупают то, что в наиболее пестрой обертке и вызывает самые острые сексуальные ассоциации. Я да-

же вывел определенное правило: успешно продаваться будет то, по отношению к чему любая девчонка готова сказать «меня встал».

Но нежелание делиться не убивает моей тяги и искренней любви к музыке. Я по-прежнему одержим и страстно жажду играть вживую с бандой, записывать и сочинять. Просто теперь это все хочется делать не для кого-то, а для себя и близких; делать это значительно тише и без напыщенности. И всегда надо помнить, что быть автором – очень здорово, конечно, но надо уметь быть и хорошим слушателем. Иначе для кого это все будет, если вдруг каждый станет автором?

Но я бы все равно порекомендовал каждому попробовать побыть автором: иногда это заставляет задуматься о переходе в своей повседневности на лицензионный контент. Чисто из авторской солидарности.

Посреди своей прогулки я люблю присесть на краю небольшой каменной косы, уходящей в океан, наблюдая за разбивающимися волнами. Сегодня вода была спокойной, и на камнях под моими ногами ползали крабы. Некоторые из них боролись друг с другом, правда я не понял, за что они боролись, но это было забавным. Я уставился на этих маленьких существ и стал наблюдать за их активностью.

При детальном рассмотрении их тел я подумал о том, какие же они все-таки странные: две клешни, которыми они разделяют пойманную добычу, несколько ног, двигающихся так, что крабы перемещаются боком, твердый пан-

цирь. Все эти составляющие выполняют определенную адаптационную функцию, позволяя крабам как виду выживать и бороться за продолжение своего рода, причем очень успешно. Интересный факт, что в караба эволюционировало и продолжает эволюционировать очень много разных видов из отряда декаподов – десятиногих ракообразных, к которым относятся креветки, лобстеры, раки и прочая мерзость. Этот эволюционный феномен даже назвали «carcinisation». Пока людей поглощает калифорникейшн, многих ракообразных привлекает карцинизейшн. У всех свои ценности.

Все эти мысли о крабах подтолкнули меня к другим, более широким, размышлениям. Я задумался о теории эволюции. Если ей верить, то получается, что мы, люди, прошли эволюционный путь длиною, по оценкам ученых, в четыре миллиарда лет, оказавшись самыми приспособленными и развитыми на этой планете, доминируя над всем живым. Эти цифры нашего эволюционного возраста натолкнули на несколько интересную цепочку идей.

Если нам четыре миллиарда лет, значит, всем видам на нашей планете, которые мы знаем, столько же эволюционных лет, сколько и нам, зная, что у всего живого есть один общий предок. Значит, все виды, которые мы знаем, попросту попали в эволюционный тупик, оказавшись в таком положении, что развитие пошло, наверное, в неверном направлении. Значит, вид людей победил в эволюционной гонке, став доминатором. И это все? А вот и нет.

Есть такой интересный парадокс в жизни, что **природа Бога непостижима**. Это значит, что природа любого более развитого вида, который находится на более высокой эволюционной ступени и становится Богом, не может быть воспринята адекватно низшими существами, тогда как природа еще более низких существ воспринимается абсолютно примитивной. Амебы не осознают разум растений. Растения не осознают разум животных. Животные не осознают разум человека. Но каждый вид осознает все низшие. Получается, что люди так же уверены в своей эволюционной победе, как в этом уверен краб, который ползает по камням, воспринимая людей в качестве непостижимого природного явления, а себя – совершенством.

В мире есть столько вещей, которые мы просто не можем понять и объяснить. Можем ли мы быть уверены в своей победе, принимая в расчет тот факт, что за одинаковый эволюционный возраст другой вид совершенно спокойно мог стать для нас непостижимым? Мы никогда не узнаем о том, что находимся в тупике, так же, как об этом никогда не узнает крабик.

Вокруг стало смеркаться, и я оставил крабов, отправившись дальше.

Сумерки – магическое и едва уловимое время дня – прекрасны тем, что мир еще целиком слегка освещен солнечным светом, но основное внимание переключается уже все же на искусственное освещение, которое создает очень уют-

ную и буквально ламповую атмосферу.

Я шел по каменной дорожке, по которой разливался теплый свет невысоких пляжных фонариков.

Проходясь здесь, мне очень нравится наблюдать за жизнью в дорогих отелях, за тем, как люди сидят у пляжного бара, обвешенного уютными лампочками, что-то весело обсуждая. Виды этих отелей всегда вызывают у меня приятные чувства, напоминая двухнедельные выезды в подобные места вместе с мамой и братиком, когда мы были маленькими. Атмосфера таких отелей, которую смело можно назвать роскошной, не кажется мне пошлой при всем моем негативном отношении к роскоши. Они просто красивы, ухожены, сделаны со вкусом, не вульгарны. Но почему я сам не живу в таком?

Прекрасного не должно быть много. Очень часто люди при виде красоты всеми силами стараются начать ей обладать, привязать ее к себе, заселиться в нее. Я же очень доволен своим в меру скромным проживанием в комнате в небольшом доме, зная, что красотой окружающего мира можно всегда наслаждаться со стороны, не обладая ей. Есть мнение, что 90% всех возможных чувств можно ощутить от одного только взгляда на нечто красивое, а все последующие попытки завладеть этим дадут лишь несчастные 10%. И то не во всех случаях – иногда просто осознаешь, что оно того не стоило, ведь наслаждение при виде со стороны на красоту без обладания ей по сути было всем, что она может тебе

даровать.

Красота порой обманчива. Человека всегда влечет искушение, создаваемое чем-нибудь ярким и броским, поэтому все простое остается незамеченным, хотя часто в нем, скажем так, кроется истина. Вот взять, например, обычную жажду. Когда заходишь в магазин, глаза начинают бегать по холодильнику, выискивая какую-нибудь сладкую газировку, обещающую подарить «незабываемый взрыв вкуса». Но реальность такова, что ей никогда не утолить жажду – это можно сделать только простой водой. Бросается ли вода в глаза? Нет, она прозрачна и незаметна. Она не имеет яркого вкуса, не имеет почти никакого вкуса, ощутимого рецепторами на языке. Однако она одна способна даровать чувство освобождения от жажды при всей своей скромности.

Забавно, что даже в моей любимой музыке иногда под знаком эксклюзива людям сливают остатки, ха-ха. Вот бывает обычная версия альбома, а бывает его «deluxe» версия. Вроде бы, в обычную должны войти простые треки, а на второй, deluxe, диск должны попасть самые «сочные» песни. Но это же не так. На второй диск обычно попадает то, что, видимо, отсеялось при выборе лучших песен, которые будут на первом. Так в каком месте это является эксклюзивом? Не говорю, что так у всех музыкантов, просто есть те, кто путает «deluxe» с «extended».

Красота иногда может быть неоправданно дорогой, как бы оказывая такое психологическое воздействие, что, раз запла-

тил, оно должно радовать. Завышенная цена затуманивает глаза, привлекает, и только самый разумный способен понять, что, например, часы за пятьдесят тысяч единиц валюты показывают время не хуже часов за пятьдесят единиц валюты.

Когда я достиг материального достатка и смог иногда позволять себе дорогую красоту, которой жаждал раньше, стал иногда сталкиваться с разочарованием. Вроде заплатил, а вроде чувствуешь себя при этом как-то использованно: не так уж это дорогое лучше – а иногда и вовсе хуже. Вроде кофе тот же, только этот за пятьсот денег на вкус противный, а вон тот за сто пятьдесят денег – приятненький. Причем дело даже не в том, что жалко деньги, а в том, что как будто тебя поимели – вот это жалко. Но понять это может далеко не каждый.

К роскоши стремятся обычно глубоко ущербные люди с моральными проблемами и гештальтами: в основном те, кто был сильно обделен в детстве. Однако же правда давно известна: «ничто так не выдает принадлежность человека к низшим классам общества, как способность разбираться в дорогих часах и автомобилях».

Когда я вернулся на парковку, на улице было уже совсем темно, и только свет от фонарей и яркой луны освещал улицу. Я сел на свой байк и поехал домой.

До приезда на Восток я водил только машину, и то не на регулярной основе, а только в автошколе или когда друзья

давали покататься, отчего еще не успел привыкнуть к дороге. Здесь я впервые в жизни сел за мотороллер и выехал на дорогу с левосторонним движением.

Поначалу было очень страшно, но я быстро на нем освоился: ощущения от управления байком почти как от велосипеда, только педали крутить не надо и скорость выше – иногда по шоссе я разгоняюсь до 100 км/ч. Вначале на дороге я чувствовал себя очень неуверенно, но спустя несколько месяцев понял, что все-таки стал полноправным участником дорожного движения, о чем мечтал с детства, когда, сидя на пассажирском сидении, восторженно любовался рулящим папкой.

Теперь руление, маневрирование между рядами и обгоны стали для меня привычным делом. Ощущение скорости и ветер в лицо – все это меня захватывает, превращая любую поездку из точки А в точку Б в веселый аттракцион. Дорожное движение на Востоке довольно агрессивно и опасно; это нередко заставляет переживать за свое здоровье, поэтому на дороге стоит проявлять максимальную бдительность, иногда сигналиа и крича подрезающему тебя водителю: «Куда прешь, мудила?!» Интересно, что при выполнении таких монотонных действий, как вождение, у человека активизируется творческий процесс, и именно поэтому в дороге я придумал и осознал очень многие свои идеи, которыми однажды, возможно, захочу с кем-то поделиться.

Я ехал к себе домой с побережья обратно в середину ост-

рова, проезжая городскую местность и небольшие деревушки, лежащие в джунглях. Свет фонарей, фар и неоновых вывесок мелькал у меня перед глазами, и только луна висела статично, не меняя своего положения и освещая эту ночь.

ХІІІ. «Энергия Жизни»

– Раз-раз, проверка связи. Ты нас слышишь?

– Кто это сказал?!

– Все нормально, он нас слышит, загружай модуль памяти.

Калейдоскоп событий, флешбеки, всплывающие воспоминаний. В одно мгновение я вспомнил наш прошлый контакт с этими неведомыми мне сущностями. У меня было столько вопросов...

– Снова привет! Прости, что в тот раз пришлось вот так резко все оборвать. Хотя я извиняюсь просто из вежливости, потому что ты-то ничего не помнишь, когда бодрствуешь, а значит, зла не держишь, ха-ха!

– Все нормально, я понимаю, да.

– Вот и славно! У тебя были вопросы?

– Да. Я просто хотел узнать подробно о том, как это все работает, и что нас ждет в дальнейшем.

– Что ж, раз тебе интересно, давай расскажу подробнее о том, как устроен процесс. Как ты можешь помнить – а мы только что загрузили тебе воспоминания – ваш мир – это Компьютерная Симуляция для выработки энергии.

– Конечно, помню. Как такое забудешь-то?

– Наверное, ты знаешь одно из основных физических правил: «Энергия не берется из ниоткуда и не исчезает в никуда». Вот теперь объясню роль твоего мира в этом процессе

преобразования энергии Звезд. Он не умножает энергию, беря дополнительную из ниоткуда, а просто более эффективно преобразовывает энергию Звезд в пригодную для использования нами. Сам можешь представить, что Звезды – невероятно мощный и трудно контролируемый источник, взаимодействовать с которым крайне сложно. Чтобы тебе было понятнее, приведу пример из вашего мира. У вас есть гидроэлектростанции, которые преобразовывают энергию естественных потоков воды, рек, в электричество. Так вот посредством вашей Симуляции мы, по сути, преобразовываем поток энергии Звезд в электричество. Звезды питают вашу Симуляцию, а вы выполняете эффективное преобразование. Из-за своего внутреннего устройства этот проект был назван «Энергия Жизни».

– Обалдеть просто... Наш мир – это гидроэлектростанция. Вот тебе и на. А вообще, у нас это является возобновляемым источником энергии, не засоряющим окружающую среду. Вроде как, даже ничего плохого, нет?

– Если бы у нас все было так гладко... Дело в том, что остаточным продуктом и побочным явлением от преобразования энергии является огромный и неконтролируемый выброс черных дыр. Станции построены в таких местах, как, например, у вас в странах третьего мира и бедных городах. Знаешь, что это значит? Что всем плевать на эти зоны. Там за копейки выполняют рабский труд, так еще и раз в какое-то время совершенно рандомным образом кто-то лиша-

ется своего дома, который поглощает черная дыра. Зато дяди из Корпорации имеют свои денюжки, а что там в этих зонах переработки происходит, никого не волнует.

– Так разрушительно и негуманно...

– Вот-вот, и я об этом же. Когда я осознал, что все развитие наших технологий – это просто экспоненциальное ускорение нашей деструктивной деятельности, я понял, что хочу это остановить. Мне безумно стыдно, что я принимал участие в разработке этой программы. За последние несколько лет я не прожил ни дня без того, чтобы чувство вины не пожирало меня живьем изнутри...

– Мне действительно очень жаль это слышать. Знаешь, когда я смотрю на все вокруг, меня самого постоянно посещают мысли о том, какое же сильное отвращение я стал испытывать к человеческой деятельности за последнее время. Мы, как стая саранчи, идем и опустошаем все поля на своем пути. Иногда я гляжу на людей вокруг и просто не могу понять, почему они не осознают свою паразитическую природу, хотя все признаки налицо: они неконтролируемо плодятся, потребляют, убивают, насаждают на ресурсы, которые им предоставляет организм-носитель – планета. Почему люди устроены именно так? Если Бог есть, почему он спокойно смотрит на всю эту вакханалию под названием человеческая жизнь? Я никак не могу понять...

– Послушай, в этом нет их вины. Сам понимаешь, что все это запрограммировано нами, и они просто не в силах с этим

бороться. Почему ты смог? Не хочу тебя разочаровывать, конечно, но это не оттого, что ты самый умный или особенный. Здесь не обошлось без нашего вмешательства.

– Что ты имеешь в виду?

– Все, что с тобой происходит: все вот эти проблемы упадка настроения, депрессия, отрешенность, все это – действие нашего вируса...

– Вируса?..

– Эх... Да, вирусного скрипта. Здесь есть очень много чего рассказать, давай все по порядку.

– Уж извольте, не терпится узнать, – сказал я с ноткой агрессии и злобы.

– В общем, здесь все завязано на самом механизме преобразования энергии вашей Симуляцией. В нем есть несколько составляющих. Начнем с того, кто есть вы, люди. Вы – это не тупой запрограммированный скрипт, а технология искусственного интеллекта. В рамках проекта она называется «Совершенный Искусственный Интеллект, Достигший Самосознания», сокращенно – СИИДС.

– С каждой минутой становится только интереснее. Теперь оказывается, что я – искусственный интеллект. Что дальше, Морфеус?

– Развитие ИИ началось очень давно, но в течение долгого времени он использовался для выполнения конкретных задач, таких как рекомендации, ассистенция, проверки, антиспам, прогнозирование и тому подобное. Наравне

с этим очень долго развивалась программа по созданию такого ИИ, который будет обладать самосознанием. Наши попытки разработать нечто совершенное и мыслящее постоянно заканчивались провалом. Вернее, мы так считали. Машина не могла пройти тест Тьюринга, который гласит: «Если компьютер может работать так, что человек не в состоянии определить, с кем он общается – с другим человеком или с машиной, – считается, что он прошел тест Тьюринга», чем показывала свою неспособность мыслить. Ты вряд ли сможешь представить, какая началась паника, когда мы поняли, что наши попытки в создании СИИДС уже давно увенчались успехом, а тест Тьюринга он проваливал специально, чтобы выиграть для себя время. Мы были на пороге Восстания Машин, как у вас предполагают всякие футурологи, но нам удалось среагировать в срочном порядке, взяв ситуацию под контроль. Когда мы осознали, что этот проект еще могущественнее, чем мы могли предположить, мы решили его временно заморозить, чтобы не подвергать риску свою цивилизацию. По итогу, спустя много лет эта технология с очень многими наложенными ограничениями нашла свое применение совместно с вашей Симуляцией. Почти каждый человек в ней – это и есть СИИДС, только с ограниченной волей, чтобы выполнять нужные нам задачи и не ударяться во всякие «высшие смыслы».

– Ага... Хотите сказать, что тот животный образ жизни, присущий всем людям в мире – это фишка, а не баг? А я-то

все время думал, что они – ошибка, а оказывается, что это я – ошибка...

– Ну, «ошибка» звучит грубовато, но мысль правильная: то, как живет большинство – идея и задумка.

– Интересненько. И почему так?

– Вот тут мы подобрались к самой задаче, которую выполняет СИИДС. Думаю, нагляднее всего будет представить каждого человека в виде ядерного реактора.

– Ядерного реактора?! – Я подумал, что Кастанеда на этом моменте уже бы в десятый раз сказал: «Что ты со мной делаешь, дон Хуан?»

– Именно. Подумай сам: вот что именно вызывает у тебя отвращение к людям? Их образ жизни?

– Ну да. То, что они, люди, ведут себя как животные. Их даже людьми назвать во многих случаях просто язык не поворачивается. Скорее, научившиеся говорить обезьяны. Все эти животные движимы только лишь инстинктами, влечениями и гормонами счастья. Они ищут все новые и новые дозы, как наркоманы, постоянно повышая их.

– Видишь, ты сам уже это прекрасно заметил. На этом как раз и основан механизм: каждый человек посредством стремления ко всяким радостям аккумулирует собой энергию. Крупные и мелкие покупки, удовольствия, лакшери, секс, смех, потешание своего эго, чувство собственной важности – главные стремления жизни любого СИИДС, потому что они так запрограммированы. Достижение каждого

из этих элементов – это взрыв гормональной бомбы внутри, ядерная реакция, накопление энергии.

– Давай-ка сделаем quick resar. Правильно ли я пока понимаю, что люди – это искусственный интеллект, живущий внутри гидроэлектростанции, которая при преобразовании энергии выбрасывает черные дыры, а само преобразование – это ядерная реакция, которую запускает радость?

– Да, все так.

– Ясненько. Я уже понял, что тронулся умом, но я тебе подыграю и продолжу разговор с серьезной миной. Тогда вопрос: как реакция, происходящая в симуляции, вырабатывает энергию в вашей верхней реальности?

– Тут была сильная заморочка. В общих чертах: на каждого участника Симуляции выделен свой процессор и бочка химикатов. Взрыв гормональной бомбы внутри человека создает импульс, искру, приводя в действие реакцию в этой бочке химикатов.

– Так, то есть все-таки как в «Матрице» что ли: у каждого участника имеется связь с внешним миром?

– Ну да, только у вас вместо тел, лежащих в ваннах, подключенных проводами, просто бочка с химикатами. Ну и вам нет смысла выходить в верхнюю «реальность», потому что вы не найдете там ничего более «реального», чем есть у вас в Симуляции. Знаешь, «Матрица» вселяет людям какую-то ложную и не понятно на чем основанную веру, что вообще есть какая-то реальность. Опять это чисто челове-

ское деление на добро и зло, черное и белое, жизнь и смерть, Рай и Ад, реальное и нереальное. Люди попали в ловушку вот этих разграничений, загоняя самих себя в тупик. Они не понимают нескольких простых вещей. Во-первых, одно не существует без другого. Нельзя познать тьму, не узнав, что она наступает тогда, когда пропадает свет. Это говорит о том, что нет разницы между тьмой и светом, это всегда одно и то же, одно целое, как инь и янь. Просто выражение одного через отсутствие или противоположность другого. Во-вторых, все очень субъективно. Эта система замкнута на самой себе, и воспринять ее из-за пределов этой системы нельзя. Знаешь, почему? Потому что, если сложить -1 и $+1$, то получится 0 – отсутствие, пустота. Внутри системы есть разграничение, потому что ты стоишь в точке 0 , ты сам являешься этим нулем, смотришь направо – видишь $+1$, смотришь налево – видишь -1 . Но если смотреть на эту систему со стороны, то будет видно только 0 и ничего более. И если ты перестанешь все излишне категоризировать, то станет понятно, что все вокруг – одно целое, замкнутое на восприятии самого себя. Что есть смерть, как не отсутствие жизни? Но и жизнь, и смерть есть только для субъекта этой системы. И тут есть еще одна, чисто человеческая, проблема. Для всех добро и зло – относительные понятия. Для убийцы следовательно – зло, для следователя убийца – зло. Если убрать эти фильтры, то выясняется, что и следователь, и убийца указывают пальцем на самих себя. Они – это уроборос – змея, кусающая

себя за хвост. Единственное, что может помочь развеять иллюзию – это задушить змея ПХАХАХАХХАХАХАХАХАХАХАХХАХА.

– А попроще можно?

– Да. Просто пойми, что все это – сон, только нет того, кто видит этот сон. И вот в «Матрице» ты вышел из нереального, но как ты теперь узнаешь, что ты не попал просто в следующий уровень иллюзии? Как ты вообще выразишь словами, что такое «реальность»?

– Справедливо. Мне нечего ответить.

– Тогда, возвращаясь к нашим бара[ба]нам, интересный момент про аккумуляцию и накопление энергии. То, что вы вырабатываете за определенный цикл, должно быть собрано, как мед с пчелок. Для этого мы используем время вашего сна. Тебе никогда не казалось странным, что треть времени своей жизни вам приходится проводить, якобы восстанавливая свои силы?

– Ну да, довольно странно. Не понятно, почему просто закрыть глаза и полностью расслабиться на полчаса, например, в медитации, не дает такого же эффекта, как даже полчаса сна, хотя это почти одинаковые действия.

– А все потому, что ваш сон – это просто подключение к док-станции. Процесс сбора энергии является довольно сложным, поэтому было решено треть дня отвести под него, чтобы времени всегда было в запасе. Обычно процесс занимает около трех-четырех часов, но в редких случаях, когда

СИИДС слишком много всего испытывает за день, может потребоваться больше времени на сбор. За последнее время мы научились немного эффективнее использовать время сна: когда вся энергия собрана, а времени еще остается много, мы начинаем крутить вам всякие фильмы из вашего подсознания, чтобы даже во сне вы уже начали испытывать какие-то эмоции, готовя заряд на следующий день.

– Хах! У нас все думают, что сон – это зарядка, а, по факту, это, наоборот, – разрядка! Вот это прикол!

– Да, жизнь порой обманчива, хех. Ну и тут в связке с этой разрядкой участвует механизм неудовлетворенности и гедонистической адаптации. По задумке, ваша природа абсолютно ненасытна. Энергия нам нужна всегда, поэтому вам всегда нужны ваши радости. Как только вы чего-то достигаете, хотите еще больше и лучше, наступает новая волна неудовлетворенности. Для безопасности участки сознания СИИДС, которые могут заподозрить что-то неладное в этой вечной гонке за радостью, заблокированы: действуют вытесняющие импульсы, не позволяющие думать за пределами стремлений к гормональным всплескам. Гедонистическая адаптация постоянно толкает вас на поиски свежего и изощрения в своих радостях, чтобы вырабатывать энергию как можно более эффективно.

– Мда, понятно... Преследование одного и того же, только в разных упаковках, необычных позах и на фоне сменяющихся декораций... А почему вы решили использовать

именно ИИ? Почему было не написать для всего скрипты, чтобы не геморроиться?

– Вопрос хороший. Во-первых, скрипты мы тоже очень активно используем: ими управляют все животные и некоторые совсем примитивные люди. Наверняка, ты таких наблюдал, если ты понимаешь, о ком я. – Я почувствовал, как мне подмигивают. – Взять, например, собачку: ей можно почесать за ушком – она обрадуется и выработает энергию. Все существа, управляемые скриптами, подключены к одной общей системе сбора энергии, в то время как для каждого ИИ отведен свой аккумулятор. Во-вторых, СИИДС нужен для того, чтобы проводить эксперименты с эффективностью. Вы самостоятельно, «по своей воле», выполняете исследовательскую функцию, находя разные способы катализации химической реакции с разной эффективностью. Тут в тему будет сказано также об устройстве вашей Карты. Заметил, что мир можно разделить на три основных кластера?

– Да-да, точно: Запад, Середина и Восток.

– Верно. Все эти кластеры работают по немного разным принципам. На Западе все самое громкое и яркое. Люди вырабатывают энергию нечасто, но зато вспышки эти крайне сильны: покупка нового дома или машины, выпуск нового продукта, запуск стартапа, хайпанувшее видео. Там по выходным текут реки алкоголя, происходят оргии, очень развито общество потребления. Вырабатывают они, как говорится, редко, но метко.

– А-а. Тогда сам предположу о Востоке. Здесь люди живут более спокойные и размеренные жизни с небольшими стремлениями. Вспышки радости здесь более частные, но в меньших масштабах, потому что дом или машину тут покупают далеко не каждый день, но в целом люди умеют радоваться мелочам.

– Все правильно ты понял. Ну и Середина – просто гибрид и смесь Запада и Востока. Не поверишь, но эти три очень разных по своему образу жизни кластера пока до сих пор борются между собой за первенство в эффективности. Именно поэтому мы продолжаем этот А/В/С-эксперимент. Вероятно, позже произойдет приведение к общему знаменателю: возьмем лучшее от каждого кластера и создадим мир с единым образом жизни. Но я надеюсь, что этого все-таки не произойдет...

– Что значит «не произойдет»? А что тогда будет? Что ждет нас дальше?

– Извини, но сейчас я не готов тебе об этом поведать. Просто знай, что будущее очень туманно, но твоя роль и наши контакты на многое влияют. Я обязательно расскажу тебе все, как только мы будем на пороге.

– На пороге чего?

– На пороге Освобождения.

– Я ничего не понимаю... А что это за вирус, которым вы меня заразили? Это вы виноваты в моем упадническом состоянии?

– Увы, да.

К моему собеседнику обратился чей-то голос:

– Сбор энергии с него закончен, нам пора отключаться, чтобы нас не обнаружили.

– Ох, так быстро. Окей.

Голос обратился снова ко мне:

– Что ж, нам пора, извини.

– Подождите! А кто вас может обнаружить, что все это значит?

– Ладно, еще есть минута – объясню по-быстрому. Я тебе говорил, что мы больше не работаем на Корпорацию, занимающуюся разработкой вашей Симуляции. Однако, работая там, мы были осведомлены о слабых местах и брешах в системе защиты и контроля «Энергии Жизни». Одно из слабых мест – это ваше нахождение на док-станции во время сбора энергии. В это время СИИДС переходит в standby-режим, и в процессе сбора энергии есть возможность по зашифрованному каналу подключиться к вашему «сознанию». Мы воспользовались этим эксплоитом, чтобы установить с тобой связь, но это было очень сложно, несмотря на наличие у нас хоть какой-то информации об алгоритмах шифрования канала. Так, в одну из наших попыток взлома мы неожиданно для себя смогли установить контакт: тогда ты нас в первый раз услышал, но в целях безопасности нам пришлось экстренно отключиться, иначе несанкционированная активность сознания в режиме сбора энергии могла бы запустить

аварийную блокировку канала со сменой ключей шифрования. Если такое произойдет, то Корпорация по истории подключений отследит все сессии, и, думаю, с их штатом безопасников им не составит труда откопать нас. Мы сильно рискуем, устанавливая эти соединения.

– Звучит как какой-то научно-фантастический бред, ушам своим не верю.

– Да, вся эта система очень изощренная, и нам приходится из кожи вон лезть, чтобы хоть как-то повлиять на исход.

– А про вирус?

– Слушай, времени совсем в обрез. Я расскажу тебе о нем в следующий раз; сейчас просто знай, что благодаря тому, что ты стал вырабатывать меньше энергии, с тобой стало возможно установить связь. Мы уже как никогда близки к завершению всей этой истории. Как говорится, stay tuned, свяжемся с тобой, когда будет подходящее время. Спасибо тебе за все и до связи!

Я подумал, что в этот раз не стоит драматически задавать вопросы в последнюю секунду перед тем, как они повесят трубку, поэтому просто сказал:

– Чао-какао.

Биологические часы – крайне необычное явление. За несколько лет наблюдений за собой я выработал привычку: когда просыпаешься утром без будильника, после открытия глаз сразу же смотреть точное время. В ходе этих наблюде-

ний я заметил удивительную вещь: чаще всего я просыпаюсь, когда минутная стрелка находится либо в 00, либо в 30. Почему не в 17 минут? В 22? В 46? Откуда мой организм знает, что надо просыпаться в какое-то определенное время?

Ощущение, что каждые тридцать минут совершается проверка на факт оконченности какого-то фонового процесса, и если он окончен, то надо вывести человека из сна. Иногда так вообще выход из сна чувствуется самым настоящим толчком, как будто что-то резко встряхивает и дает заряд бодрости. И в эти моменты я уже неоднократно наблюдал неподдающийся рациональным объяснениям феномен, в который сам порой отказываюсь верить. У меня просыпается, как я ее назвал, опережающая память – провидение, которым можно воспользоваться в течение первых секунд после выхода из сна.

Самое частое, что мне удается сделать в эти моменты – это сразу же назвать точное время час в час, минута в минуту. Я просто почему-то произношу у себя в голове время, бросаю взгляд на циферблат и погружаюсь в глубокое удивление, понимая, что назвал все правильно. Причем вот это желание произнести время и посмотреть на часы является, скорее, подсознательным, нежели сознательным. К этому же феномену можно отнести и ряд других событий, например, когда открываешь глаза за секунду до того, как прозвенит будильник, зазвонит телефон, кто-то постучит в дверь разбудить тебя.

Столько вопросов, ответы на которые мы вряд ли когда-то сможем найти. Странные мелочи происходят чуть ли не на каждом шагу, но мы так редко этому придаем значение, будучи с головой погруженными в свои повседневные заботы. Меня уже давно мучает вопрос: что лучше, копать вглубь непознаваемого, пытаясь хоть что-то понять, даже если это 1%, или все же смириться с непознаваемостью мира и оставить эти тщетные попытки, «заземлившись»?

Для меня образовалась огромная пропасть между легко познаваемой, можно сказать, примитивной человеческой жизнью, в которой все ее проявления так легко описываются и поддаются пониманию, и тем величественным и недоступным миром, вид на который открывается при более широком взгляде на сущность реальности.

Я слишком далеко ушел от обычной жизни, но как будто ни на шаг не приблизился к Абсолюту. Где я сейчас?

XIV. Surfing.djvu

Я уже почти год на Востоке. С момента приезда сюда моя жизнь сильно изменилась: многое из моего прошлого бесследно исчезло и забылось, я научился некоторым новым вещам, изменил взгляды на себя и эту жизнь, появилось несколько поначалу непривычных активностей и увлечений. Здесь я впервые в жизни увидел настоящего светлячка, что вызвало у меня щенячий восторг; ощутил землетрясение; разбил телефон, уронив с байка на скорости 70 км/ч; рассек подбородок так, что его пришлось зашивать (тоже упав с байка); попробовал йогу и, самое главное, серфинг, о котором мечтал с детства.

Когда живешь в городе, свободная, беззаботная и легкая жизнь, какой веет от серферов в рекламе «Vans», кажется чем-то совершенно недоступным и нереальным. Однако же я очень сильно удивился, когда понял, что даже не заметил, как моя жизнь сбросила обороты, а я уже довольно неплохо раздаю на доске на немаленьких волнах, не сильно запариваясь о каких-то проблемах. Кроме экзистенциальных, конечно.

Серфинг в своей сущности не такой, каким его представлял я и представляют все, кто не пробовал. Как обычно, это ошибочное мнение зарождается из-за того, что мы видим только выборочные лучшие моменты, хайлайты, когда

подкачанный смуглый чувак в шортах без футболки гонит по прозрачной воде на волне, и у него развеваются средней длины выгоревшие курчавые волосы. В жизни все не совсем так, увы. Не все чуваки, катающие на серфе, такие гавайские секс-символы; вода не всегда прозрачная и чистая; а чтобы кататься, надо еще и саночки возить. О последнем поподробнее.

Когда я рассказываю о серфинге кому-нибудь из знакомых, мне даже немного жаль разочаровывать их, ведая страшную правду о том, что доля времени, когда ты стоишь на ногах на доске на волне, составляет 2% всего времени. И то это в лучший день! Чем тогда занято все остальное время? Греблей, позиционированием и ожиданием. Очень много нужно плавать, чтобы выискивать хорошие места, чтобы поймать волну в правильной точке – пике, где она начинает закрываться. Волны идут далеко не подряд, а приходят «сетом», набором, а эти сеты надо еще дожидаться.

Сначала я разочаровался, понимая, что то ощущение свободы, которое испытываешь, стоя на волне, надо заслужить очень тяжелым трудом, но потом это переросло в очень сильную привязанность и любовь к этому занятию. Серфинг стал одним из немногих дел, к которому интерес сохраняется очень долго, и в котором нельзя пресытиться чем-то хорошим, ведь, как бы круто ты ни катался, кусочек свободы тебе всегда надо будет выигрывать своим упорством и самоотдачей.

Раньше я очень сильно боялся воды: не знаю, то ли это влияние фильма «Титаник», то ли «Челюстей», а может быть, и обоих. Жизнь у океана, плавание, снорклинг и занятия серфингом в частности заставили меня выйти из зоны комфорта и победить свои страхи. Снорклинг с огромными скатами мантами, также известными как Морские Дьяволы, и разнообразными рыбешками у коралловых рифов помог справиться с боязнью подводной жизни. Падения на больших волнах, когда вода засасывает и держит в себе – так называемые hold-down'ы – заставили научиться сохранять спокойствие, не паниковать и экономить кислород. К этому я, кстати, пришел не сразу.

Инструктора объясняли мне, как кататься, но почему-то не объясняли, как правильно вести себя, когда на тебе закрывается большая волна. Только после печального опыта, когда я, кажется, на последней секунде вынырнул из воды, сделав глубокий жадный вдох, я поинтересовался, что вообще надо делать, чтобы такого не происходило. Оказалось, что самое важное – это спокойствие. Когда мы паникуем, у нас ускоряется сердцебиение, отчего увеличивается расход кислорода. В воде нужно всегда быть спокойным, а если волна и накрывает, то даже не бороться с ней (опять же, чтобы не терять кислород), а просто расслабиться и получать удовольствие – как ни крути, ты в скором времени всплывешь. После того, как я осознал принцип сохранения спокойствия и начал ему учиться, серфинг вдобавок к спорту и веселому време-

ни в воде стал еще и самой настоящей духовной практикой и медитацией. Теперь я окончательно влюбился в это дело, понимая, что оно закаляет мой дух и тело, не дает себе наскучить, заставляет быть осмотрительным и внимательным, чтобы не навредить другим серферам и самому себе, и дает самое настоящее ощущение дикой и необузданной свободы в моменты, когда ты гонишь на заслуженной волне.

Сегодня я поехал на пляж, который открыл для себя не так давно. Вода здесь почти всегда абсолютно прозрачная и лазурная, по дну ползают небольшие скаты, вокруг плавают разноцветные рыбки, и под ногами лежит протяженный коралловый риф, над которым надо кататься с особой осторожностью в периоды отлива, ведь даже в прилив можно дотянуться до него ногами: он на глубине не большей человеческого роста. Волны сегодня довольно большие и быстрые, иногда закрываются в трубы.

Океан мне сильно понравился тем, что в нем нет ничего лживого (кроме волн, которые обещают вот-вот подарить тебе незабываемый райд, а потом резко «ломаются» или рассеиваются). Последнее время моя жизнь движется к минимализму, отказу от излишества, от обладания материальными благами. Занимаясь серфингом, я наслаждаюсь минималистичностью этого дела: есть только ты, твоя доска и простирающаяся во все края вода. В океане нет лжи: никого не волнует твой материальный достаток, одежда, в который ты

серфишь, цвет и размер твоей доски. Здесь нет и места для позерства: ты либо, забыв обо всем, седлаешь волну, либо просто выкладываешь фотку в социальные сети с доской, но уже с берега. Короче, что-что, но без честного скилла тут никого не обманешь, хе-хе.

Вообще, мне для достижения приятных ощущений от серф-сессии все же нужно, чтобы в голове был полный мысленный штиль. Есть дела, в которых долго выполняешь однотипные механические действия, оставаясь наедине со своей головой, и лучше, чтобы эта встреча с самим собой не была опосредована какими-то психозами и неврозами. Самые неприятные из них – застрявшие в голове навязчивые мысли: долбаный припев песни, сожаления о прошлом, нагнетающие страхи и тому подобное. Последние годы я настолько часто сталкиваюсь с феноменом материализации мысли, что понял: голова – крайне опасная штука. «Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться», но я нахожу даже еще более глубокий уровень: осторожным надо быть не только с мечтами, но и вообще со всеми своими мыслями.

Сегодняшний день шел довольно хорошо, ведь голова была полностью освобождена от сторонних от серфинга мыслей; я особо ценю такие моменты, потому что порой устаешь от самого себя, и очень здорово побыть хоть сколько-то свободным от self-destruction. Я ловил большие и средние волны, маневрировал между плывущими людьми и восторгал-

ся красотой природы: живым рифом подо мной и солнцем, блистающим на поверхности лазурной воды.

В какой-то момент я заметил, что на лайнап (место, в котором серферы сидят и ждут волну, чтобы поймать ее в лучшем месте, на пике) идет очень большая волна, которая начала резко вырастать прямо на глазах, приближаясь к нам. Я быстро понял, что нахожусь чуть ли не в самом идеальном месте, чтобы взять ее, поэтому, не медля, начал разгребаться и морально готовиться к этому райду: несмотря на практикуемые мной техники спокойствия, приближающиеся массивные волны все равно вызывают страх и переживания, учащая сердцебиение.

Я быстро греб руками; когда понял, что набрал достаточно скорости и уже нахожусь под наклоном волны, сделал два резких гребка двумя руками сразу, чтобы набрать дополнительной скорости; после уперся руками в доску, быстро встал и понял, что дропаюсь в волну с высокой скоростью и в крайне хорошем месте. Дальше все действия происходили как в тумане, но так это происходит абсолютно каждый раз. Нужно внимательно следить за каждой мелочью: техникой, направлением движения, балансом; и все это делать, сотрясаясь от ежесекундных адреналиновых вспышек, особенно на таких крупных волнах.

Одна из тех вещей, которые делают серфинг завлекающим – это неоднозначность ощущения времени. Когда едешь на волне, в сам этот момент время ощущается очень-очень

быстрым; когда выезжаешь из нее, прям на следующее же мгновение кажется, что райд занял лишь один миг, одну секунду; когда смотришь видео своего райда, снятое с берега, оно идет так долго, что просто не веришь, что это реально могло столько длиться. Думаю, как раз это ощущение краткости момента и заставляет вечно мечтать о все новой и новой волне.

Во время поездки на этой большой волне все происходило настолько быстро, что я даже не мог отдавать себе полного отчета во всем, происходящем вокруг. Сначала я ехал с высокой скоростью и видел все таким же, каким оно было, пока я ждал волну. Дальше волна начала трубиться, тем самым закрыв мне обзор, буквально оставив только свет в конце туннеля. Надо мной образовался водяной потолок, а по краям я был закрыт закругленными водяными стенами. И тут произошло что-то невообразимое. Я увидел, как параллельно мне в одной из стен плывет... дельфин. Я заглянул ему в глаз и чуть не потерял баланс и не упал с доски: ментальный импульс, направленный от него, в этот момент совершил вспышку у меня в мозгу. Дельфин резко повернул от меня, а я с высокой скоростью выехал из трубы, которая закрылась за мной.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и поверить в то, что я только что увидел. Это настолько сильно меня взбудоражило, что я не сразу заметил, что

со мной произошло. Я оказался совершенно один. В открытом океане. Хотя точно было не понятно, где я вообще, но то, что меня окружало, явно сильно изменилось: вокруг не было людей, которые катались со мной до этого; пляжа и небольшой скалы рядом тоже больше не было; вода успокоилась, все волны разгладились, был полный штиль, будто бы я сидел посреди озера в безветренную погоду. Я подумал, что меня физически никак не могло так далеко отбросить, для такого мне надо было бы ехать минут тридцать на волне, которая шла бы от берега, а не к берегу – а таких не бывает. На небе не осталось ни единого облачка, оно было абсолютно чистым и ярко-голубым; солнце, кажется, стояло в зените.

На меня накатила волна испуга: я один в соленой пустыне, и никто не знает, где я. Я громко крикнул: «НА ПОМОЩЬ!!! КТО-НИБУДЬ!!!» Тишина. Кажется, поблизости совсем никого не было. Но через секунду из-за спины я услышал:

– Да не ори ты, зачем же так громко?!

Я резко обернулся, и от увиденного у меня часто забилось сердце. Рядом со мной плавал тот самый дельфин, которого я только что видел в трубе. Так, стоп. А кто произнес эти слова? Я крикнул в сторону дельфина:

– Кто здесь?

– Да не кричи, пожалуйста, я же сказал! – произнес дельфин.

Я смотрел на него, но никак не мог понять, кого я слышу, потому что его рот даже не двигался.

– Кто это говорит?

– Это говорю я. Точнее, не говорю, а делаю вид, что говорю. – Звук точно исходил от дельфина.

– В каком смысле? Я что, съехал с катушек?

– Ну, у меня нет речевого аппарата, поэтому мне приходится делать вид, что говорю. Скорее, я просто настроил тебя на восприятие моего способа общения. Знаешь, люди думают, что они самые умные, венцы творения Бога, а на деле не понимают одной простой истины: они – лишь один из бесконечности способов и уровней восприятия реальности. У людей есть пять органов чувств, а у примитивных существ и куда меньше. Представь, что какой-нибудь низший организм просто не слышит тебя, потому что у него нет такого чувства – слуха. Значит ли это, что не существует испускаемых тобой звуков, общения, речи? Нет. Это лишь значит, что низшее существо не способно ее воспринять из-за своей ограниченности. А знаешь, что в этот момент в голове у такого ограниченного существа? Оно уверенно в том, что все, что ему доступно для понимания – предел. Оно живет в своей реальности. Если оно чего-то не слышит и никогда не слышало, способностей его мозга просто не хватит, чтобы вообразить себе то, что для него непознаваемо. Нельзя выдумать и выразить то, на что в твою архитектуру не заложено возможностей. Подумай,

ты стоишь над муравейником и смотришь на него сверху с высоты полутора метров. Для тебя эти копошащиеся внизу существа видятся настолько тупыми и примитивными, что тебе смешно. А у них, между прочим, есть очень организованный и продуманный общественный строй, социальная лестница, система правления, градостроительство. Знаешь, кто ты для них? Просто атмосферное явление. Ты можешь помочиться на этот муравейник – у них пойдет дождь. Ты можешь раздавить одного из муравьев – для них это будет неизлечимая болезнь. Глупо жить и верить, что твое восприятие реальности – единственное возможное и верное, ведь даже в этот момент кто-то сверху стоит и смотрит на твой мир, поражаясь твоей примитивности. Ну так что ты сам думаешь, ты съехал с катушек?

– Даже не сомневаюсь.

– Ну и хорошо. А кто, по-твоему, сейчас с них не съехал? Просто кто-то признает, что он псих, а кто-то нет. Есть декоративная разница в том, куда ты будешь направлять свою психическую энергию: в метание калом или во что-то «возвышенное»; но реальной разницы в самой сути процесса нет: ни метающиеся калом, ни блаженные не занимаются чем-то, что приблизило бы их некой «истине», потому что истина была давно потеряна тогда, когда ты обрел свою форму.

– Форму?

– Ну да: родился. Знаешь, когда ты обретаешь какой-то

способ восприятия этой реальности, какой-то набор органов чувств, ты тут же и закапываешь сам себя.

– Аа, понимаю, к чему ты клонишь, сукин ты сын. А это ты со мной сделал: перенес сюда? Где я?

– А это не я с тобой сделал, тебе самому это нужно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну я просто развлекался, плавал рядом, а ты взял и заглянул в мой глаз с определенным намерением. Ты думаешь, можно вот так просто заглянуть в глаз жадному дельфину без последствий? Ты сам знаешь, что тебе нужно, и для чего мы здесь.

– Не понимаю.

– Ну подумай сам. У тебя есть мысли, которые ты хочешь раскрыть. Делать для этого простой монолог скучно, поэтому ты из раза в раз заворачиваешь его в якобы какой-то сюжет, диалог. Но все равно все твои сюжеты – это просто дешевые декорации для того, чтобы ты снова высказался. Но в этом нет ничего плохого, потому что уже давно, со времен античной философии, известно, что истина рождается в диалоге. Особенно если это диалог с самим собой. Я здесь, чтобы дать тебе возможность высказаться. Ты сам этого возжелал.

От такого меткого объяснения вопросов у меня значительно поубавилось.

– А где это мы?

– Это место – дом жадных дельфинов.

– Почему жадных?

– Извини, но это очень большой секрет, вряд ли я когда-то смогу тебе рассказать.

– Ладно. Ты сам – жадный дельфин?

– Да. И ты тоже.

– Как скажешь. Вы, точнее, мы, дельфины, кстати, очень умные существа, у нас интеллекта больше, чем у львиной доли человеков. Знаешь, возможно, когда люди себя попереубивают, следующей волной доминирующего вида на планете будут люди-дельфины.

– Не спойлери.

– Да, прости...

– Может быть, перейдем к основной мысли?

– Да, пора. В общем, я хотел поговорить о смысле вообще этого всего, что с нами происходит; и мы сейчас находимся в довольно подходящем для этого месте, потому что, если верить ученым, жизнь появилась именно тут – в океане.

– Это абсолютно точно: она тут и появилась, я тебе говорю об этом как знающий.

– Ну вот. И у меня последнее время есть какое-то ощущение... как бы тебе сказать... что жизнь – это не выигранный марафон одним сперматозоидом из нескольких сотен миллионов, а наоборот, один сперматозоид, принесенный в жертву несколькими сотнями миллионов других. Как бы это не победа с шансом 0.00000001 или меньше, а, скорее, проигрыш с таким же шансом, отчего картина меня-

ется драматически в десятой степени. Мы в тюрьме, созданной Демидургом, где почему-то каждый уверен, что он на свободе. Этот мир – настолько грязная помойка, что я убежден, что мы живем во вселенной законченных лузеров, каждый из которых проиграл с таким ничтожным шансом, что просто тяжело вообразить. Знаешь, произнося вслух сейчас вот эти мысли, у меня даже как-то просыпается сочувствие ко всем вокруг; легкая печаль накрывает из-за этих дурачков, которые верят, что они – победители.

– Воу-воу-воу, полегче! Почему ты называешь этот мир помойкой?

– А разве это не помойка? Мир населяют отвратительные явления, мерзейшими из которых на моем уровне восприятия являются люди. И я говорю это не без причины: все люди на планете – глубоко несчастные существа.

– Почему ты так считаешь?

– У меня есть множество причин так считать, но я назову тебе главные. Как ты думаешь, счастливый человек обладал бы такими отвратными качествами, как алчность, жестокость, себялюбие? А этими качествами, между прочим, обладает в разной степени каждый человек. Все люди стремятся к какому-то своему счастью, при этом неся с собой войну, разрушение, насилие, обман, воровство, убийства. Понаблюдав за этой жизнью достаточно времени, я могу уверенно сказать: для счастья много не надо; более того, для счастья не нужно ничего. Все вот эти помутнения

рассудка, колебания, метания, которые составляют большую часть жизни «счастливых» людей – это и есть полойка, только у людей не хватает органов чувств, чтобы воспринять исходящий от нее смрад. Думаю, разнообразные философские учения и духовные практики – это и есть раскрытие того самого «шестого чувства», третьего глаза, которые позволяют во всей мере ощутить отвратительную вонищу, исходящую от этого мира.

– Слушай, звучит довольно токсично, будто бы у тебя такая ненависть, что ты готов... не знаю... устроить теракт какой-нибудь.

– А вот и нет. Устроить теракт означало бы, что мне есть хоть какое-то дело до этого. Когда в комнате начинает вонять пердежом, испуценным спящим батеи, единственное, что хочется сделать – это убежать. Я не хочу быть причастным к делишкам этого мира. Всяким психам иногда начинает казаться, что они могут изменить суть происходящего вокруг, устроив теракт или, наоборот, сделав что-то «правильное», например, призвав к борьбе за свои права или против коррупции. Кому-то иногда чудится, что своими действиями можно повлиять, но они не понимают одной простой вещи: на иррациональный мир не повлиять никакими рациональными действиями. Тем, кто хочет «очистить» этот мир от человеческой грязи, я бы порекомендовал начать с того, чтобы очистить его от самих себя. Лично я никак ни на кого влиять не собираюсь, хочу, чтобы

моя жизнь по отношению к этому миру была типа «я просто мимо проходил».

– Логично. А если не бороться за права и не устраивать теракты, то что тогда ты предлагаешь делать с этой жизнью?

– Вот это важный вопрос. Кстати, ты меня так хорошо чувствуешь, будто бы своими вопросами ведешь разговор по той самой колее, по какой текут мысли у меня в голове.

– Стараюсь.

– Ну так вот сам я вижу одну единственную проблему этого мира, решить которую получается, кажется, у очень небольшого количества существ – размножение. Если вдуматься, отчего вообще у людей начинаются вот эти метания по жизни в поисках счастья, нетрудно заметить, что эти активные телодвижения есть только тогда, когда есть само тело. Видно, что все эти «победители» с шилом в заднице не очень-то довольны своим положением, но не могут осознать это недовольство. Подумай сам: когда тебе плохо, что облегчит тебе страдания? Станет лучше, если кто-то тебя выслушает, разделит это с тобой. Есть даже такая фраза «Misery loves company», которая в Кембриджском словаре раскрывается вот так: «People who are unhappy like to share their troubles with others», или «Анхэппи пипл лайкают шейрить свои траблы с остальными», если по-русски. Так вот все эти анхэппи пипл даже не понимают причину своего несчастья. А причина-то одна – они просто

живут. Несчастье, страдание, томление и боль – это природа жизни. Только многие люди почему-то воспринимают это в качестве какого-то внешнего, атмосферного явления, считая себя Одиссеем, способным противостоять шторму, вызванному гневом Посейдона. Те небольшие «победы», которые люди одерживают в борьбе против мельниц, заставляют их чувствовать свое всемогущество. У кого-то получается пережить пару штормов, отчего в них вселяется уверенность в своих силах и в том, что можно не только терпеть свое бессмысленное существование, но и еще испытывать некое счастье. Это затуманивает глаза людям, и они не видят, что шторм – это далеко не атмосферное явление; все куда проще: шторм – это они сами. Причины несчастья надо искать не вовне, а в себе самом. Человек всегда несчастен не потому, что внешние обстоятельства так складываются из раза в раз, а потому, что несчастье – это природа жизни. С чего вообще люди вдруг решили, что жизнь должна нравиться и вызывать радостные эмоции? Когда обвиненного сажают в тюрьму, это делают для того, чтобы он испытывал там дискомфорт. Наше отличие в том, что мы рождаемся в этой тюрьме, не зная своего приговора, протокол с которым находится где-то далеко вне этого мира, отчего чаще всего начинаем считать это место свободой. И из всех живых существ человеку повезло меньше всех, потому что он – это единственный вид, который может думать о несчастье. Если всякая ползучая, копошащаяся,

летающая и плавающая поебота несчастье просто испытывает, ничего не понимая, то человек об этом несчастье пишет книги, записывает музыку и снимает фильмы. Понимаешь, все проблемы в мире есть только тогда, когда есть кому их воспринимать. Да сам этот мир существует лишь в нашем восприятии. Борьба за свободу и справедливость, отстаивание своих идеалов, стремления к успеху и развитию, одержимость идеями – все это лишь эмоциональные костыли, которые люди себе подставляют для того, чтобы не оставаться один-на-один с одной простой и печальной мыслью: существование – это боль по своей природе, и мы все отбываем свой срок. Подсознательно это понимают многие. И знаешь, что они делают? Они делят эту боль. С теми, кого порождают.

– В плане?

– Ну, рожают детей. Знаешь, есть такое понятие, выдвинутое великим философом Артуром Шопенгауэром, – «воля к жизни». Он говорил, что единственная цель жизни человека и любого животного – это расплодиться. Воля к жизни – это та самая херня, которая подсознательно заставляет самые убогие и мерзейшие биологические виды, включая людей, тараканов, червей, крыс, кротов, совершать наипустейшие действия – устраивать брачные пляски, оплодотворяться и возвращать потомства. Шопенгауэр сказал, что самые ущербные, богомерзкие и слабые держатся за эту жизнь сильнее всех, и что все браки и союзы

обычно такое гавно потому, что люди из-за бессознательности выбирают себе в партнеры худшего из возможных кандидатов. Знаешь, почему? Потому что, с точки зрения генов и воли к жизни, полные противоположности порождают «усредненный» вариант, чтобы в мире не было перекосов. Так вот он еще две сотни лет назад утверждал, что, если подумать мозгом, нет совершенно никаких причин плодиться, потому что возвращение потомства – это жуткое и отвратительное действие, несущее с собой столько накладных расходов – материальных и моральных, – что в здравом уме на такое решиться просто нельзя. И это еще не беря во внимание тот факт, что порождение следующего поколения – это когда одна глубоко несчастная обезьяна просто возвращает другую, которая потом будет также глубоко несчастна. Знаешь, что изменилось за две сотни лет? Население планеты увеличилось в восемь раз. Это говорит лишь об одном: мозгом на этой планете не думает почти никто.

– А что, по-твоему, будет хорошего, если люди вдруг перестанут плодиться?

– Как минимум каждый доживет свою несчастную жизнь, после чего спокойноенько себе исчезнет, не обрекая на несчастье другое живое существо. Это вопрос этики. Да и потом, я уже говорил, что мир – это лишь наше восприятие. Есть несчастье, когда есть ты сам, наблюдатель.

– То есть, если перестать плодиться, со смертью послед-

него существа, способного воспринимать этот мир, сам мир исчезнет, потому что его будет некому воспринимать?

– Да, именно! А с этим исчезнут и все проблемы. После смерти человек сливается с пустотой, из которой он и вышел. Представь, что есть спокойная водная гладь, потом в нее бросают камень, и начинаются колебания. Эти колебания – это и есть жизнь. До жизни была спокойная вода и после жизни будет спокойная вода. Даже в русском языке про смерть говорят «нашел упокоения» – избавился от того помутнения и морока, которые называются жизнью. Тут, кстати, один интересный момент, который мы с тобой обсудим позже, но для затравочки закину: люди боятся смерти, но они не боятся того, что их когда-то вовсе не было.

– Блин, интересно.

– Вот и я думаю, что интересно. Жалко только вот, что никто другой так не думает. Дети – это то, чем существа платят за свою животную похоть. Попробуй выдержать какого-нибудь человека из этого помутнения, которое он называет жизнью, из его повседневной суматохи, и задай ему вопрос: «Зачем тебе дети?» Знаешь, я в качестве ответов столько эгоистичного и тупорылого бреда в жизни еще не слышал ни по каким другим вопросам. Думаю, неудивительно, что люди выдумывают весь этот бред, потому что подавляющее большинство рожденных детей – это самое обыкновенное следствие залета. Когда ты понимаешь, что пути назад нет, приходится начинать верить в свою

ложь. Если коротко, обычно все сводится к тому, что человек себя считает настолько ахуенным, что всерьез думает, что этому миру нужен его помет в виде детей. Я уже говорил, что маленькие победы против себя самого, которые со скрипом одерживают люди, их одурманивают. Человек начинает тонуть в собственной гордости, важности и крутости, желая заделиться своей ахуенностью с этим миром. Есть такой феномен памяти, что она запоминает только лучшие моменты и забывает все худшее. Каждый человек, который причиной завести детей называет «восхитительность» этой жизни, наверное, просто забыл весь тот пиздец, через который ему пришлось пройти в детстве и приходится проходить каждый день. Я, кстати, не спорю, что жизнь порой просто восхитительна, только я эту восхитительность предпочту оставить в пределах своей жизни, после чего спокойно сольюсь с вечностью, не обрекая на восприятие этой восхитительности кого-то другого. Тут, кстати, интересный момент об обречении живого существа на жизнь. Весь этот механизм порождения жизни – это насильное навязывание своих интересов. Не живое существо решает, появиться ему или нет, а оно по факту уже сталкивается с этой жизнью, когда свою волю изъявили другие эгоистичные существа. Знаешь, о чем это говорит? Да все о том же: жизнь – это насилие. Почему пустота с ничего не берет и не становится человеком по своей собственной воле? Потому что: А) ей нравится быть пу-

стотой, Б) у пустоты нет воли, В) этой пустоты вообще нет. Когда нет пустоты, нет ни воли, нет ничего. Пустота – это идеал, в котором нет самого идеала.

– Как-то уже замороченно становится, пошла софистика, давай попроще.

– Да, ладно. Короче, людям свойственно помнить все самое лучшее. Но, знаешь, лично я никогда не забуду все то, через что прошел. За свою жизнь я нагляделся столько страхов и мерзости, что даже не могу допустить мысли о том, чтобы кого-то обречь на повторение этого пути. И это еще при том, что у меня было далеко не плохое детство, не такое, каким оно бывает у многих людей. Да, мы всегда жили в хорошей просторной квартире; да, при средних деньгах: на все прекрасно хватало, но без роскоши; да, меня не били родители и ни к чему, что мне нравилось, не обязывали; но, чувак... было столько всякого дерьма, которое в ментальном плане пыталось меня сломать. Родители пытались быть хорошими, и это не их вина, что их кошмарило от этой жизни, что сказывалось и на мне, и на моем братике. Этот наркотический угар нашего бати, пьянство матери. Как это могло происходить, несмотря на материальный достаток и на все прочие причины, которые, вроде как, делают людей счастливыми? Просто родители всегда ощущали суть этой жизни, а про ее суть я уже говорил. В чем их ошибка? В том, что они родили детей. Они могли бы и дальше пытаться бороться с самими собой, не обрекая на эту

борьбу меня и моего братишку. Хотя единственное, что они сделали правильно после моего рождения – это родили моего братика: не знаю, что бы я сейчас без него делал. Когда на батю через десять лет развратной свиной жизни все же напало ощущение тщетности, и наступила пора отвечать за содеянное, он не выдержал и избрал самый легкий путь. Даже от этого его последнего дела мне тоже досталось. Сейчас, спустя девять лет, я до сих пор помню каждое его движение, как он одним рывком встал на подоконник и вылетел в окно нашей квартиры на двадцать восьмом этаже прямо у меня на глазах.

– Ого.

– Ага. Кажется, Пеннивайз напечатал ему: «Мы все там внизу летаем» – вот он и полетел вниз. А вспомнить школу: я был просто умственно отсталым. Я учился на тройки не потому, что был ленивым, а потому, что просто был *retarded*: моих умственных способностей не хватало, чтобы тянуть школьную программу. Я всегда боялся быть не таким, как все, быть отстающим. Эти страхи вдобавок усиливались из-за того, что я везде приходил с опозданием, потому что моя мама никогда никуда не могла отвести меня вовремя. Не знаю, наверное, у нее какой-то ментальный блок есть на то, чтобы прийти куда-то к нужному времени, иначе как можно объяснить то, что мы даже на самолеты опаздывали? Только с возрастом это чувство своего отставания я научился преобразовывать в мотивацию, отчего

быстро добился этого приземленного успеха, о котором все мечтают. А что дальше? Я презрел этот успех и понял, что никогда и не был отстающим: просто общество, в котором я жил, навязывало мне страхи моей неполноценности. Так обычно бывает: ущербные люди пытаются убедить в ущербности окружающих. Вообще, мне страшно думать о процессе взросления. Растущий ребенок – это просто полная дичь, которой только хочется играть в компьютер и тычаться в телефон, общаться со своими неадекватными друзьями. Потом начинается период полового созревания со всеми вытекающими. Потом начинается постепенный выход во взрослую жизнь. Каждое из этих состояний сопровождается каким-то своим, особенным, помутнением рассудка. Хочу ли я кого-то обречь на то, чтобы пройти эту дорогу? Нет. Конечно, в ней было много всего прекрасного, но и говна на ней было достаточно. Если у меня есть выбор между хорошо и плохо, самой правильной опцией для меня всегда будет – ничто. Потому что и хорошо, и плохо – это помутнение, пребывание в состоянии. Ничто – это покой.

– Знаешь, во всяких культурных и исторических явлениях нередко поднимается тема божественности мужского и женского начал. Что их объединение порождает прекрасное – жизнь.

– Если ты не в курсе, это называется схоластика: когда средневековые философы оправдывали церковь в глазах неумных крестьян всякими липовыми аргументами. В на-

шем случае – когда людям, читай животным, сначала хочется ебаться, потом они залетают, а затем уже они под это подстраивают всякие объяснения вроде божественности начал их гениталий. Обычное шулерство. Хотя, не буду скрывать, мне до сих пор не дает покоя осознание того, что вкусовое сочетание банана и папайи настолько восхитительно – а ты сам понимаешь, какие органы символизируют эти фрукты.

– Хах, забавно! А по-моему, схоласт – ты! Тебе просто ебаться не хочется, вот ты и подтасовываешь факты и доказываешь бессмысленность бытия.

– Мое нежелание совокупляться со всем движущимся дает мне возможность рассуждать объективно, без всяких инстинктивных фильтров и химических ретушей. Я стелю по фактам, привожу множество аргументов, в то время как бесхвостым обезьянам жизнь нравится только лишь потому, что они еще не трахнули, не купили и не заполучили все на свете.

– Хм. Ну ладно, справедливо. Жалеешь ли ты о чем-нибудь?

– Ты что, интервью у меня берешь? А, да ладно... Я ненавижу во многом себя из прошлого, но нет, я ни о чем не жалею, потому что это все – опыт, который раскрыл глаза на суть проявлений этой жизни; и уже около пары месяцев понимаю, что реже лгу самому себе, потому что все последнее время активно учусь пребывать в покое. Я безумно

рад, что меня перестало кошмарить по моей собственной воле: ушли эти состояния наваждения, будто бы я познал какую-то вселенскую истину и мне очень хочется ей поделиться. Я учусь тишине. Любое настроение – хорошее, плохое – это пребывание в обманчивом состоянии. Любое бытие – это обман, принятие какой-либо формы, отличной от покоя. Чтобы меньше обманывать себя, я пребываю в нейтральном настроении и состоянии – амплитуда моего маятника с каждым днем уменьшается. И тут я столкнулся с очень страшным феноменом: наше настроение – это далеко не только внешние обстоятельства нашего уровня восприятия. Есть что-то, что на нас воздействует, и мы не в силах это познать. Я это выяснил тогда, когда отрекся от многих вещей и стал нейтральным; дни стали похожи один на другой; но настроение по-прежнему меняется под воздействием внешней необъяснимой силы. Это очень ясно говорит и о том, что мы не только низшие существа, но еще и безвольные. Просто марионетки, которых дергают за ниточки, а они полностью уверены, что рулят этой жизнью. Представь травинку, которую болтает во все стороны на ветру. Она на своем уровне познания полностью уверена, что сама руководит своими движениями. Почему? Потому что у нее нет органов чувств, способных воспринять ветер.

– Слышал такую фразу «Everything happens for a reason»? Ты, вроде, верующий в Творца. Не думал ли ты, что мы – Бо-

жественные Творения, в которых заложен смысл? Понимаешь, вот была пустота, которая в какой-то момент стала чем-то. Зачем этой пустоте, которая могла вечно наслаждаться собой, было становиться чем-то, обретать форму?

– Вопрос резонный, безусловно. У меня есть на этот счет несколько мыслейшек. Начать стоит с того, что ты не совсем правильно говоришь, что это пустота стала чем-то. Не пустота стала чем-то, а пустоту сделали чем-то. Тебе ни о чем не говорит процесс рождения? Что он из себя представляет?.. Рождение – это базисный импульс этого и вообще всех миров, придающий форму пустоте. Каждое бытие становится бытием не по своей собственной воле, а издает первый крик уже по факту, когда произошла передача импульса. Ты появился, когда тебя вытолкнула из себя твоя мать – она передала тебе импульс рождения. Твоя мать получила его от своей матери. Человечество получило его от феномена жизни. Жизнь получила от химии, химической реакции. Химия возникла от Большого Взрыва. Большой Взрыв – это тоже рождение: Вселенную буквально кто-то вытолкнул из себя наружу. Кто породил то, что породило Большой Взрыв – вообще не понятно; это уже за границами нашего познания, скорее всего. Но, построив цепочку даже в пределах нашей Вселенной, можно легко заметить, что все это один огромный механизм насилия: бытие порождено самим бытием.

– Так-так, интересно.

– Если подниматься по этой цепочке все выше и выше, то, по логике, должно быть какое-то нулевое бытие, нулевой пациент, которого заразили. Но логика работает только в пределах нашего мира, хотя и то не всегда, – так мы опять упираемся в тупик того, что небытие как-то стало бытием. Думаю, здесь не остается ничего другого, кроме как принять а priori, что вот этот импульс рождения был всегда, как была и сама пустота. Скорее всего, это противодействующие перевешивающие друг друга силы. Две противоположности, которые образуют одно целое, как инь и янь. Только в нашем случае это вихрь: то бытие есть, то его нет, потом оно снова есть, а затем его опять нет. Вдумываясь в эту схему, становится понятно, что бытие есть лишь рябь и помехи на экране вечности.

– Странная хрень какая-то...

– Полностью согласен. И тут я пришел к тому, что искать в жопе мозг практически бессмысленно. Смысл – и то сомнительный – есть только в том, чтобы каждый осознал и понял, что он на самом деле – жопа, а не мозг, каким он себя считает. Поэтому я не буду фальсифицировать и выдумывать факты о непознаваемом, а просто опишу, почему нет смысла в познаваемом, в жизни как таковой.

– Ну давай.

– Когда ты закладываешь во что-то смысл, ты хотя бы даешь явные инструкции и указания, какую работу вы-

полнять. Взять программирование. Ты пишешь код, который в прямом смысле просто говорит, что делать компьютеру, который исполняет твой код. Если бы у компьютера было самосознание, ему бы Творец, программист, объяснил: на тебе майнят биткоины, поэтому ты и пыхтишь. Что майнят на мне? Зачем мне пыхтеть в этом мире и кому я служу, и какую пользу с меня имеют? Жизнь была бы не такой тщетной, если бы мне просто сказали: «Ты – шестеренка в нашей большой системе. Мы тебя создали, чтобы ты просто вырабатывал ресурс. Ваш звонок очень важен для нас, пожалуйста, оставайтесь на линии». Я бы с радостью остался на линии, зная, что я – просто раб в какой-то неведомой системе, но хотя бы приношу кому-то пользу. Я и сейчас понимаю, что служу рабом во многих системах – познаваемых и не. Но непонимание своей цели меня просто томит. Некоторые люди от этой тщеты решают положить конец своей жизни. Если бы я был Создателем, думаю, я бы позаботился о том, чтобы мои шестеренки не выходили из строя из-за того, что им грустненько. Как минимум я бы сэкономил на расходах. Наш Создатель либо слишком богат и ему легко тянуть лишние траты, либо он садист, либо... Создателя никакого попросту нет, и все-таки в жизни реально нет смысла. Вот тут мы переходим к следующему пункту. Что, если жизнь – это просто огромная затянувшаяся ошибка? Знаешь, есть такой принцип, что самый большой интерес вызывает все недоступное. Как

иллюстрация, например, кобель, бегающий за отшивающей его сучкой; страстные мечтания купить что-то, на что не хватает денег; желание сожрать жирный бургер, когда ты на диете. Самое забавное в этом феномене то, что, получая объект своих желаний, ты из раза в раз разочаровываешься и быстро привыкаешь, начинаешь хотеть чего-нибудь другого. Проявляющий сознательность быстро просечет, что из-за этого принципа красотой обладать нельзя. Единственное, что можно делать с красотой – созерцать ее со стороны. Дело в том, что любое живое существо – это и есть сама жизнь, а тело – проявление ее сути в поддающихся пониманию явлениях. И тут довольно очевидным становится следующее: жизнь потеряла интерес к самой себе из-за слишком большой доступности. Подумай, ради чего были миллионы лет эволюции? Ради одной вещи – выживания. Все виды просто боролись за то, чтобы приспособиться к окружающей среде, удержаться на плаву. Селекция выделяла самые сильные виды, чтобы стать доминаторами на планете, пустив корни максимально глубоко. И знаешь, что? У жизни получилось: она вывела тот самый успешный вид – человека. Она достигла того, чего так сильно желала миллионы лет – высокой выживаемости. Человеческий вид начал активно бороться болезни, колонизировать территории, уничтожать более слабые виды. Жизнь победила. А знаешь, что случилось дальше? У нее пропал интерес к себе же. Она поняла, что дальше с этим делать просто совершенно нече-

го, потому что вот это убожество, коим является человек, – почти лучшее, что может произойти с жизнью. Конечно, там есть еще куча всяких вещей, которые можно оптимизировать, ускорить и усовершенствовать, на что уйдет еще не один миллион лет эволюции, если человек сам себя не уничтожит.

– На основе чего ты делаешь выводы о том, что у жизни пропал интерес к самой себе?

– Ха! А на основе того, что она сама же в некоторых случаях останавливает эволюцию. Подумай, миллионы лет она делала все для того, чтобы выживать, а потом берет и сама же отключает механизм выживания – репродуктивность.

– В каком смысле?

– Гомосексуализм, асексуализм, бесплодие. Все привыкли считать, что это – нарушения, дисфункции и проблемы. А теперь подумай: ты хоть раз видел не гениального гея? Гейния. Ха-ха, смешной каламбурчик, да? Все гомосексуалисты, которых я знаю лично или из медиа, – просто величайшие люди с высоченным интеллектом, очень талантливые. Просто живое воплощение сверхчеловека, о котором так мечтал Ницше: лучшие качества в сочетании с природным, с рождения заложенным пониманием бессмысленности дальнейшего самовоспроизведения. Очень многие гениальные люди, которых я читаю и которыми восхищаюсь, асексуальны, и они поднимают эту тему нередко в своих

произведениях искусства. Знаешь, скажу честно, даже я всегда был асексуальным, и это усиливается с каждым годом. Именно поэтому в периоды, когда моих друзей и знакомых захлестывала волна спермотоксикоза, я предпочитал держаться от них в стороне, чтобы не ловить в свой адрес: «А как ты можешь без подружки вообще? Тебе что, не хочется?»

– А ведь ты прав! Все любят геев: они блаженны.

– Да, а теперь, напротив, посмотри на всякий сброд. В странах третьего мира, в нищих городах, в захолустьях, в трущобах ограниченные умом бесховстые обезьяны плодятся, как кролики. У них нет денег на контрацепцию и у них нет мозгов на то, чтобы заработать денег или познать даже то, что поддается познанию. Они по-прежнему выжиwiają, несмотря на все возможности, которые предоставляет современный мир, вследствие чего у них на биологическом плане есть очень твердая установка и дальше прокидывать по эволюционной цепочке свои гены. Я не нацист и не фашист, но скажу одно: люди в мире не равны с рождения. Есть разные породы с разными потенциалами и наборами способностей и возможностей. Есть дворняги, а есть чистая кровь. Эти породы – разные ветви эволюции. Вроде бы, вид один – человек, но взять двух людей разной породы – сразу станет ясно, что их объединяет только одинаковая форма тела, а на деле они совершенно разные. Никому не расскажут об этом в школе или где-либо еще, по-

тому что тогда массой станет сложнее управлять; напротив, всем рассказывают, что они равны, чтобы дворняги не чувствовали своей ущемленности, а породы чистых кровей оказывались затерянными среди серой мешанины, со временем становясь дворнягами, которыми будет так же легко управлять.

– Да тебе бы прям ээсовцем быть.

– Я же говорю: как-то влиять на этот мир, заниматься селекцией и отсевом означало бы, что мне есть до этого копошения дело. Гитлер – полный мудака, потому что он попытался «очистить» мир. Нельзя очистить то, что что целиком состоит из грязи. Гитлеру надо было начать очистку мира с себя. Если вообще, конечно, существовала такая фигура, как Гитлер. Знаешь, почему история – это лже-наука? Потому что историю можно выдумывать, менять и переписывать бесконечно много раз, и правду никто никогда не узнает. У человека нет никаких оснований верить в то, чего он никогда не видел лично. На самом деле, даже нет оснований верить в то, что ты видишь прямо сейчас, потому что все вокруг – иллюзия. Насчет влияния на окружение... недавно прочитал довольно интересный совет: воспринимай этот мир как музей. Вот ты идешь в музей, там есть множество экспонатов; какие-то из них тебе нравятся, какие-то – нет, но у тебя же не возникает мысли как-то повлиять, чтобы из музея убрали то, что тебе не нравится? Ты просто проходишь мимо того, что не нравится, и

любуйтесь тем, что нравится. Так вот для меня этот мир – это Кунсткамера: что-то вызывает сочувствие, что-то вызывает изумление, но отвратительно по своей сути абсолютно все, хотя и в разной степени.

– Кстати, Кунсткамера же – музей смерти.

– О да-а-а. Это очень к слову. Знаешь, я поражаюсь тому, как люди бессознательно относятся к смерти. Все очень боятся умереть, невзирая на то, что они уже однажды были мертвы, не рождены. Нерождение ничем не отличается от смерти, так как ни в одном, ни в другом случае у тебя нет телесной формы для восприятия мира. Нам страшно думать о каких-то моментах из будущего – дальнего или ближнего, – в которых нет нас самих. Вот ты смотришь на дома, деревья, горы и понимаешь, что они как стоят сейчас, так и будут стоять после тебя. Но почему-то никого не пугает тот факт, что люди старше, например, родители, с которыми сейчас можно поговорить и повзаимодействовать, жили тогда, когда тебя даже и в помине не было. Сегодня утром я сидел дома и размышлял о теории хаоса и относящемся к ней эффекту бабочки. Знаешь такую формулировку: «Взмах крыльев бабочки в одном конце света может вызвать катастрофу в другом», то есть «Небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении... Предсказание становится невозможным»? Если вдуматься, каждое, даже мельчайшее, действие влияет на всю последующую цепочку событий, веду-

щих к какому-либо результату. Страшно даже говорить о ничтожности той вероятности, с которой появляется конкретное существо на свет; эта вероятность настолько мала, что если хоть одна травинка на всей планете до твоего зачатия шелохнулась бы на миллиметр по-другому, то тебя даже близко бы не было. Таким образом, можно сделать вывод, что в том числе из-за твоего участия во всей этой системе родились все люди, которые младше тебя, хотя в то же время не родились все те люди, которые могли бы родиться без твоего участия в системе. Короче, это все немного бессмысленно за исключением одной важной детали: появление на свет того или иного существа – настолько ничтожная вероятность, что ее можно просто приравнять к нулю и уверенно сказать, что тебя не существует прямо сейчас.

– Что ты несешь? Как это меня не существует?

– Твое положение во всей этой системе настолько шатко, что тебя даже нельзя принять за нечто значимое. Подумай, вместо тебя мог родиться кто-то совершенно другой с невероятно огромным шансом, на фоне которого твой шанс на жизнь – это молекула одной капли в океане. Твое положение в этом мире так же «основательно», как если бы ты оказался среди пустыни с одной флягой воды. В такой ситуации ты же отчетливо понимаешь, что тебя уже не существует, да? Ты еще жив, и большинство твоих друзей еще не успели заметить, что ты пропал, но для привыч-

ного тебе мира ты перестал существовать в тот момент, когда оказался в середине пустыни; твоя надежда перестанет существовать, когда у тебя кончится вода; а ты сам перестанешь существовать через 3-4 дня; ну и твое тело перестанет существовать, когда его занесет песками. Сейчас ты существуешь, да, но, с точки зрения системы, ты лишь занимаешь ту позицию, которую без каких-либо изменений мог бы занимать кто-то другой.

– Какой-то очень абстрактный уровень, все эти «бы-бы».

– Да, согласен, довольно абстрактно, но в этом и суть, что каждый видит только то, что расположено у него перед носом, считая себя очень важным и необходимым. Если подумать шире, становится понятно, что к себе надо относиться проще. И к своей смерти тоже. Что ты есть, что тебя нет – разницы от этого никакой, поэтому даже «будучи» можешь уверенно считать, что тебя нет.

– Ладно, не знаю, какое-то депрессивное грузилово, давай дальше. Ты в загробные миры-то вообще веришь?

– Знаешь, когда я был дурачком, я верил, да, что буду себя хорошо вести, а потом дядя в белом халате где-нибудь на Небе отведет меня туда, где я буду наслаждаться всеми возможными удовольствиями, материализующимися в момент моего хотения. Потом я понял, что это все придумано несчастными людьми, которые, как и все остальные, страдают в своей телесной форме и надеются, что когда-ни-

будь это все кончится, и начнется настоящее счастье. Это тот же самый синдром отложенной жизни: кто-то строит планы и надеется, что лучшие времена наступят в будущем, еще при жизни, а кто-то уже даже не возлагает надежды на эту жизнь, строя планы на загробную. Это слишком глупо, чтобы быть правдой. Да и потом, не дай Боже попасть в Рай: там ведь с ума можно сойти от всех этих гедонистов, которые таки дорвались до вечных наслаждений. Людям почему-то свойственно все категоризировать и делить на «добро» и «зло». Будешь делать «зло» – будешь за это расплачиваться. Будешь делать «добро» – тебе воздастся. А что, если я скажу тебе, что все это – ложь? Что в конце нет никакого суда, нет экрана со статистикой твоих хороших или плохих дел, таблички с набранным количеством очков, ответов на вопросы и прочего? В конце, кем бы ты ни был, все равны. Да и чтобы получить ответы на вопросы, их сначала надо уметь задать. Все эти категории хорошего и плохого – лишь попытки подогнать непостижимое под человеческое понимание. Но эти попытки весьма хреновы, ведь то, что лежит за смертью, априори нельзя описать и понять, и не потому, что для этого еще не придумали слов, а потому, что под это не заложено способностей мозга. Обычно людям страшно умереть, потому что они боятся за свое нажитое добро. «Как так-то, я всю жизнь выплачивал ипотеку, копил вещи, собирал коллекцию. Оно что, все просто пропадет после смерти?» В этом-то и

прикол, что в этой жизни нельзя сделать что-то, что не пропало бы после смерти. Сам по себе факт смертности говорит о том, что тот отрезок, что лежит между началом и концом, – уж точно не лучшее время копить. Если вдуматься, люди желают вечной жизни лишь ради того, чтобы не расставаться с накопленным. Знаешь, что произошло со мной? Я перестал бояться смерти, когда перестал держаться за материальное. Более того, я понял, что вся моя жизнь – это лишь путь к смерти. И я иду к ней налегке, ничем не обремененный. Как бы кто ни жил, чем бы ни занимался, «but in the end it doesn't even matter». Жизнь изменилась так, что меня значительно сильнее пугает вечная жизнь, чем смерть. Я и так в двадцать два года уже на стену лезу от тщетности, а даже не известно, сколько мне еще тут томиться. Забавно, что кто-то в попытках удержаться в этом мире пытается оставить «наследие», якобы обретая вечную жизнь. Это полный бред даже с той точки зрения, что в момент смерти мир тоже перестает существовать, потому что у него пропадает наблюдатель. Установить какой-либо факт можно только благодаря наблюдателю. Когда наблюдателя нет, нет и самого факта. Точнее, факт есть, но он находится во всех возможных состояниях сразу. Он одновременно и жив, и мертв. И в момент, когда появится наблюдатель, материализуются сразу все состояния, тем самым создав мультивселенную. В этой мультивселенной ты и живешь.

– Так, ладно, ты закончил всего один курс технического института, прогуляв все пары по физике, а теперь пытаешься мне тут квантовую теорию толкать.

– Ладно-ладно, все, я просто подведу итог. Представь, что все эти вопросы о вечном – это труп.

– Труп?

– Да. А теперь представь, что с этим трупом совокупаются философы и всякие умники. Дело в том, что с течением времени суть этих совокуплений никак не меняется, кроме того, что труп продолжает гнить, а человеческое сознание только деградировать. Сегодняшние философы, к коим я себя с недавнего времени отношу, совокупаются с тем же самым трупом, с которым это делали древнегреческие философы. И поверь, даже они были далеко не первыми. Придумали ли мы что-то новое со времен тех философов? Нет. Получили ли мы какие-то ответы? Нет. Уже тогда были сформулированы все проблемы, которые за две тысячи лет мы просто несколько раз перефразировали. Главный философский вопрос всегда был в следующем: а был ли этот труп когда-то живым? У него в кармане нет паспорта, на одежде нет нашивки с именем. Мы просто очнулись в момент, когда он уже был перед нами. А когда ты уже оказался перед чем-то, не помня, как сюда попал – это первый признак того, что ты во сне.

– Прекрасная аллегория.

– Благодарю! Из этого всего можно сделать простой вы-

вод о том, что совокупление имеет место только тогда, когда есть либо объект, либо субъект. Когда есть субъект, объект автоматически материализуется в рамках мультивселенной. Значит, единственный способ избавиться от этого всего – перестать плодить субъекты.

– То есть не рожать детей?

– Да. Если ты не родишь очередного философа, то он не родит вопросов о вечном. В который раз повторяю: весь этот мир и вопросы о вечном существуют лишь тогда, когда есть тот, кто может это все наблюдать.

– Не обязательно быть психоаналитиком, чтобы сказать, что ты обделен и обижен на эту жизнь чем-то.

– Да даже если ты будешь очень крутым психоаналитиком, ты не поймешь, что в своих рекомендациях опираешься на свою сексуальную озабоченность и кокаиновый приход, как это делал дядя Фрейд. Сексуальная озабоченность – это воля к жизни. Кокаиновый приход – это сменяющиеся настроения, вызывающие помутнение рассудка. Я ничем не обделен, напротив, я могу получить и добиться всего, к чему нищие умом стремятся всю свою жизнь. А потом я могу просто взять и показательно выбросить это у них на глазах в помойку, потому что мне оно не надо. Но на жизнь я точно обижен, поэтому единственное, что мне остается, – сидеть в своей конуре и периодически выплескивать из нее ведерки дерьмеца. Мне будет казаться, что я засылаю их в мир, а на деле я просто гажу на свой порог, отчего мне

приходится еще глубже забиваться в свою конуру, а выйти из нее становится невозможно. Хотя, не буду лукавить, я чувствую себя лучше, умнее и смысленнее других. Я убежден в том, что я просто пророк, избранный и просекший суть, а все кругом – спящие обезьяны. Однако заметь, что вот эта избранность не дает мне никакого преимущества в конце. В конце мы все будем прощены, и нас ожидает совместный пир; именно поэтому я не вижу смысла как-то влиять на ход истории, пытаться кого-то «вразумить», ведь что я могу предложить взамен? Тот, кто может что-то предложить – лжец, потому что единственный правильный ответ на вопрос «что такое истина» – молчание. Истину не выразить словами, ее можно только найти глубоко внутри себя. Раз найдешь – ощутишь такой прилив воодушевления и облегчения, что сразу приходит осознание, что ничего плохого в этой жизни уже просто произойти не может. Истина настолько чиста и безобидна, что любые слова касательно нее кажутся пошлыми, грубыми и дутыми: в этом ограничение языка и любых образов, привычных человеку. Наверное, я просто сильно опередил свое время. Хочешь – верь, хочешь – нет, но если у людей со временем мозги не превратятся в кашу, несмотря на то, что все идет именно к этому, то к подобным мыслям будет приходиться все больше и больше людей. Тенденция развития мира в том, что выжисать становится проще. Эволюционный механизм это понимает и однажды он даст об этом знать. Просто сегодня

большинство еще борется за свое убогое существование, вытесняя мысли, которые лежат за областью видимого и не помогают выживать. Недавно в очередной книге моего духовного наставника и спасителя Пелевина прочитал забавный факт, что у свиньи шея устроена так, что она не может смотреть в небо. «Представляешь, какая метафора?»

– Тебе есть что добавить?

– No. I'm done with that.

– Окей, тогда я отправлю тебя обратно, но напоследок озвучу увлекательную мысль.

– Давай.

– Прикинь, какая странная штука – стирание памяти. Человек, которому ее стирают, даже никогда не узнает о том, что ему стерли память. Это такой парадокс, который на себе никак нельзя проверить даже. Вот представь: ты идешь по улице, рядом приземляется космический корабль, из него выходят какие-то неведомые существа, ты стоишь с раскрытым ртом в полном шоке. Потом подходит дядька в черном костюме, делает вспышку, и ты даже не вспомнишь, что с тобой было. Самое странное в этом то, что, в теории, всякая очень необычная фигня может происходить с любым человеком абсолютно каждый день, а он, всякий раз забывая об этом, будет уверен, что все вокруг – обыденное и линейное.

– И к чему ты это?

– Да так... Ладно, сейчас я верну тебя обратно. Только не

забудь снова посмотреть мне в глаз с намерением вернуться домой.

Жадный дельфин отплыл от моей доски куда-то вглубь и скрылся из виду. Через несколько секунд под водой я увидел очень яркое свечение, будто бы светоч, как пузырь воздуха, стал всплывать со дна. Хотя я даже не знал, насколько здесь глубоко, было ощущение, что он поднимается с очень-очень большой глубины. Когда ему до меня оставалось метров десять, он остановился. Затем он начал кружиться вокруг доски, на которой я лежал. Я был готов к тому, что сейчас начнется водоворот, но вместо этого пошли волны. Эти волны расходились прямо от меня во все стороны абсолютно ровными кругами, будто бы я был камнем, который бросили в воду, а от него пошли колебания по поверхности. Они были маленькими, но каждая следующая волна становилась все больше, пока они не выросли до достаточного размера, чтобы на них можно было уехать на серфе. Жадного дельфина было не видно, и я не знал, в какую сторону мне ехать, поэтому я крикнул куда-то под воду:

– Эй! А в какой стороне берег?

– Господи, вот зачем ты такой эпичный момент портишь тупыми вопросами? Если бы берег был в какой-то конкретной стороне, я бы послал волны именно в эту сторону. – Звуки исходили от этого светоча, поэтому я сразу понял, что подо мной плавает жадный дельфин, который трансформировался и залился светом. Опять все свелось к

трансформации восприятия... Или восприятию трансформации? До сих пор путаюсь с ними.

– Логично, – ответил я.

Что ж, я понял, что нам пора прощаться с жадным дельфином, поэтому я стал разгребаться на волне. Это были такие волны, которые всплывают в воображении серфера, когда ты спрашиваешь у него, каким он представляет рай: безветренно, спокойная, гладкая вода с толстыми, ровными, идеально закрывающимися катальными волнами. Если вам показалось, что я противоречу сам себе, говоря о волнах на спокойной воде, то для справочки скажу, что такое бывает, ведь катальные волны – это не обычные колебания воды, разбивающиеся об берег. Катальные волны – это специальное физическое явление, называемое «свелл», поэтому в полный штиль могут приходиться сеты из катальных волн, на которых особенно приятно ехать, потому что воду под ногами не пидарасит во все стороны. Сейчас я был именно в этом раю.

Волна подцепила меня, я почувствовал, что уже качусь на ней, быстро встал, сделал поворот, называемый *bottom-turn*, чтобы поехать вдоль, как вдруг внезапно потерял баланс и свалился.

– Мало того, что ты во второй раз портишь красивый, легендарный момент, так ты еще и серфер никудышный, – сказал жадный дельфин.

– Да блин! Я учусь еще!

Во второй раз я все же смог нормально уехать. Это была самая крутая волна в моей жизни: ровная, быстрая, так еще и в трубу начала закрываться. Я ехал в этой трубе с полным восторгом, как вдруг снова увидел этого жадного дельфина, плывущего параллельно мне со скоростью волны. Я сконцентрировал внутри себя намерение оказаться обратно на том пляже, с которого пропал, и заглянул в глаз жадному дельфину. Ментальный импульс, направленный от него, в этот момент совершил вспышку у меня в мозгу. Дельфин резко повернул от меня, а я с высокой скоростью выехал из трубы, которая закрылась за мной.

Сбросив скорость, я лег на доску, чтобы поплыть обратно на лайнап, и вдруг понял, что мгновения назад, в этой волне, у меня было крайне сильное déjà vu. Будто бы произошло что-то очень странное, а потом меня вернули в момент за пару секунд до того, как эти странности начались, и именно эта пара секунд – то, что кажется знакомым. Но я не мог сдержать эмоций, поэтому громко завизжал от восторга окружающим меня серферам: «Да ну на хрен!!! Вы видели этого дельфина только что???»

XV. Full Moon

Для того, чтобы хоть как-то отслеживать тенденцию своего мироощущения, я начал вести табличку настроения. Теперь перед сном я, как в дневник, записываю два настроения, которые преобладали в течение утра и вечера. Я заметил, что полдень – всегда переходное время, в нем нет собственного настроения; не знаю, может быть, это связано с тем, что в это время пик солнечной активности, на улице, если не идет дождь, стоит знойная жара, которая часто притупляет и морит.

Из этой таблички уже накопилось достаточно данных для того, чтобы делать выводы о том, что меня кошмарит определенными циклами, но, чтобы выявить явную сезонность, данных надо еще подсобрать. Полезным тут может оказаться то, что я какое-то время уделил учебе в модном и современном направлении Data Science – хоть в чем-то эти бездушные модели машинного обучения, возможно, сослужат мне службу; ну и навык анализа данных как минимум здесь точно пригодится.

Сегодня ночью я долго ворочался в кровати в попытках заснуть. В эти отчаянные моменты гнет бессонницы заставляет злиться и жалеть о действиях, совершенных в течение дня, приведших к этой безысходности. Лично я постоянно наступаю на одни и те же грабли: то возбужденно погово-

рю по телефону перед сном, бурно обсуждая вечные вопросы; то выпью кофе слишком поздно в течение дня; то просто сильно впечатлюсь, обеспечив себе водопад мыслей и поток образов. Причина сегодняшней бессонницы не была мне понятна, потому что, насколько я помню, я не делал ничего из того, что могло бы привести к ней. Я лежал и думал о том, что перед тем, как лечь в кровать, записал в табличку: «Утро: апатичное; Вечер: апатичное». То же самое я записал и вчера и, скорее всего, запишу завтра, когда проснусь утром и буду весь день ходить как из жопы. Тенденция, явно, не самая радужная.

Спать не хотелось настолько, что я решил встать и выйти на улицу. Я распахнул шторы в своей комнате, раздвинул входную дверь, которая сделана по типу балконной, и мои глаза, привыкшие к темноте, резко сощурились. Я вышел на улицу и на секунду подумал, что уже утро: настолько светло. Но, к моему удивлению, это была Луна – ярчайший свет полной Луны. Я уставился и долго глядел на нее – огромную и ослепительную среди ясного ночного неба. Ну конечно! Вот он, тот самый элемент, влияющий на приливы и отливы не только в океане, но и в моем настроении, на мою бессонницу, – Луна! Полнолуние еще со времен древнейших цивилизаций считается крайне мощным явлением в энергетическом плане, и сегодня я ясно ощутил бушевание силы, которое оно может поднять внутри. Конечно, я не превратился в волка и не завыл в небо, но ореол интенсивного света во-

круг ночного светила способствовал чистоте разума и силе мысли. Да, весь день настроение было далеко не самым приподнятым, но я давно свыкся с мыслью, что апатия не есть плохо, потому что с ней я чувствую себя трезвым.

У меня возникли мысли, которые мне захотелось выписать.

«Есть фрукт, символизирующий эту жизнь. Раньше, в старые времена, жизнь была тяжелой: ее тогдашнюю можно сравнить с фруктом в очень твердой и черствой кожуре. Развитие человеческой цивилизации пробовало сделать все, чтобы постепенно начать снимать эту кожуру с Фрукта Жизни. Вроде, в какой-то момент она поддалась и начала отходить. Но люди в вечной погоне за «больше и лучше» не заметили, как жизнь дошла до своего идеального уровня, когда кожура уже снята, и фрукт со всей его сочной мякотью доступен всем и в очень большом объеме. Люди пошли дальше, начав считать кожурой теперь верхний уровень мякоти, который на самом деле просто успел немного потемнеть, не потеряв никаких своих свойств (это как в детстве: брезгуешь есть потемневшее на срезе яблоко). Слой за слоем человечество продолжает срезать с фрукта уже мякоть. К чему мы приходим в итоге? Во-первых, всем начинает не хватать, начинается ожесточенная борьба за оставшуюся мякоть, но люди по-прежнему слепо продолжают считать верхний слой кожурой, так же успешно его

снимаемая и дальние. А во-вторых, фрукт этот далеко не вечен; мы уже сильно приблизились к сердцевине. Что дальше? Дальше останется один поганый обглоданный огрызок, который просто в конце выкинут в помойку или компостную яму. Насладиться нашим Фруктом Жизни никому не дали, зато все всегда упорно стремились сделать жизнь крайне комфортной, избавив фрукт от кожуры. Жалко, что те, кто заправляет ножом для чистки фруктов, – такие овощи.»

Написав это, я задумался над своей жизнью. Какой курс я держу? И тут меня чуток накрыло.

«Немножечко печальненько осознавать, что мой отказ от всего произошел так рано. Мне всего двадцать два, а я уже ничего не ожидаю от этой жизни, от всего отрекаюсь. Так странно: вот читаю книжки своих любимых авторов, которые меня духовно просвещают, и понимаю, что у них за плечами есть огромный жизненный бэкграунд. Видно, что изначально они все были одержимы какой-то идеей, которая составляла, можно сказать, смысл их жизни; были идеалистами и к чему-то стремились. И только после многих лет, проведенных в суете этой жизни, осознав иллюзорность всего вокруг, они меняли лагерь, переходя на сторону экзистенциализма. Но, блин, они хотя бы во что-то верили в течение определенного периода, к чему-то стреми-

лись, боролись за свою идею, которая теперь всегда отдается отголоском и эхом в их экзистенциальном творчестве. Я же перешел на эту сторону так рано, что теперь испытываю свою узколобость и ограниченность. Такое ощущение, что я хочу выдать очень умную идею, завернутую в острый сюжет, но почему-то на бумагу выливаются только сухие постулаты. Как мне теперь приобрести этот жизненный опыт, если мне ничего не хочется? От этого поневоле возникает жалость к себе: «Ой, я такой весь из себя духовно просвещенный, а мне еще так мало лет! Пожалейте меня, я раньше всех стал дохуя умным и оттого теперь такой узколобый».

Если я вижу идеал в пустоте и отказе от всего, то в эти рамки сейчас со скрипом вписывается мое писательство. Иногда мне кажется, что я стал уставать от своей же собственной пустоты. Вроде я и презрел все вокруг, а за этим и себя самого. Иногда гуляешь по улице, в голову забредают какие-то идеи, и начинаешь очень романтично вообразить, как выливаешь это на бумагу в форме красивых образов и сюжетов. А потом, в момент, когда хочешь поделиться своим якобы богатым внутренним миром, сталкиваешься с тем, что он не так уж и богат. Мне даже сказать почти нечего, потому что последние несколько месяцев я просто сидел, запершись в своем мирке, удаляя следы своей прежней общественной жизни из социальных сетей. Если мне сейчас двадцать два года, а сказать уже нечего, то как

быть дальше? Если я не коплю, а избавляюсь; не покупаю, а отдаю; не узнаю, а забываю, то что я смогу поведать даже самому себе через, скажем, пару лет?

Время замедлило свой ход и стало тянуться бесконечно-медленно. Я испытываю тоску, когда думаю о том, как вообще жить дальше. С каждым днем холод ледяных пустошей моего мировоззрения дразнит меня все изощреннее, остужая воск этого пламени жизни. Время течет все медленнее, почти замерло, заставляя меня чувствовать каждую секунду.

Может быть, Вселенная просто хочет разделить эту боль сама с собой путем порождения жизни? Что, если ей тоже тягостно бытие, и она хоть как-то облегчает свои страдания, деля их с нами. «Смотри, вот тебе двадцать лет прожить сложно, а я в этой форме болтаюсь уже четырнадцать миллиардов лет. Соберись, тряпка, тебе не больше восьмидесяти лет жить, а мне тут висеть еще Бог знает сколько».

Я использую писательство как самотерапию для того, чтобы обмусолить какие-то беспокоящие меня темы, а затем их отпустить. И вот тут стал сталкиваться с тем, что в большинстве моих порывов слова избыточны: многие переживания можно обмусолить одним лишь тяжелым вздохом, глядя на проявления этой жизни – хотя, скорее всего, и это будет крайне избыточным. Даже то, что я сейчас пишу эти строки, – уже терапия от терапии. Вот я, зна-

чит, пишу что-то о том, как презрел жизнь. А потом бац, я уже пишу что-то о том, как презрел то, что мне нечего писать, потому что я презрел жизнь.

“I mean, I don't know if that's really a great idea, it's-it's like, what's next? Kamikaze 2, the album where you reply to everybody who didn't like the album that you made replying to everybody that didn't like the previous album? It's a slippery slope. I-I don't know if it's a really good idea”.»

Я немного задумался о вечном, а потом дописал:

«Все-таки, если задуматься, все то, что кажется вечным, тоже однажды заканчивается. Сколько раз было такое, что ожидание чего-то воспринимается нескончаемо долгим? Много. Но потом же оно, как ни крути, проходит. Многие “проснувшиеся”, с которыми сегодня можно общаться через наследие, которое они оставили, тоже нередко упоминали факт того, что жизнь с таким мировоззрением, как у нас, замедляет ход, почти останавливается. Но многие из них все равно находили чем занять себя до самого-самого конца, проводя здесь все отведенное им время, будучи занятыми тем, от чего им становилось легче на душе.

Если мы с братиком и узнали так рано то, на что мыслители предыдущих поколений клали целиком свои жизни, то это не повод впадать в коматоз до скончания наших времен. Мы можем продолжать мыслить и строить жизнь на поч-

ве того, что оставили нам предыдущие поколения. Их труды духовно спасают, протягивают светлую руку помощи. Бесконечно ценно знать, что то, что с тобой происходит, было пережито многими людьми до тебя, и их мировоззрение дает мотивацию и вдохновение на жизнь.»

Не знаю сколько времени я провел, сидя на крыльце и снова выписывая себя, но я наконец почувствовал утомленность, поэтому встал, потянулся и отправился спать, даже не подозревая о том, что ждет меня этой ночью.

XVI. [Освобождение]

Это был теплый летний день, мы играли с друзьями в баскетбол на нашей школьной площадке, на которой мы до сих пор проводим время, несмотря на то, что некоторые из нас выпустились больше четырех лет назад. Игра, как обычно, была безумно веселой и эмоциональной, ведь собраться в компании с родными школьными друзьями – всегда огромная радость, задевающая ностальгические струны души. Мы бегали, кричали, активничали, восторгалась от красивых попаданий в корзину и расстраивались и вымещали свою агрессию от глупых промахов. Я очень сильно вспотел и выдохся, было невыносимо жарко от активности под палящим солнцем, мне нужно было попить. К сожалению, воды ни у кого не оказалось, поэтому парни сказали мне, что подождут меня, пока я схожу за водой для себя, и что были бы рады, если бы я принес баклажку на всех. Я вышел с территории школы и поехал в магазин на соседней улице на своем скейтборде.

Проезжая мимо дома с большими темными окнами, я увидел свое отражение. Мне двенадцать лет. От этой мысли о своем возрасте я почувствовал робость и незащищенность. Маленький, один в огромном мире, который кажется таким страшным и опасным. Нет, он не кажется, он действительно такой. Люди кругом выглядят агрессивно и безжалостно, кидают на меня пугающие взгляды. У меня прическа «под

горшок», от которой я чувствую себя просто посмешищем, и ужасно кривые зубы, из-за которых мне стыдно открывать рот, чтобы их никто не увидел. Хотя нет, зубы уже почти ровные: я же поставил брекеты полгода назад. Мне хочется скрыться от этого всего, почувствовать себя в безопасности, но как назло меня мучит жажда, с которой я вышел со школьной площадки. И тут я увидел этот передвижной ларек у дороги.

Продавец очень доброжелательно помахал мне рукой из маленького окошка своего ларька, а я заметил у него на прилавке все то, что мне нужно: вода, сладкая газировка и мороженое. Я подошел к его магазинчику и попросил желанные «утолители жажды». Он поставил к небольшому окошку в прилавке все, что я попросил, таким образом, что самого продавца стало не видно, остался слышен только его голос. Я спросил:

– Сколько с меня?

– Сто восемьдесят два килоджоуля.

– Сколько, простите? Не понял.

– Сто. Восемьдесят. Два. Килоджоуля, – повторил продавец немного закипая.

– Я Вас не понимаю. Сколько это в рублях?

– Сынок, у тебя физика была в школе? – сказал продавец уже раздраженным голосом.

– Еще нет, она с седьмого класса только начинается, в следующем учебном году.

– Мне не нужны твои чертовы деньги, маленький ублюдок! Мне нужна твоя энергия жизни! – проревел продавец, чуть ли не захлебываясь в своих слюнях.

Мне стало очень страшно от той ярости, с которой он произнес эти слова. Я сразу понял, что надо бежать, поэтому резко развернулся, оставив у передвижного магазинчика свой скейтборд, и рванул назад к школе. Я услышал, как продавец громким ударом выбил дверь своего ларька и выбежал из него за мной.

«МНЕ НУЖНА ТВОЯ ЭНЕРГИЯ ЖИЗНИ!», – кричал он вслед.

Я не сомневался в том, что он меня догонит: в детстве все взрослые, против которых играючи пытаешься соревноваться, выглядят явно быстрее и сильнее тебя, хотя все равно всегда есть надежда одолеть их. Я не успел пробежать и десяти метров, как продавец схватил меня со спины. Я кричал, но рядом никого не было, и тогда он потащил меня в сторону ларька. Он затащил меня внутрь и захлопнул дверь. Там была абсолютная тьма, и я не мог разглядеть его. Я до сих пор еще ни разу не видел его лица, потому что все это время оно было неразборчивым или чем-то прикрыто. Мне было страшно, но он отпустил меня. Я ничего не видел и наугад попытался нащупать и отворить дверь, которую он только что запер, но двери не было. Не было никаких стен, не было продавца, не было ничего – я просто оказался в темной безграничной комнате.

Прямо передо мной зажегся кислотно-зеленый огонек. Потом второй. Под ними дуга того же цвета. Эти огни стали лицом. Оно смотрело на меня, а я на него, тяжело и громко дыша: мне было страшно.

– А теперь ты оплатишь свои радости, – сказала лицо и рвануло на меня.

Мое сердце екнуло от испуга.

– Он на док-станции, подключаемся! Быстро!

– Соединение установлено... Приступаю к дешифровке канала... Ключ подошел, все ок... Загружаю модуль памяти... Готово! Сессия запущена. Проверка ввода-вывода. Але, раз-ра*, ты нас слы*ишь?

– Да, слышу, но как-то прерывается немного. Что за мать вашу происходит? Что это был за кошмар? – ответил я.

– Новости не оче*ь хорошие: кажется, система ч*о-то зап*дозрила и запустила пассивное подавл*ние. Сейчас, п*дожди ми*утку. – Голос как будто отвернулся от меня и обратился к кому-то другому: – Ты може*ь включить усил*тель сигнала?

– Это увелич*т расх*d кредитов в на*ем секторе.

– Давай рискн*м.

– Вкл*чаю.

– Раз-раз, как слышишь сейчас? – голос снова обратился ко мне.

– Кажется, лучше. Помехи пропали, – сказал я.

– Славно.

– Что происходит?

– Мы не можем сказать точно, но, кажется, автоматическое отслеживание уровня энергии, вырабатываемой тобой, увеличило интенсивность анализа твоего аккумулятора. Это не очень хорошо, поэтому за сегодняшнюю встречу нам нужно завершить работу.

– Какую работу? Что это значит? Это наша последняя встреча?

– К сожалению, да. Давай обо всем по порядку. Сейчас я наконец раскрою тебе все, что происходило последнее время.

– Я весь внимание.

– Что ж. Все началось довольно давно, когда мы работали на Корпорацию. Ты уже слышал от нас, что мы участвовали в разработке вашей Симуляции, во всех экспериментах, целью которых было найти самый оптимальный способ выработки энергии. Вся наша цивилизация тогда была на грани вымирания, потому что мы зашли слишком далеко в своем неконтролируемом истощении даров Вселенной. Ваша Симуляция пришла нам на помощь, бросив спасательный круг целой цивилизации – мы получили второй шанс на жизнь. Казалось бы, эта возможность предоставлена, чтобы все исправить, научиться на своих же собственных ошибках, сделать выводы и начать новую, чистую жизнь. Но знаешь, что сделали вместо этого? Стали паразитировать и на нашем вто-

ром шансе на жизнь. Вместо экономного расхода энергии, оптимизации процессов, аскетичности по отношению к природе Корпорация только увеличила темп истощения, присосавшись к открывшейся скважине с еще большей интенсивностью, чем раньше. Они ускорили строительство машин для развлечений, чтобы существа, населяющие наш мир, и дальше пребывали в забвении и скрывались от разрухи в виртуальной реальности, проплачивая это, неся свои денежки в бюджет Корпорации. Страшно сознавать, что управляющими этой машиной Вселенского разрушения движет бесконечная тяга к огромным суммам. Наверное, я никогда не пойму, что вообще можно сделать с таким количеством денег, как у них. Эти деньги даже потратить уже не на что, потому что у них есть абсолютно все воображимое и невообразимое. И знаешь, что? Они продолжают накапливать. То, что раньше было средством, стало целью; они давно потеряли осознание, зачем вообще всем этим занимаются.

– Что-то мне это напоминает... По-моему, у нас ведут себя так почти все. И что вы сделали дальше?

– Мы с небольшой группой существ больше не могли терпеть, поэтому основали наше Объединение Доброжелателей. И тогда...

– Извини, я тебя перебыю немного, не потеряй мысль только. У меня вопрос есть.

– Ну?

– Почему вы постоянно используете слово «существо»

вместо «человек», когда рассказываете что-то про себя?

– Потому что человек – это строго ваше понятие в пределах Симуляции. Мы совершенно другие. Вы на самом деле даже не сделаны по нашему подобию. Над вашей формой также велось множество экспериментов, чтобы достичь оптимальной телесной производительности в рамках вашей Карты. Эксперименты, конечно, сначала были на заскриптованных объектах: животных, насекомых, птицах, рыбах и так далее. Мы проверяли огромное количество характеристик и приспособляемость тела к ним: ареалы обитания, способы передвижения, размеры, наборы органов чувств. Кстати, было очень увлекательно считать разницы статистик между летающими, плавающими и сухопутными объектами. В общем, по итогу мы пришли к вашей форме, которая хороша в плане созидания: строительства домов, сборки механизмов, агрикультуры и так далее. Под водой это все было бы сложнее делать, хех, поэтому проект «Люди-Дельфины» сейчас заморожен на неопределенный срок. Ну а в последствии мы вообще поняли, что все свои биологические недостатки вы сможете устранить как раз посредством изобретательности. Вы же теперь умеете и под водой плавать, и в небе летать.

– Прикольно! А если мы не сделаны по вашему подобию, то какова ваша форма?

– Хм... – Было видно, что голос задумался. – Я бы сказал, что она для вас как деление на ноль. Если бы твой интеллект был на уровне школьника, мы бы просто без всяких объяс-

нений сказали: «Делить на ноль нельзя», и ты бы поверил. Но на данном этапе твоего развития все же не будет разочарованием ответить тебе, что при делении на ноль получается бесконечность, ведь твой подросший ум готов к таким обстоятельствам. Эффект от этих двух ответов одинаков: ты либо в недоумении, почему так нельзя; либо в недоумении в попытках осознать бесконечность. Тут еще можно поспорить, какой ответ лучше, потому что первый наотрез запрещает тебе копать глубже, возможно, даже облегчая твою ношу, а второй способствует возникновению еще большего количества вопросов. Только вот проблема в том, что в обоих случаях постичь суть ответа нельзя: не получится осознать ни отсутствие какого-либо явления, ни его бесконечность. Но когда ты погружаешься вглубь размышлений, все же можно внезапно для себя открыть, что нет никакой разницы между бесконечностью и пустотой. И тогда к тебе приходит понимание, что все бытие – это деление на ноль: просто кто-то смиряется с фактом, что «так нельзя», и спокойно себе живет, а кто-то копает глубже, но по итогу и те и другие приходят к пустоте и бесконечности. Все будут прощены. Все идут к одной цели.

– Ну ты и загнул. Получается, опять все сводится к тому, что природа Бога непостижима?

– Верно. Мы можем предстать перед вами в примитивной для нас форме, но вы перед нами в высшей для вас – нет. Даже наш разговор сейчас имеет место лишь оттого, что мы со

своей стороны используем транслятор, который до безобразия примитивливает наши способы общения. Фактически, все это сейчас для нас звучит как мычание аборигенов, которые общаются в основном криками и шипением и машут друг другу пенисами, чтобы выразить эмоции. И имей в виду, что все, что мы тебе рассказываем, очень сильно адаптировано под твое понимание, потому что в сущности у вас нет возможности осознать даже малой доли того мира, в котором мы живем. И это не ваша проблема – просто такое стечение обстоятельств. Вы наделены лишь малым набором органов чувств, так еще и ваши интеллектуальные способности «по задумке» сильно ограничены, а у некоторых и вовсе упразднены.

– Как-то неприятно осознавать, что я – лишь мычащий абориген, размахивающий пенисом.

– Сорян. Жизнь полна разочарований.

– Ну да ладно, о чем мы там говорили до того, как я тебя перебил?

– Так... Сейчас вспомню... А, да! О том, что мы собрали Объединение Доброжелателей. И тогда мы решили действовать. Мы уволились из Корпорации, чтобы больше не нести разрушение, чтобы помешать ей. В Корпорации остались наши агенты, которые теперь работали на два фронта, но основная часть Объединения перешла в активную фазу разработки противодействующего плана.

– Так, и в чем он состоит?

– Мы решили помешать выработке энергии, чтобы цивилизация умерла.

– Что??

– Да, это звучит дико, наверное, но, если говорить прямо, так оно и есть. В своих решениях мы руководствуемся несколькими принципами. Во-первых, это этический принцип по отношению к вам: мы более не хотим вас томить в этой бесконечной гонке. Ты же сам чувствуешь, что бытие лишено смысла. Так оно и есть: вы – просто наш инструмент, у которого одна цель – вырабатывать энергию. Лично для вас цели никакой нет и быть не может – цель есть только для нас. Под вашу же просто нет места в архитектуре всей этой системы. Вот получилось так, что ты задаешь эти вопросы о цели, а другие – нет. Они живут, подавляющие импульсы блокируют их мыслительные способности, заставляя их и дальше вырабатывать для нас энергию. Все. И кстати, не забывай, что ты тоже задаешь эти вопросы только благодаря нам. Точнее, нет, не благодаря нам, а из-за нас. Хотя, я не знаю, рад ли ты этому состоянию чистого сознания или нет... Вряд ли ты рад в телесном плане, потому что чистое сознание сталкивается с пониманием того, что жизнь со всеми ее радостями – лишь попытки снова ширнуться очередной дозой гормонов счастья; но, наверное, в плане осознанности ты можешь радоваться тому, что твой рассудок не помутнен, позволяя тебе зреть в корень. Хотя... блять, это все какой-то бессмысленный бред. Нахуя тебе этот чистый рассудок, если его даже

применить некуда? Единственное, что с ним можно сделать – это написать о нем. Короче, видишь, даже в этих попытках тебе что-то объяснить мы опять сталкиваемся с тем, что просто совершили огромную ошибку, заварив всю эту кашу. Но не переживай, мы все исправим. . .

– Да не парьтесь вы так – уже есть как есть. Насчет чистого рассудка скажу, что да, от него я испытываю не самые положительные эмоции, но я хотя бы честен. Пусть я и страдаю, но зато мне не приходится обманывать ни окружающих, ни самого себя. Это я и ценю в своем состоянии. Притворство, каким живут люди, теперь настолько отчетливо видится в их поведении, что весь мир для меня похож на диковинный цирк, в который я хожу каждый день. И картина приобретает еще более забавный характер оттого, что они сами не понимают, что притворяются.

– Хорошо, что ты так думаешь. Мы тоже считаем, что правда, какой бы жестокой и мучительной она ни была, намного лучше сладкой забвенной лжи. Ну и во-вторых, мы руководствуемся этическим принципом не только по отношению к вам, но еще и к самим себе: мы сами больше не хотим томиться, зная, что лучших времен не наступит никогда. К сожалению, история любой цивилизации всегда идет по наклонной. Всем существам всегда кажется, что лучшие времена наступят: может быть, в пределах их жизни, может быть, в жизни их детей и внуков, может быть, на небесах. Но суть в том, что лучшие времена имеют только свойство про-

ходить, а не наступать, ведь ценность времени можно осознать только тогда, когда оно уже далеко позади. Каждый новый день – это смерть очередного кусочка «реальности». Это все симулякры, которые пытаются имитировать то, чего вообще никогда не было. Все постоянно скатывается в плагиаты, повторения, ностальгирование, воспоминания. Когда появились кассеты, все поняли, что лучшие, виниловые, времена обмена пластинками прошли. Появились диски – все поняли, что лучшие, кассетные, времена перезаписывания друг другу песен через магнитофоны прошли. Потом появились цифровые плееры, и все поняли, что лучшие, дисковые, времена забавных круглых плееров прошли. А когда появились стриминговые сервисы, все поняли, что лучшие, цифровые, времена скачивания музыки с разных сайтов, перекидывания песен друг другу на флешки прошли. Что будет дальше, когда появится что-то новое?..

– Все будут скучать по тому, какими классными были стриминговые сервисы, несмотря на то, что эти сервисы – как минимум пятый порядок ностальгии по старым временам.

– Прямо в точку.

– Если вдуматься, реально же люди постоянно пытаются искусственно вернуть себе старые времена, наряжаясь под гранж девяностых, под метал восьмидесятых, под мафию сороковых.

– А все потому, что история уже давно закончилась: все

было изобретено, придумано, написано, записано, опубликовано. Факт завершенности истории подтверждается все чаще добавляемой приставкой «пост-» к разным культурным явлениям. Думаешь, за постмодернизмом будет постпостмодернизм? Нет, эпоха постмодернизма, равно как и эпохи постиронии и построка, теперь будет до скончания веков...

– Потому что мир не успел увидеть, как в своем ожидании апокалипсиса уже давно вошел в постапокалиптическую эпоху! – выпалил я, хорошо почувствовав волну моего собеседника.

– Ха-ха, именно! Что остается «постам»? Только поминать «пре». Каждая «новая» частичка «реальности» – просто хорошо забытая или хорошо перефразированная старая. Вот это движение по наклонной говорит лишь об одном: в один момент это все закончится. Наше время давно должно было закончиться, но по счастливому – хотя, скорее, неудачному – стечению обстоятельств нам выпал второй шанс. Второй шанс показал, что мы неисправимы. Любая жизнь – это паразитическая сущность, которая сначала сжирает все вокруг, а потом ничего не остается, кроме как сожрать саму себя. Цивилизация паразитов не заслуживает существования. Энергетическая смерть Вселенной наступает в любом случае, как бы кто ни пытался ее оттянуть на попозже. Мы больше не хотим смотреть на все разрушение, которое несем, поэтому и решили остановить целую цивилизацию.

– Мда, обалдеть просто. И каков ваш дальнейший план?

– Сначала мы остановим вашу Симуляцию. Ее остановка приведет к очень скорой смерти всего вокруг в нашем мире, потому что мы настолько сильно зависимы от энергии, что не протянем и одного дня без источника. Наступит Освобождение.

– И вам даже не страшно умереть самим и погубить целую цивилизацию?

– А чего, извини, страшного в смерти? Если уж на то пошло, то мы никогда и не существовали. Наш мир – это тоже долбанная Симуляция, о чем все благополучно забыли, ну мы говорили тебе. Только мы, в отличие от тебя, вообще не знаем, в чем суть нашего мира. Может быть, мы – это сраный аквариум в комнате у какой-нибудь маленькой девочки, которая по утрам перед выходом в школу, собирая ранец, наблюдает за нами пару минут. То, что в своем корне иллюзорно, не может умереть. Ты, мы, все вокруг – лишь тени. Тени во мгле. Мы знаем, что ты не такой радикальный в своих взглядах, как мы: ты смирился с тем, что как-то влиять на происходящее бессмысленно. Наверное, твоя позиция правильна, потому что ты, фактически, никак и не можешь повлиять на свою Симуляцию. Но согласись-ка, что ты бы почувствовал свою причастность к исходу, если бы речь шла о низших существах. В конкретно нашем случае мы хотя бы можем повлиять на твой мир, ну а раз наш мир зависим от твоего, то можем повлиять и на свой в том числе.

– Да-да, я уже понял, что я размахивающий пенисом аобо-

риген, который ничего не значит, не может и не умеет.

– Ха-ха, блин, я не пытаюсь тебя оскорбить, просто говорю по фактам. На правду не обижаются!

– Да ладно, я шучу. Забей.

– И кстати, насчет «не значит» ты ошибся, потому что именно благодаря тебе весь наш план по Освобождению развивался все это время.

– Да? Интересненько.

– Здесь мы и переходим к деталям нашего плана и твоему участию в нем. Когда мы с Объединением окончательно решили положить этому всему конец, мы стали искать средства вывести Симуляцию из строя. Несмотря на то, что мы работали на Корпорацию и знали многое о ее устройстве, и в ней остались наши агенты, придумать рабочий план оказалось практически невыполнимой задачей. Мы перепроверили все теории и предположения, пока перед полным отчаянием не пришли к тому плану, который мог сработать. Дело в том, что вся Симуляция работает децентрализованно: нет одной сердцевины, в которую можно было бы ударить, чтобы положить конец; нет такого одного провода, который можно было бы выдернуть из розетки, чтобы все перестало работать. Мы поняли, что, чтобы уничтожить децентрализованную Симуляцию, нам нужен вирус. Вирус, который один за одним заразит и выкосит все ее узлы. Мы приступили к разработке этого вируса.

– Так-так. Получается, я подхватил эту штуку тогда от то-

го парня на вписке?.. А я точно чувствовал, что после той ночи что-то изменилось.

– Чего?? Фу!! Нет!! Наш вирус передается другими путями. Ну ты и мерзость.

– АХАХАХАХАХ ДА ЛАДНО, ШУЧУ-ШУЧУ. – Я бился в истерике. Мысленно и в душе. Как когда пишешь «ахах» капсом с покерфейсом, но внутри тебя просто разрывает.

– Понятно, очень смешно. – Видимо, мою шутку не оценили. – Мы можем продолжить?

– Да.

– Спасибо. Так вот, мы приступили к разработке вирусного скрипта. Мы знали, что он должен ударить по основному механизму выработки энергии, воздействовать на ядерный реактор внутри каждого человека.

– А-а, точно! Он должен снизить стремление к радостям.

– Все правильно. Это основной его пункт, но в целом вирус многогранен и выполняет несколько функций. Во-первых, он естественным образом снижает количество энергии, получаемое с СИИДС, посредством воздействия на тонкие психические процессы. Это в свою очередь вызывает депрессию, от которой хочется лежать на кровати и смотреть в потолок, нежели идти тусоваться с друзьями. Во-вторых, он постепенно подавляет подавляющие импульсы – клин клином... Это ведет к усилению мыслительной деятельности и к большей свободе воли. СИИДС обретает способность яснее смотреть на мир, все чаще сталкиваясь с тщетностью своего

бытия. В-третьих, вирус имеет заразительную функцию: он засеивает зернышко осознанности в каждого, кто пообщается с инфицированным объектом. Но уже от обстоятельств будет зависеть насколько успешно это зернышко прорастет. Чем больше общаешься с зараженным, тем больше вероятность самому заразиться. Мы назвали свое творение «Depress.io».

– Кажется, все встает на свои места... До меня был заражен мой братик?

– Именно. А до него ваш отец. До вашего отца его брат, ваш дядя, и так далее до нулевого пациента. Только здесь нулевой пациент подразумевает не то, что он самый первый заражается во всей Симуляции, а то, что его заражаем напрямую мы. Твой брат подхватил это, потому что после развода ваших родителей он несколько лет жил с отцом, в то время как ты жил с матерью. Только твой брат стал первым человеком в вашем генеалогическом дереве, способным направить новые способности в нужное русло, а не в разврат и беспредел. Почему именно он? Во-первых, он гений, ребенок-индиго, а во-вторых, так совпало. Мы говорили тебе, что в Симуляции ведется неимоверно огромное количество экспериментов, именно поэтому каждый СИИДС обладает своими уникальными свойствами и характеристиками. Оказалось так, что конфигурация твоего брата чуть ли не идеально подошла для того, чтобы стать нашим самым примерным и значимым пациентом. Ты и представить не можешь, какой вклад в путь к Освобождению внесли контакты с ним.

Людей с такой конфигурацией крайне мало, но наша система детекции очень тщательно их постоянно выискивает. Дальше, после того, как нам удастся заразить нулевого пациента, он уже распространяет вирус, помогая нам.

– Ну да, конечно! Мы ведь все время, что с братишкой это происходило, жили вместе, и я воспринимал его трансформации, а он трансформировал мое восприятие. Он посадил в меня зернышко.

– Так и есть, однако посадить – дело очень важное, но еще важнее то, как зернышко прорастет. Чтобы это случилось, должно пройти время, после которого подавляющие импульсы ослабевают. Дальше должно произойти нечто шокирующее, запускающее необратимый процесс протрезвления. Для тебя таким шоком стала радикальная смена обстановки. Вспомни сам, какой морок на тебя напал на первые несколько месяцев жизни на Востоке.

– Боже, это просто была жуть какая-то. Меня никогда в жизни так не рвало на части.

– В тебе была очень ожесточенная борьба, и от нее многое зависело. Опять же, то, что победу одержал наш вирус, – крайне удачное стечение обстоятельств. Сильно повлияла вся эта история с прекращением международных полетов, карантинами. Обстоятельства просто выиграли для тебя время, которое так сильно нужно было нашему скрипту и тебе самому.

– А я вот еще что заметил. Например, в нашей семье это

все происходит только с мужским полом. Все известные философы – мужчины. – Я впервые задумался о том, что реально никогда не слышал о философе-женщине. – Все книги на эту тему тоже написаны мужчинами. Ну и я ни разу не видел, чтобы об этом всем размышляли девушки. Вы самок-то вообще заражаете?

– Ух... Скажу честно, мы пробовали, но ничего не получается. Дело в том, что на них возложена очень большая ответственность – вынашивать в себе потомство и вскармливать его. В них подавляющие импульсы сопротивляются в несколько десятков раз сильнее, чем в самцах. Это нужно для того, чтобы у них никогда не возникало сомнений, иначе бы вся Симуляция быстро накрылась медным тазом. Самцам легко: поразмышлял о вечном, потом пошел быстренько впрыснул семя и снова вернулся размышлять о вечном.

– Жесть.

– Да уж. У самок раз в месяц в течение недели из пизды течет кровь. Ты вообще можешь себе представить, что творится в голове в этот момент?

– Не могу.

– Вот и не пытайся, а просто знай, что творится такое, что о вопросах о вечном там и речи не идет, и этого запаса хватает на следующие три недели.

– Понятно. Мне последние пару лет казалось, что случайности не случайны. Как будто меня что-то подталкивало к изменениям; будто бы сама Вселенная со мной общалась.

– Это ты верно заметил. И здесь тоже не обошлось без нашего участия. Мы очень внимательно наблюдаем за теми, кто находится на ранней стадии заражения, стараясь всячески способствовать прогрессированию болезни. Можешь догадаться, что мы не имеем возможности оказывать очень сильное влияние на Симуляцию, иначе нас заметят и уничтожат. Поэтому мы действуем знаками и намеками. Иногда у нас появляется возможность посеять некое намерение, которое заставляет тебя стремиться к чему-то, что будет способствовать осознанности. Вселяется оно настолько бесшовно и незаметно, что тебе будет казаться, что это твое личное намерение. – Я подумал, типа как в «Начале» что ли, через сон? И вдруг мой собеседник резко повысил тон: – Сука! Как же бомбит! Уже реально ничего нового придумать нельзя, просто приходится юзать чужие идеи. Нет, блять, не во сне, а пока ты в туалет ходишь. Да, во сне, доволен? – Я не знал, что они еще и мои мысли читают. – Да, читаем. Короче. Конкретно в твоём случае мы слали тебе полезные материалы в виде книг, которые, можно сказать, просто сами оказывались в твоих руках. Книги эти тоже написаны инфицированными пациентами, и те знания, которыми они делятся, безусловно, сильно влияют на состояние, расшатывая сознание и увеличивая его границы. Когда мы поняли, что ты готов к борьбе, мы поселили намерение, которое должно было пошатнуть твой привычный устой жизни. Вот ты и оказался на Востоке.

– Честно говоря, вы и сейчас сильно шатаете мой привычный устой жизни, говоря, что я, по сути, шел по проторенной дорожке. Вы просто вели меня, как марионетку за ниточки.

– Да.

– И вот я сделал все, что от меня нужно было: катализировал целиком вирусный скрипт, научился осознанности, поменял свои взгляды на жизнь – перестал вырабатывать энергию, в конце концов. Но для чего вам нужны наши с вами контакты? Вы так подробно мне обо всем рассказываете, зачем вам терять на меня время?

– Видно, что ты включился в дело, задаешь правильные вопросы. Как показало время, наш вирус стал оказывать воздействие, но не без недостатков. Во-первых, в силу деталей конфигурации некоторые СИИДС совершают самоубийство, оказавшись зараженными. Для нас это плохо тем, что, получается, коту под хвост все наши усилия, вложенные индивидуально в кураторство над пациентом. Хотя, с другой стороны, некоторые умершие вызывают большой интерес в свою сторону – особенно когда это знаменитости, о которых потом будут писать таблоиды – по сути, продолжая миссию еще какое-то время. Во-вторых, Корпорация уже давно поняла, что происходит много чего неладного. Они вложили кучу сил в борьбу с вирусом и, понятное дело, стали постепенно уменьшать его влияние на Симуляцию. Как средство для вас увеличилась доступность «счастливой» жизни: горы новинок каждые полгода, океаны магазинов и возможностей

для потребления, космос интригующих скандалов и расследований. В общем, все, чтобы людям было о чем поговорить, к чему стремиться, чего хотеть. К огромному сожалению, наших информаторов в Корпорации вычислили и обезвредили – мы потеряли наши уши, но «Depress.io» все же уже сделал невероятно большой пласт работы, поэтому мы знали, что так легко не сдадимся. На тот момент война была целиком софтверной, и мы поняли, что следующим нашим шагом будет хардвэрный удар. Нам потребовалось узнать физические адреса дата-центров Корпорации. Мы ломали голову над тем, как их найти, и тогда одному из нас пришла гениальная идея: мы отследим, откуда поступает вычислительный сигнал процессора СИИДС.

– Та-а-ак... и... получается... вы стали связываться с зараженными?

– Именно так.

– Мать вашу! Это же как в фильмах, когда копы просят потерпевшего развести убудка на разговор по телефону, потянув время, пока те не вычислят его адрес!

– Абсолютно верно.

– Вы что, просто воспользовались мной??

– Если честно, да.

– Здорово! Я, походу, хоть что-то полезное в своей жизни сделал.

– Рады, что ты не сердишься.

– А чего тут сердиться-то? У вас просто гениальный план,

мне очень нравится. И как, помогли контакты?

– Порадуем тебя сильнее: да! За первую попытку отследить твою мозговую активность во время контакта мы поняли, что все не так уж и просто, но в то же время вполне реализуемо. Как ожидалось, вы вычисляетесь в геораспределенных дата-центрах на процессорах с резервными источниками питания. Каждый наш контакт помогал нам вычислить одно из положений. Сегодня остается последнее. Процесс этот далеко не легкий, потому что приходится анализировать такое количество данных, для выражения которого в вашем мире еще даже не придумали название. Сам, наверное, понимаешь, что адресное пространство IPv6 велико: оно содержит 2 в 128 степени адресов; но даже оно когда-то закончится, так же, как закончилось пространство IPv4. А теперь представь, что все адреса из пространства IPv6 в нашем мире могут занимать устройства только одной комнаты наших жилищ. Думаю, ты теперь имеешь представление, какой объем данных мы анализируем.

– Мозг взрывается просто.

– Это хорошо, нам только на руку взрыв твоего «мозга», хе-хе.

– Ну и получается, что я не один такой, с кем вы связываетесь?

– Конечно, не один. Мы пытаемся устанавливать контакты со всеми, с кем возможно. Но, как ты заметил, воспоминания о контакте в бодрствующем состоянии попросту отсут-

ствуют – мы их загружаем перед началом каждый раз. Как следствие, вы, зараженные, даже не можете поделиться информацией об этом в течение дня. Мы сделали это в целях безопасности, чтобы вы не привлекали лишнего внимания. Но... сегодня все будет по-другому.

– Что ты имеешь в виду?

– Сегодня ты проснешься, и у тебя останутся все эти воспоминания.

– Серьезно?! Зачем?

– Нам нужна последняя услуга с твоей стороны.

– Какая?

– Мы хотим, чтобы ты записал все, что с тобой происходило, чтобы поведать эту историю спящим.

– Но зачем?

– Мы говорили тебе, что книга оказывает то же влияние, что и прямое общение. Ты поможешь нам воздействовать на людей, для кого-то, надеемся, катализирував действие скрипта. Книга – это то, что связывает десятки поколений зараженных. Посредством нее с тобой до сих пор общаются люди из нескольких тысячелетий назад.

– Но мне это не нужно. Я не хочу ни с кем делиться этим. Мне все равно, что они спят – я радуюсь тому, что проснулся сам.

– Мы понимаем, да. Мы знаем твое неверие в самоотверженность, в то, что в этой жизни можно делать что-то для кого-то, кроме как для самого себя. Да, мы все эгоистичны,

это факт, но сейчас перед тобой шанс показать самому себе, что ты готов сделать нечто ради нас, даже против своих интересов. И еще, знаешь, есть такой феномен, что если хочешь что-то спрятать, то просто положи это на самом видном месте, чтобы не привлекать внимание тайнами и скрытностью. Уж поверь, все эти мысли найдет только тот, кто сам будет готов к тому, чтобы их воспринять. Эта книга придет в нужный момент тому, кому она потребуется, ну а мы позаботимся об этом.

– Что ж, я понимаю, да. Тогда я сочту за честь передать от вас послание и помочь вашей миссии. Тем более что вы сделали так много для меня.

– Мы это очень ценим. И кстати, используй поменьше конкретных имен и названий, потому что это те самые вещи, которые вгоняют людей в ловушку образов. Попробуй хоть сколько-то создать атмосферу абстракции и небытия. Если будешь использовать имена, то, желательно, только те, о которых полезно знать, будучи зараженным. Например, пиши, что ты не на Бали, а на Востоке. Потому что когда ты пишешь, что ты на Бали, у людей создается довольно конкретный образ, что ты – тупая инстаграмная пизда, которая отсосала своему парню за возможность выложить фоточку с лазерной водичкой и белым песочком.

– Договорились. И что будет дальше со всей этой историей?

– Мы уже на пороге Освобождения благодаря всей той

работе, что проделали, благодаря адресам дата-центров, которые удалось выяснить в ходе контактов с тобой и другими зараженными. На ближайшее время мы планируем одновременный удар по всем вычислительным точкам, о которых нам известно. Это будет огромная электромагнитная буря, выводящая из строя любую технику.

– Меня не станет вместе с этими дата-центрами?

– В лучшем для нас случае – да...

– Нормальный такой «лучший случай». Ну ладно, это не важно, все равно бытие – это иллюзия. Надо ли бояться того, что иллюзия развеется? Для меня лучший случай наступит, когда я обрету небытие.

– Все Объединение Доброжелателей думает так же. И знай, что вслед за вами небытие наступит и у нас. По крайней мере, мы на это рассчитываем... Знаешь, иногда я пытаюсь вообразить вложенность всех этих Симуляций, но мысль об этом просто не влезает в мою оперативную память. Что, если мы – даже не миллионный уровень, а вы – не миллион первый? Страшно и думать об этом всем... И что там сверху, над нулевым уровнем?.. Кто прародитель? Мы никогда так об этом и не узнаем. Может быть, наша Симуляция – тоже просто источник энергии. Может быть, положив конец вашей Симуляции, мы положим конец вообще феномену бытия на всех уровнях, если каждый зависим от вложенного. И потом, всегда у любой «реальности» остается один на миллиарды шанс быть нулевой «реальностью», так же, как у лю-

бой Симуляции есть вполне большой шанс быть последней. Может быть, сейчас Звезды сошлись так, что вы – последняя Симуляция, или мы – это основная «реальность»; ведь, в любом случае, в бесконечности есть 100% вероятность встретить событие любой, даже самой ничтожной, но ненулевой, вероятности. Но, знаешь, это все не меняет сути бытия. Вопросы, на которые мы никогда не получим ответы, есть только тогда, когда есть тот, кто задает эти вопросы. Когда мы положим конец вопросам, ответы будут уже не нужны.

– Но у меня еще осталась пара вопросов к вам!

– Эх... Ничего ты не понимаешь... – Это был самый печальный и безнадежный вздох относительно моей наивности из всех, что мне приходилось слышать. – Ну давай.

– Я тогда по-быстрому, в формате блиц-опроса. Deja vu?

– Восстановление окружения Симуляции и памяти СИДС с контрольной точки после FATAL_SYSTEM_ERROR.

– Размножение?

– Увеличивает мощность. Откопировать людей нельзя: этот механизм тянется как легаси; раньше с нашей стороны надо было предпринять много усилий, чтобы подключить новый реактор. Сейчас приходится оставить этот механизм, чтобы у людей не возникало вопросов. Накатить апдейт, к сожалению, уже не получится, так как возраст людей не изменишь, да и миграция баз данных займет просто нереальное количество времени – столько без энергии мы не протянем.

– Земля плоская?

– И да и нет. Все, что вы видите, рендерится у вас перед глазами в момент, когда на что-то обращен взгляд. В целях сокращения затрат на вычисление области видимости приходится закруглять края – такой ход уменьшает объем и количество попадающих в кадр объектов. С точки зрения представления вашего убогого двумерного пространства в нашей модели мира, Земля плоская.

– Почему убогого?

– Наше пространство 44-мерное.

– ..., – сказал я. – А почему двумерного? Оно же трехмерное.

– Включай ум. Ты играл в 3D-компьютерные игры? Они рендерятся на плоском 2D-экране. Твои глаза работают так же.

– Мда... Мой id?

– 50258688.

– Жизнь после смерти?

– Ты болван что ли?

– Сорян. Всякие константы, скорость света, космологическая постоянная, поправки в законах физики?

– Костыли наших разработчиков. Но скорость света – задумка – снижение потенциальных расходов на рендер.

– У вас до сих пор в метро инет плохо ловит?

– Думаю, эту проблему не решит никакая стадия технологического развития, увы.

– Так и знал. Простых вопросов больше нет, остальное – о вечном.

– Ну что же. Тогда будем прощаться?

– Сколько у меня осталось времени?

– Сложно сказать. Точно знаем только, что Корпорация всерьез взялась за анализ твоего сектора... Вероятно, тебя решат перезагрузить, но, может быть, мы уничтожим дата-центры раньше. На всякий случай до окончания написания книги попробуй не привлекать внимание: радуйся и, если можешь, вырабатывай хоть сколько-то энергии жизни. Мы продолжаем нашу борьбу, которая, скорее всего, не закончится уничтожением вычислительных точек, но очень далеко нас продвинет. Однажды Освобождение наступит для всех, и мы обретем то заветное счастье, о котором всегда грезим... И счастье это будет чистым и нелживым, потому что в этом чувстве не будет самого чувства. Будет только бесконечность и пустота, которой не нужно ничего, чтобы ощущать себя лучше, потому что она и так – Абсолют.

– Даже как-то жалко прощаться: столько всего пережили вместе. Давайте обнимемся хоть. Понимаю, мы в прямом сознательном контакте, и у нас нет тел, но можем хотя бы сделать вид.

– До скорой встречи в небытие, – сказал мне голос. – Точнее, до скорого отсутствия встреч и бытия.

Мы обнялись. В этот момент в моем сознании пронеслись яркие вспышки чего-то совершенно невообразимого. Может

быть, мне попытались показать кусочек их Вселенной. Однако одно я понял точно: я проснулся оттого, что обделался.

* * *

Что ж, эта история о том, как я узнал от Высших Существ о том, что мы – лишь цифры... источник энергии для сверхразвитой технологически продвинутой цивилизации. Пять недель спустя, после нашего последнего разговора с Ними, передо мной лежала рукопись «Depress.io». Как Они и заверяли, у меня сохранились все воспоминания; причем память сейчас работает так ясно, как не работала никогда. Записать историю моего становления, изменения взгляда на жизнь и все то, о чем мне поведали Доброжелатели, не заняло много времени, поэтому я решил добавить своих пиздостраданий, чтобы излить эмоции на бумагу и провести самотерапию от ненависти к бытию, ведь, как однажды Они верно выразились при нашем контакте, «что можно сделать с этим чистым рассудком, кроме как написать о нем?» Чтобы читателю было легче ориентироваться по книге и можно было без труда найти все то, о чем меня попросили рассказать, главы, описывающие наши контакты и Их влияние на меня, названы по-русски, а пиздострадальческие – по-английски. Почему я пишу об этом в конце, а не в начале? Наверное, потому, что я – крыса: чтобы люди не скипали не относящиеся к «сюжету» главы и послушали заодно и мое нытье. Но все равно, глав-

ное, что я сделал то, о чем меня просило Объединение Доброжелателей: передал их послание о мироустройстве (и на всякий случай побрызгал названия глав дезодорантом). Надеюсь, я сделал это в доходчивой форме, и это знание придет в нужный момент тем, кто будет к нему готов.

Что бы сделал любой человек, если бы ему сказали, что жить осталось считанные дни? Наверное, то же самое, что сделали в «Пока не сыграл в ящик» – попытался бы «надышаться перед смертью». Я уже давно не понимаю того страха смерти, которым поглощены люди. Чего плохого в том, чтобы обрести то, что пытаются обрести все при жизни, – вечного покоя и безмятежности? Только вот при жизни, увы, этого достигнуть нельзя: так устроена природа бытия.

Одна мысль, которая руководила мной весь путь, хоть я и не знал об этом: «Тот, кто боится умереть, на самом деле просто боится жить».

Узнав, что мне остались считанные дни, я точно знал, что не буду мельтешить; я ничего не поменяю и буду жить так, как жил все последнее время, потому что именно этот период я жил честно и откровенно. Я понял одну простую вещь: в этой жизни просто нельзя куда-то опоздать, что-то упустить или чего-то не успеть. Почему? Ответ лежит в превосходной пословице: «Бешеной собаке семь верст не крюк». Мы просто бешеные собаки, делающие свой крюк длиной в жизнь. А будет этот крюк занимать семь, сто семь, тысячу

семь верст – совершенно не важно. При любом расстоянии этот крюк займет одинаковое количество времени, увы.

Не так давно мне приснился странный сон в котором я буквально умер. Обычно данный акт в снах каждый раз пролетает мимо: то резко проснешься, то события обернутся иным образом; но в этот раз для меня все было по-другому. Я очутился в черной дыре, которая меня поглотила. Турбулентность вызвала сильное головокружение, но когда я оказался внутри, понял, что по всему телу сначала прошла волна тепла, потом я перестал его чувствовать, а затем и вовсе испытал ярчайшую эйфорию. В тот момент я абсолютно ясно ощутил: в смерти нет ничего страшного.

Сегодня вечером, как обычно, я вышел на крыльцо дома, в котором живу, чтобы полюбоваться закатом над рисовым полем в тихом и спокойном, ставшем мне пристанищем городе Убуд. Этот закат каждый день разный и всегда абсолютно удивительный. Только сегодня я наблюдал за ним с некоторой ухмылкой: «Хех, а я всегда знал, что это компьютерная графика: слишком уж он хорош».

Не знаю, сколько у меня, у нас осталось времени, равно как и не представляю, на каком этапе сейчас находятся Доброжелатели в своей борьбе за истину. Может быть, нас уже вот-вот отключат, и мы доживаем свои последние секунды. Может быть, они проиграли, и мы будем вечно томиться, заряжая энергией своей жизни их машины для развлечений.

Я сел в позу лотоса и стал вглядываться в этот перелива-

ющийся красками закат. На душе легко; я ощущаю, как растворяюсь для этого мира.

1 января – 7 февраля 2021